

УРАЛЬСКИЙ

Снегони́м

ISSN 0134-241X

6 (780) ИЮНЬ, 2022

www.uralstalker.com

**5000 КМ
В ГОД**

**ДИВЕРСАНТЫ
ЛИКВИДИРОВАНЫ**

**ЛЕСА ПРОДВИГАЮТСЯ
В ГОРЫ**

ИНКЛЮЗИВНАЯ КОМАНДА

Июнь 2022

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке –

1 стр.: Данил Крицкий.

4 стр.: Фото Ивана Зуева.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Геннадий Прашкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2022 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №6 (780), 2022 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком , публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

■ Почтовые отделения России:

■ Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316

■ Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Аэлита
Журнал
в журнале

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №6, 2022 г.
Подписан к печати 28.05.2022 г. Дата выхода 05.06.2022 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Тираж 11000.
Отпечатано ООО «Периодика», 623751,
Свердловская область, г. Реж, ул. О.Кошевого, д. 16.
Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Заказ №:

Встречный ветер

Наши проекты

В.СЕМЧЕНКОВА
«Форт Боярд»
по-уральски 3

Юнкоры пишат

И.ЗУЕВ
Где на яхте
бушприт? 6

Природа в ладонях

М.БОКАЧЕВ
Мухоловка-пеструшка 24

Экология

И.КУЗНЕЦОВА
Ивдельский
ландшафтный
заказник 26

Добрые попутчики

А.КАПРАЛОВ
Хорошо там,
где мы! 29

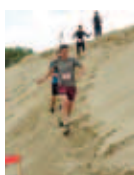
Экология

А.ГРИГОРЬЕВ
Горы, тундры
и метод длинно
в жизнь 30

Экспедиция

С.КОНДРАШИН
Затонувшее
судно 42

Живи активно

Д.КРИЦКИЙ
К концу тренировки
становишься другим
человеком 44

Фотолетопись

Е.ТАМПЛОН
Хитный
прииск 46

Река времени

Тропой поиска

Н.ВЕХОВ
Печорский
десант 8

Клуб собирателей

О.ЛОБАНОВ
Деньги
Пауля Зиберта 13

Далекое-близкое

В.СТРУГАНОВ
Под кодовым
названием
«Лесхоз» 16

Штрихи к портрету

А.БУЛГАКОВ
Истоки
таланта 20

Тропой поиска

Л.ЛЕВИЦКАЯ
Богословские
истории 34

Традиции

В.МЕХОНОШИНА,
М.БЕЛАВИНА
Путешествие
в Кочевье 38

«Форт Боярд» по-уральски

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Вера Семченкова

Человек с ассортиментом особенностей, включая печать букв собственным носом и непрерывное катание на своей колеснице.

Майский экстрим «Уральского следопыта» 2022

С какого ракурса ни посмотри на темп современной жизни, все чаще он напоминает квест. И, чтобы прибавить энтузиазма в его прохождении, необходимо время от времени участвовать в соревнованиях, пробегать дистанции, проверять способности своего мышления и смекалки. Именно такой вывод сделала я по окончании фестиваля «Майский экстрим», который проходил 29 мая в самом центре Екатеринбурга.

*Неуловимых не догнать,
Они вечно куда-то мчатся.
Им надо первое место занять
И в списке лучших оказаться!*

— Какие мне физические активности, ведь я... А что я? Подумаешь, в ко-

ляске. Что-то не смогу, но кое-что смогу обязательно!

Эту позицию помог мне занять Клуб свободного общения «Парашиотисты», а еще большую веру в себя придала редактор раздела «Встречный ветер» журнала «Уральский следопыт»

Наталья Дудко. Наша группа спортивных и творческих, на колясках и без них с радостью приняла ее приглашение и взяла успешный старт.

«Неуловимые» — эта характеристика наиболее точно отражает порыв души каждого из нас, потому так и назвали команду. Смелый и сильный Алексей единогласно был назначен капитаном и прокладывал путь к победе. Двое озорных и невероятно ловких школьников Саша и Сева отвечали за высшие баллы на этапах, в которых хорошее владение телом было преимуществом. Спортсменка, комсомолка и просто красавица Анастасия променяла сидение на своем индивидуальном автотранспорте на преодоление горизонтальной переправы, где предстояло подняться на тросе, натягиваемом всеми членами задорного коллектива, всего лишь под самую вершину ели.

С самых удобных наблюдательных пунктов за всем происходящим следила Вера. На первый взгляд работа зрителя кажется легкой, но сколько ответственности и волнения за товарищей она накладывает. Особый трепет в сердце вызвал подъем Настя: любовь подружки к экстриму мне известна, но, когда видишь довольно рискованный трюк своими глазами, боишься и гордишься одновременно. На всех этапах, впрочем, как и в повседневной жизни, рядом находились мамы — Раиса и Мария — они принесли в общий зачет немало очков. Точный и адаптированный для «неуловимых» маршрут тщательно продумала Наталья Дудко, бла-

годаря чему все испытания оказались нам под силу.

Вот так, один за всех и все за одного, мы шли от этапа к этапу. Безусловно, настрой на победу присутствовал сразу, однако всякий раз мы поздравляли друг друга с личным результатом каждого, что стало куда важнее, чем мысль о том, какое место займем в турнирной таблице. А еще мы узнали, что никогда не увязнем в болоте, справимся с прохождением любой переправы и ни за что не дадим себя уронить маятнику, чья траектория непредсказуема.

За короткое время нас научили оказывать первую медицинскую помощь, применять химические реагенты в правильном назначении, надевать костюм пожарного и работать со специальным оборудованием так, как это делают профессионалы. Ближе к финишу потренировали координацию с помощью удержания мячика на ракетке, после актив команды получил медаль «Майская гроза» за бег и осуществил сплав на катамаране, а в завершение нас ждали настоящий мозговой штурм и обретение знаний на викторине.

Мнение самого смелого и сильного Алексея в мире:

— Был классный квест! Я даже не думал, что «Майский экстрим» может быть мне интересен, так как всегда счи-

тал его фестивалем водных видов спорта. Особенно понравилось одеваться в пожарного и переплыть речку на катамаране.

Комментарий самой отважной Анастасии на Земле:

– Преодолеть качающееся болото, пройти не одну горизонтальную переправу с помощью рук. Взлететь выше елей. Испытать катамаран, ознакомиться с машиной МЧС и сесть за руль. Вспомнить оказание первой медицинской по-

мощи и освежить уроки химии. А также множество этапов, которые мы проходили с нашей сильной дружной командой «Неуловимые» на Плотинке с журналом «Уральский следопыт»... Незабываемо! Огромное спасибо организаторам «Майского экстрима» за такое интересное и важное мероприятие. Спасибо Наташе Дудко за приглашение и поддержку. Наташа, это было очень круто. Спасибо за поддержку Саше и Севе и, конечно, нашим мамам за то, что всегда с нами.

За яркие мгновения дня хочется сказать спасибо редакции журнала «Уральский следопыт». И отдельных слов благодарности, которые буквально вырываются из глубины души, заслуживают те, кто подарил возможность участия людям с огромным желанием выходить из зоны комфорта и стремиться к большему. **VS**

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР

Верх-Исетский

**ОТКРЫТ
НАБОР
В ДЕТСКИЕ
СЕКЦИИ**

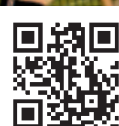
БАССЕЙНЫ

ФИТНЕС-КЛУБ

СПОРТЗАЛЫ

Иван Зуев

Капитан. Юнкор Пресс-центра
отряда-флотилии «Флагман».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

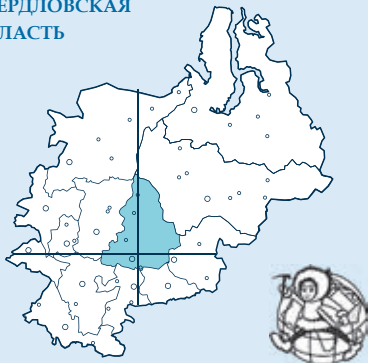

Фото автора и Игоря Желнова.

Где на яхте бушприт?

Что бы, кто бы и где бы ни говорил о нашем городе, самом компактном миллионнике России, для нас, его жителей, он прекрасен. И лучшие организаторы нашего города стремятся всеми силами это показать.

«Майский экстрим» — одно из самых ярких и интересных мероприятий, ежегодно проводимых на любимой горожанами Плотинке журналом «Уральский следопыт». Вот уже более десяти лет отряд «Флагман» принимает непосредственное участие в организации одного из этапов этого мероприятия-квеста и парусной регаты на городском пруду.

Наш этап — вязание морских узлов и устройство яхты класса «WalkerBay». Один из более чем шестидесяти этапов квеста.

Но для нас и для зрителей самое интересное — парусная регата. Если с этапом мы участвовали и в предыдущие годы, да и в сентябре прошлого во время «Осени Уральского следопыта», то регаты не было вот уже несколько лет из-за ремонта Мака-

ровского моста, вынудившего понизить уровень воды в городском пруду. И вот — свершилось!

Одиннадцать яхт Крапивинского отряда «Флагман» были доставлены и спущены на воду. День выдался благоприятным для выходов — хороший ветер и весеннее тепло. Пока одни гоняются — две яхты осуществляют катание гостей. Какая радость для пришед-

ших детей — прокатиться на настоящей яхте, да ещё и в хороший ветер. И какая радость — наблюдать за яхтами с берега. Бело-голубые паруса дополняют пейзаж родного города. Но пока на берегу наблюдают зеваки — прохожие, на воде кипит ожесточённая борьба за первенство в гонке. Стаж у рулевых разный, однако шанс выиграть есть у каждого.

К этапу подходят команды, выражая подлинный интерес к происходящему. Умеешь вязать морские узлы? Хорошо! А назови, где на яхте банки, бушприт, шверт? И тут — ступор. А морским терминам-то простых школьников никто не учил. То-то. Кстати, лучшие результаты показали команды МЧС и младшие школьники, которые читали книги про пиратов!

На другой стороне Плотинки, ниже по течению, тоже кипит жизнь. Идут соревнования профессионалов на каяках и байдарках. Во все стороны летят брызги от весел и от фонтанов. Красота! Из-за ограниченного водного пространства борьба, наверное, еще и ожесточеннее, чем в наших гонках. Всё вокруг наполнено весёлыми людьми. Ходят верблюды и лошади. Танцуют на сцене девушки, изящно кажутся на роликах десятки спортсменов. Город становится сказочным.

Вот уже подходит к концу наша регата. Объявлены заслуженные победители. Все участники и гости получили самое главное — заряд позитива. И немножко экстрима. Наверное, в наше суровое время и хорошо, что немножко.

Спасибо «Уральскому следопыту»! Спасибо Екатеринбургу — городу, который даже своих жителей умеет удивлять! **УС**

Исторические фотографии из фондов Печорского историко-краеведческого музея, г. Печора, Республика Коми

Печорский десант

Диверсия в глубоком тылу

▲ Современное фото мест, где должны были действовать диверсанты

Перед решающим сражением на Курском выступе немецкое командование планировало проведение серии диверсий в глубоком советском тылу. Абвер организует и забрасывает диверсионную группу в район расположения нескольких крупных исправительно-трудовых лагерей НКВД Коми АССР (в нескольких десятках километров от реки Печоры).

По разработанному плану будущей операции десантники должны были ликвидировать охрану лагерей и поднять заключенных на восстание. Предполагаемая точка заброски находилась в нескольких десятках километров юго-западнее от одноимённого посёлка (а ныне — города Печоры). Долгие годы многие факты, связанные с заброской группы диверсантов, их поимкой и целями деятельности «шпионов», изобиловали тёмными пятнами, до конца не были объективно установлены, что порождало массу слухов, домыслов и фантазий.

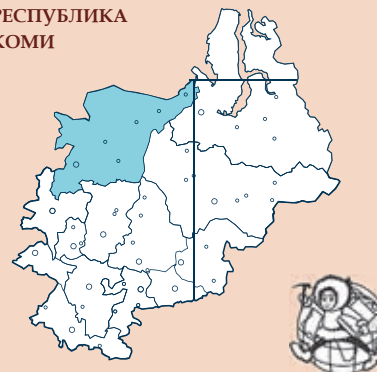
Летом 1943 года боевые действия Великой Отечественной войны медлен-

но, но верно отодвигаются на запад. Километр за километром наши бойцы отвоёвывают захваченную врагом землю. Крупные индустриальные центры европейской части страны вплоть до Урала находятся в глубоком тылу, отдавая все силы будущей победе. Враг провалил план ближнего боя, но всё ещё остаётся сильным, медленно отступая, отчаянно огрызается.

Наполеоновские планы Абвера

Сразу замечу, что в формирующиеся для заброски в советский тыл группы диверсантов набирали почти исключительно оказавшихся в пле-

РЕСПУБЛИКА КОМИ

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешественников и путешественников. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

ну красноармейцев. Идея развернуть борьбу в советском тылу принадлежит бывшему комбригу Ивану Георгиевичу Бессонову, в июле 1941 года попавшему в окружение в белорусских лесах и сдавшемуся немцам в плен. В апреле 1942 года в лагере для высшего командного состава — в офлаге XIII-D в Хаммельсбурге (Бавария), Бессонов организовал из пленных советских офицеров весьма любопытную организацию с громким названием — «Политический центр борьбы с большевизмом» (ПЦБ). Он же предложил германскому командованию весьма оригинальный план — на базе ПЦБ сформировать парашютно-десантное подразделение, куда бы вошли несколько мобильных штурмовых отрядов, забросить их в район сплошного расположения исправительно-трудовых лагерей НКВД от Северной Двины до среднего течения Оби.

Это были Архангельская область и Коми АССР, Свердловская область, Ханты-Мансийский АО и ряд других регионов. Бессонов гарантировал успех акции, он был хорошо знаком с организацией и структурой ГУЛАГ'а, дислокацией и системой охраны лагерей. Сей «проект» имел целью «зажечь» советский тыл и, тем самым, открыть «второй фронт» борьбы с большевизмом, чтобы «распылить» силы Красной Армии, отвлечь их на борьбу с составными заключёнными и «забыть» про основное направление «главного удара» по немцам на западе СССР.

Невозможно себе представить, как немцы поверили в реальность осуществления этого плана, в нарисованную фантасмагорию. Но ведь поверили, раз такой идеей прониклось само VI управление РСХА (Главного управления имперской безопасности). Да так поверили, что в июле 1942 года создали для

▲ Фокке-Вульф Fw 200 Kondor. На двух таких самолётах в печорскую тайгу был доставлен немецкий десант. Из архива Марка Роулеса

► Маршрут пролёта самолётов к месту будущей высадки в печорской тайге. Автор Станислав Жарков

«гнезда идейных борцов с большевизмом» специальный центр подготовки «СС-Зондерлагерь Бухенвальд», организованный в качестве секретного блока на территории концлагеря.

Интенсивная работа в этом направлении позволила к лету 1943 года подготовить для заброски в советский тыл две десантно-штурмовые группы по 50–55 человек каждая, группу радистов 20–25 человек и женскую группу в 20 человек, набранную из числа находившихся в женском лагере военнопленных в Бреслау военврачей и медсестер. Одновременно было отпечатано много атрибутов наглядной агитации, чтобы вызвать взрыв недовольства советской властью в районах будущих диверсионных операций — листовок, воззваний, плакатов и несколько номеров газет с характерными названиями «Уральский рабочий», «Путь сибиряка», а также программных брошюр «Что делать» и «СССР и мировая революция». Ведь будущее восстание должно было охватить огромную террито-

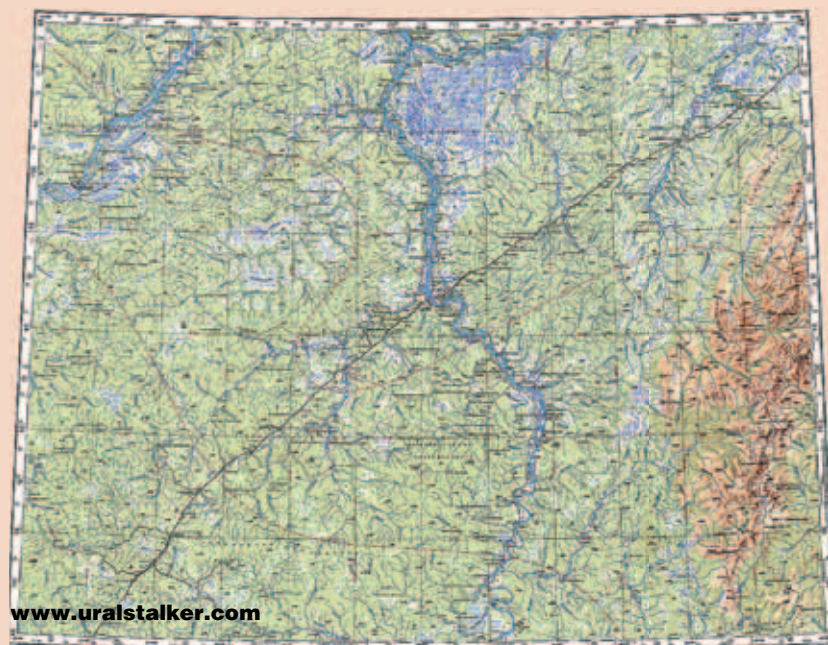
рию — от Северной Двины до Енисея и от Крайнего Севера до Транссибирской магистрали.

Район планируемых действий разбивался на три оперативные зоны: Северную (правый берег течения Северной Двины), Центральную (бассейн реки Печоры) и Восточную (от Оби до Енисея). Заброшенные в тыл диверсанты-«освободители» должны были захватывать объекты ГУЛАГ'а, освобождать и вооружать заключённых и ссыльнопоселенцев и двигаться с ними в общем направлении на юг.

«Северная зона десанта»

Реализовать целиком весь этот план «победного шествия по нашим глубоким тылам» не удалось. Полностью он был разработан лишь для действий в Северной зоне, за которую «отвечал» бывший полковник Красной Армии М. А. Меандров, являвшийся «командующим Северной зоной десанта». Согласно этому плану, за «Северной зоной десанта» закреплялся треугольник — «Сыктывкар (штаб зоны) — Сольвычегодск — юго-восточнее Архангельска». Здесь находились три крупные зоны ГУЛАГ'а, освобождённые заключённые которых должны были составить костяк будущего восстания.

На деле реальная картина существенно отличалась от планов командования «Политического центра борьбы с большевизмом». Выбросить в наш глу-

◀ Карта района, где был сброшен немецкий десант

бокий тыл сумели лишь одну диверсионную группу, которую возглавил командир десантной группы, бывший белоэмигрант, офицер Лев Николаевич Николаев; вместе с ним в группу входило ещё 11 человек. Официально операция именовалась «Цепелин-Норд». Десантная группа в печорские леса готовилась в рижской спецшколе Абвера, которая располагалась в местечке Придаине.

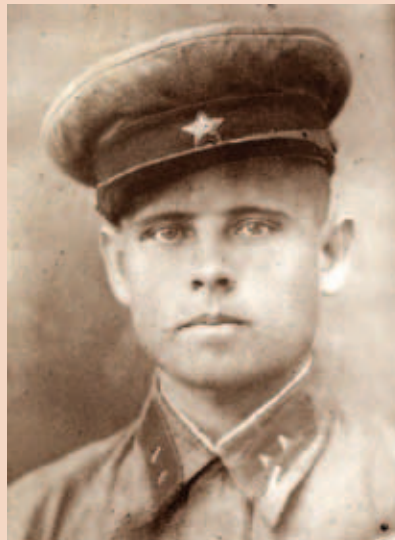
► Мост через р. Печору.
Современная фотография

► Печорский ж/д мост. 1940-е, начало

► Участник диверсионной группы
Алексей Карпович Денисенко.
Фото 1941-42 гг.

Подготовленная к заброске в глубокий советский тыл группа из 12 человек вылетела на аэродром в норвежском Нарвике, откуда немцы совершали свои полёты в Арктику на спецоперации. Здесь группу распределили по двум самолётам «Фокке-Вульф Fw 200 «Кондор» (нем. Focke-Wulf Fw 200 Condor), на которых через акваторию Баренцева моря достигли примерно средней части Северного острова Новой Земли, пересекли его поперёк в юго-восточном направлении, резко повернули на юг, к материке, и уже над водами Карского моря долетели до материкового берега.

Углубившись в воздушное пространство над ненецкими тундрами, два тяжёлых немецких самолета достигли таёжной зоны Коми АССР, где в ночь с 5 на 6 июня оказались над районом выброски. С борта самолётов вместе с десантом на землю было сброшено вооружение и необходимые подручные средства для диверсий. Диверсанты были одеты в форму НКВД и снабжены соответствующими удостоверениями.

В случае успеха за первой группой диверсантов последовали бы другие и в советском тылу «началась бы настоящая война». Планом генерала Бессонова предполагалась заброска на север

СССР в кульминационной фазе операции до пятидесяти тысяч десантников. Десант такой численности должен был захватить лагерь с заключенными, вооружить повстанцев и, устроив силы, двинуться на Урал. Им ставилась задача перерезать Транссибирскую магистраль, которая соединяла заводы Сибири с фронтом, что могло в определённой степени повлиять на исход всей войны. В качестве района высадки десанта и исходной территории для развертывания повстанческой деятельности планом предусматривались: районы Нарьян-Мара, Усть-Цильмы и Усть-Ухты; район дельты реки Северная Двина; район Сыктывкара; район Мезени; на реке Оби: Обдорск, Березов,

▲ Михаил Константинович Годов, замкомандира десантной группы. Фото 1950-х гг.

► Селение у слияния рек, где находился лагпункт «Развилки»

Самарово; район дельты Енисея; Северный Урал — район Чердыни.

Была и ещё одна задача этой операции. Нужно было взорвать железнодоро-

рожный мост Северо-Печорской магистрали, связывавший Воркуту с остальными частями страны. В этот период войны Северо-Печорская магистраль числилась на особом контроле ГКО. Ведь почти на два года был утерян Донбасс, главный угледобывающий регион, и поэтому возросло значение Печорского угольного бассейна для снабжения фронта и промышленных центров воркутинским углем. Немецкое командование ясно понимало роль этой железной дороги в обеспечении советской промышленности и фронта воркутин-

ским углем, ухтинской нефтью и таёжным лесом.

Согласно описи, подписанной начальником отдела контрразведки «Смерш» НКВД Коми АССР, старшим лейтенантом Госбезопасности Савельевым, в сброшенном «багаже» диверсанты имели: 12 немецких и советских автоматов, один ручной пулемёт, миномёт, ракетницу, пистолеты «парабеллум» и «вальтер», мотки бикфордова шнура, ящики с 52-мя минами разных конструкций и почти 60-ю ручными гранатами, одну радиостанцию, 300 кг тола и другое снаряжение.

«Боевые» события в печорской тайге

Печорский десант был сброшен двумя группами в ночь с 6 на 7 июня в 48 км от лагпункта НКВД «Кедровый Шор». Северо-восточнее располагались три мощных лагерных треста НКВД — Печоржелдорлаг (осуществлял строительство Северо-Печорской железной дороги на участке Кожва — Воркута), Инталаг и Воркутлаг, осуществлявшие промышленное освоение угольных месторождений. В них содержались десятки тысяч заключенных, которые и должны были составить будущую освободительную армию.

Парашютистов при выброске раскидало по тайге, они приземлились в трёх километрах друг от друга. В составе первой группы из шести человек находился командир диверсантов Николаев, а также один из ключевых участников операции, радист Андрей Одинцов. Разбив лагерь, где оставили Николаева вместе с охраной, двое диверсантов отправили в разведку на поиски остальных участников операции. Обнаружить лагерь последних, которых возглавлял заместитель командира операции Михаил Годов, удалось только между 22 и 23 часами 7 июня. Разведчики первой группы с вестью о нашедшихся диверсантах вернулись в свой лагерь только около часа ночи 8 июля. Обвешанный с ног до головы оружием Николаев сидел у костра, а находившийся по ту стороны от него, их разделял только дым, радист Андрей Одинцов внезапно выхватил пистолет и выстрелил в Николаева. Группа была «обезглавлена». Оказывается, о таком сценарии поведения рядовые участники будущей операции договорились

▲ Окрестности Печоры

▲ Владимир Семенович Соловьев, заместитель начальника отдела борьбы с бандитизмом НКВД Коми АССР, участник ликвидации десанта

▼ Зиновий Иванович Шапенков, полковник, радист Архангельского военного округа. Участник радиоигры с немецким и рижским штабом полковника Цеемариуса

▲ Афанасий Алексеевич Рохин, сотрудник госбезопасности г. Сыктывкар. Участник ликвидации десанта и радиоигры с немецким штабом под руководством центра из Москвы

▶ Приток Печоры

▲ Николай Петрович Семенов, летчик Ухтпечлага. Один из тех, кто возил диверсантов и оперначальство в Сыктывкар и Архангельск

между собой, ещё находясь в тренировочном лагере в Латвии. В «заговоре» участвовали все, кроме денщика Николаева татарина Расулаева, заговорщики боялись, что он донесёт на них.

Затем они отправились к десанникам второй группы во главе с заместителем командира операции Михаилом Годовым, выслав двух диверсантов в поисках жилья и держа маршрут вдоль ручья Вой-Вож. Так, к пяти часам 9 июня вышли к лагпункту «Развилки». Сдали оружие, отдохнули и на лошадях отправились к лагерю первой группы, куда подтянулась часть десантников второй. Остальные были заняты поиском сброшенного на парашютах снаряжения. Когда все собрались вместе, отправились к лагпункту, куда прибыли во второй половине дня 10 июня. Затем все десантники сдались работникам органов НКВД.

После десанта

Казалось бы, после такого благоприятного исхода для всех участников десанта и ВОХР'овцев, участвовавших в операции по «поимке диверсантов», всё закончилось. Да, это так. Но, местное руководство НКВД захотело устроить радиопроигру с противником, как это принято в подобных случаях. Хотя в ходе розыскных работ был обнаружен переговорный шифр и позывные коды, но приводящая к работе радиопередатчика динамомашинка где-то потерялась, её не нашли. Так что задуманная радиопроигра не состоялась.

На этой «операции» НКВД, в ходе которой по сообщению наркома внутренних дел Коми АССР, подполковника госбезопасности С.И. Кабакова была «уничтожена» группа диверсантов, он захотел «подняться» и получить заслуженную награду. В Мо-

скову за его подписью была отправлена телеграмма такого содержания (орфография оригинала сохранена): «Москва. НКВД СССР. Докладываю: 6 июня 1943 года на территорию Коми АССР в кожвинском районе около сельхоза Кедровый Шор-НКВД, был высажен парашютный немецкий десант в количестве 12 человек во главе с руководителем Николаевым Владимиром Николаевичем с задачей поднять восстание в лагерях и уничтожить важнейшие объекты. 9 июня немецкий десант выловлен полностью, он был одет в военную форму войск НКВД СССР и снабжен месячным запасом продовольствия, <... > имел фиктивные документы, партбилеты, удостоверения личности сотрудников НКВД СССР, снабжен разными бланками, семью печатями в числе которых печать НКВД СССР, и радиостанцией. Десантная группа окончила школу в предместьях Риги и вылетела с Рижского аэродрома через Норвегию на двух самолетах бомбардировщиках. При задержании группа вначале оказала сопротивление, при перестрелке один десантник был убит после чего десант сдался, с нашей стороны потерь нет. <> Операцию проводят под моим руководством Боровиков, Прошутинский, следствие вести поручено отделу борьбы с бандитизмом вместе с оперотделом Наркомата. При задержании использовали военизированную охрану НКВД. Разрабатываем мероприятие по приему от немцев дополнительных десантов, используя при этом радиста Одинцова. Нахожусь в Кожвинском районе. Кабаков».

Как было установлено расследованием всего произошедшего в печорской тайге, эта реляция расходилась с реальными событиями. Изучивший

► Андрей Аверьянович Одинцов, радист десантной группы. Фото 1975 г.

досконально этот вопрос Борис Хватов пишет: «только <...> к вечеру 6 июня была создана группа захвата, которая не успела никого «захватить»: десантники сдались сами. Организатор и руководитель группы захвата нарком внутренних дел Коми полковник Кабаков (во время проведения операции по захвату десанта он был ещё подполковником) в надежде быть награжденным за отлично проведенную операцию послал в Москву на имя Берии телеграмму (см. выше), которая положила начало фальсификации истории печорского десанта. Он сообщил о «ликвидации» десанта и писал, что дополнит сообщение именами особо отличившихся в проведении операции. Во время «захвата» был произведен всего один выстрел из винтовки стрелком разведывательного отряда Хрящевым, которым «по недоразумению» (так сказано в материалах следствия) был убит десантник А. Куликов, но в отчете говорилось о более тысячи патронов, использованных во время боя с десантниками.

На самом деле все «подвиги» ликвидаторов оказались выдуманными. Была потеряна даже карта, по которой радист Одинцов должен был сообщать в немецкий разведцентр координаты местонахождения группы. Потеря карты сорвала радиопроигру, которую затеяли советские чекисты. В процессе поисков карты обнаружилась дезинформация. Была создана следственная комиссия, которая пришла к выводу, что если бы десантники оказали активное сопротивление, вооруженные автоматами, пулеметом, минометом и гранатами, то бездарно организованная группа захвата была бы уничтожена». После проведенного следствия все десантники, кроме большого А.Г. Доронина, были отправлены на фронт и сражались за Победу вместе со всем народом. Но до сих пор ложь о десанте иногда нет-нет да всплывает: она живет или по незнанию, или по недомыслию. **УС**

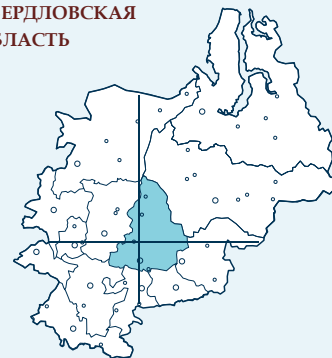

Олег Лобанов

Ветеран МВД России, майор милиции, краевед. Проживает в Верхнейвинске.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Изображения банкнот
и монет из собрания автора

◀ Памятник легендарному
разведчику в центре города
Талица, привезенный из
Украины

Деньги Пауля Зиберта

Памяти легендарного разведчика Н.И. Кузнецова

Пауль Вильгельм Зиберт одним из первых сообщил советскому командованию о приготовлениях немцев к сражению на Курской дуге.

Зиберт раскрыл тайну покушения на членов Большой тройки стран антифашистской коалиции. Он смог найти и передать координаты резиденции Гитлера «Оборотень» на оккупированной территории.

Пауль Зиберт, он же «Пух», он же «Николай Грачев», он же разведчик отряда «Победители», сфор-

мированного советским командованием и дислоцировавшегося под украинским городом Ровно. В годы войны лишь единицы знали, что настоящее имя обер-лейтенанта Зиберта — Николай Кузнецов. И что родом он не из Пруссии, а из небольшого уральского городка Талица.

▲ Памятник Николаю Кузнецову перед Талицким лесным техникумом

◀ Немецкие деньги. Пять марок (лицевая сторона, аверс)

▶ Украинские деньги в период гитлеровской оккупации. Один карбованец

По разработанной легенде пруссак Зиберт был очень богатым человеком. Среди его друзей было много коммерсантов. Для реализации легенды, поддержания имиджа и заведения новых знакомств требовались деньги, которые в руках разведчика становились оружием возмездия.

Обер-лейтенант вермахта Пауль Вильгельм Зиберт, происходивший, как все

◀ Советские деньги, сохранившиеся в обращении. Три рубля образца 1938 года

знали, из богатой прусской семьи, появился в столице оккупированной Украины в октябре 1942 года. Он занимался снабжением своей части, дислоцированной под Курском. В бумажнике офицера всегда были крупные купюры в рейхсмарках. Он делал дорогие покупки, посещал дорогие рестораны. Будучи несколько мотоватым, Пауль Зиберт стал завсегдатаем немецких казино и значных мест. Его всегда окружала компания приятелей из немцев и украинских успешных коммерсантов. Как округлились бы глаза этих «истинных хозяев», если бы они узнали, что под маской заслуженного офицера и его приятелей-торгашей скрываются советские разведчики: Николай Кузнецов, Николай Гнидюк, Михаил Шев-

чук и другие. Что эта глубоко законспирированная группа регулярно сообщает в спецотряд «Победители» секретную оперативную информацию. Какими же деньгами пользовались советские разведчики?

Придя к власти, нацисты использовали старые деньги Веймарской республики и выпустили новые денежные знаки. Так, в ходу были монеты номиналом от 1 до 50 рентайфеннигов и банкноты в рентаймарках, выпускаемые Немецким рентайным банком, кроме этого, в обращении были монеты от 1 рентайспфеннига до 1 рентаймарки, а также банкноты в рентаймарках, выпущенные Немецким рентайбанком. Монеты вначале практически ничем не отличались, кроме надписи номи-

нала: на одной стороне обозначалась стоимость монеты, на второй — пучки пшеницы. Однако в 1935 году начался выпуск монет с имперским орлом и орлом, держащим в лапах свастику. В обращение вышли также монеты достоинством в 2 и 5 рентаймарок с изображением Пауля фон Гинденбурга — президента Веймарской республики. За два года до этого в нацистской Германии вышла серия памятных монет из серебра номиналом в две

и пять рентаймарок. В следующем году новый выпуск памятных монет — две серии 2 и 5 рентаймарковых монет, одна из которых посвящена годовщине прихода А. Гитлера к присяге рентайскандлера.

Захватывая государства Европы, гитлеровцы сохраняли в обращении старые денежные знаки и вводили новые. В 1940 году Имперский банк 3 Рейха выпустил в обращение две цинковые монеты достоинством 5 и 10 рентайспфеннигов. Монеты были с отверстиями, этим они должны были отличаться от общегерманских. Кроме этого, были выпущены банкноты, номиналы которых были в рентайспфеннигах или, как их еще называли, армейские деньги. Их номиналы были от 5 до 50 рентайспфеннигов.

22 июня 1941 года мирное небо над Советским Союзом было взорвано — началась Великая Отечественная война. Гитлеровским войскам удалось в короткие сроки оккупировать огромную территорию Прибалтики, Украины, Белоруссии и РСФСР. Новой оккупационной столицей Украины Гитлер избрал небольшой город Ровно.

В это время в нем ходили в обращении советские денежные знаки: монеты достоинством от 1 до 20 копеек и банкноты от 1 до 5 рублей и от 1 до десяти червонцев. Немецкая оккупационная администрация разрешила оборот советских денег, не смущало их даже то, что на червонцах был изображен портрет В.И. Ленина — основателя советского государства. Оккупанты установили курс 10 рублей за 1 марку.

Весной 1942 года гитлеровцы создали Центральный эмиссионный банк Украины, деньги стали печатать в берлинской государственной типографии. Были выпущены банкноты достоинством от 1 до 500 карбованцев образца 1942 года. Гитлеровцы запретили оборот советских бумажных денег, монета к этому времени вышла из обращения, осев в карманах населения, так как монеты были дороже бумажных банкнот.

Однако выпущенных в Германии денег не хватало для немецких войск, оккупационной администрации и населения, поэтому немцы снова разрешили к обращению советские купюры достоинством в 1 и 3 рубля. Карбованцы были введены в обращение 1 июля 1942 года. Все население должно было сдать советские деньги от 5 рублей и выше. Курс карбованца к рублю был установлен один к одному. В кассах разменивали только 200 рублей различными деньгами, за остальные выдавали банковские расписки. То есть к моменту появления Зиберта в Ровно там

▲ Пятьдесят марок

в обращении находились немецкие монеты и банкноты, оккупационные карбованцы, советские рубли и монеты.

По воспоминаниям командира отряда Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева и начальника разведки отряда Александра Александровича Лукина, одной из главных задач было снабжение Пауля и Зиберта и других членов его группы соответствующими денежными знаками. Благодаря денежным средствам Зиберту удалось завоевать расположение адъютанта гауляйтера Украины и Восточной Пруссии Эриха Коха капитана фон Бабаха. 31 июля 1943 года Пауль Зиберт вместе со своей невестой Валентиной Довгер (советской разведчицей) попал на прием к гауляйтеру. Целью Н.И. Кузнецова был гауляйтер Кох. В этот же день в Центр ушло сооб-

щение о готовящемся в районе Курска контрнаступлении немцев.

Более полугодя Николаю Кузнецову удалось успешно действовать на территории оккупированной гитлеровцами Украине. За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, в декабре 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Николай Кузнецов был награжден орденом Ленина — высшей наградой СССР. Легендарный разведчик погиб в марте 1944 года вблизи села Боратин на Львовщине в неравном бою с оуновцами. Указом Президиума Верховного Совета СССР Кузнецову Николаю Ивановичу было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, посмертно.

Великая Отечественная война закончилась победой советского народа над гитлеровскими захватчиками. Мы не должны забывать подвиг героев, отдавших свои жизни за Победу. Вечно должны помнить мы и уральского паренька Нику Кузнецова — легендарного Николая Кузнецова. Улицы маленького городка Талица украшают памятники герою. Именно в Талице Ника Кузнецов, обучаясь в школе-семилетке, освоил азы немецкого языка. В Талицком лесном техникуме будущий разведчик прошел и школу взросления. Памятник Герою стоит на центральной площади города. Второй памятник — небольшая стела — воздвигнут во дворе Талицкого лесотехнического техникума. Он встречает и провожает молодых таличан и приезжих студентов. Закончить хочется цитатой из высказываний самого Николая Кузнецова: «Я люблю жизнь, я ещё молод, но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это...» **УС**

◀ Монеты Германии 1933-1939 гг.

▼ Чернореченский пруд

Под кодовым названием «Лесхоз»

Хроника секретного объекта

Старшее поколение лесничан помнит о существовании в окрестностях Лесного небольшого военного городка-посёлка, именуемого в народе «51-й». Городка нет уже более двух десятилетий. С ним, похоже, канули в Лету и многие факты его биографии.

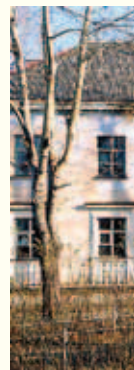
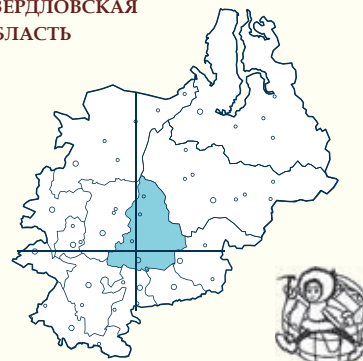
Секретность объекта ко многому обязывала жителей. Потому и воспоминания немногочисленны, и фотоархив невелик. В текущем году населённому пункту с названием «51-й квартал», о котором до сих пор ходит немало слухов, исполнилось бы 70 лет. Теперь мы можем лишь помянуть уже несуществующий объект. А как же он возник?

Появление этого военного городка непосредственно связано с историей города Лесной. Официальной датой рождения Лесного (прежде — База-9, затем Свердловск-45) считается 19 июня 1947 года, когда вышло Постановление Совета Министров СССР, коим в районе Нижней Туры утверждалась площадка на предмет строительства здесь завода № 814 по электромагнитному разделению изотопов. В первую очередь — урана-235 и лития-6. Они были необходимы для создания атомного оружия. Важнейшую государственную задачу выполнили.

Но в сентябре 1951-го правительство страны решило изменить профиль предприятия, а заодно — и назначение строящегося в 7 км от него объекта «Гора». На их основе создали завод № 418 по серийному изготовлению атомных бомб. Вот тут и начинается история упомянутого военного городка.

В 1952 году в 16 км от Базы-9 началось строительство сверхсекретного объекта под кодовым названием «Лесхоз». Его возникновение и задачи были тесно связаны с «Базой-9» и объектом «Гора» в посёлке Горный. Куррировавший выполнение советского атомного проекта заместитель Председателя Совета министров СССР Лаврентий Павлович Берия требовал завершить строительство объекта в течение года. Однако решение задачи осложнялось недостаточной механизацией и значительной удалённостью площадки от Базы-9. Не забудем —

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Владимир Струганов

Выпускник Свердловского мединститута. Более 30 лет проработал врачом в ЦМСЧ-91 ФМБА России в городе Лесном. Бард. Автор нескольких поэтических сборников и популярных книг по истории Лесного. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Литературный квартал» (Екатеринбург).

Фото предоставлены автором

Уральский следопыт, июнь 2022

▲ Спецобъект в тайге

здесь была глухая тайга. На место несколько раз приезжал ближайший соратник Берии, генерал-лейтенант госбезопасности Павел Мешик.

Возводился так называемый «Лесхоз», как и Свердловск-45, преимущественно руками военных строителей и заключённых исправительно-трудового лагеря строительства № 1418 (с 1949 года — ИТЛ строительства № 514, а с 1953 года — Красногорский ИТЛ) в количестве до 1000 человек. Начи-нали с прокладки многокилометро-

▼ Здание бывшего штаба воинской части № 32136

вой бетонной дороги, на которой было задействовано несколько бригад женщин из числа заключённых.

«Лесхоз» являлся одной из центральных баз хранения (ЦБХ) ядерного оружия в СССР. По сути, арсеналом, откуда боеприпасы поступали в закреплённые за ним войсковые базы хранения. Закладка боеприпасов на хранение началась в 1954 году, когда строительство отдельных надземных и подземных хранилищ ещё продолжалось. Толщина железобетонных стен складов доходила до четырёх и более метров, они могли выдержать ненаправленный ядерный взрыв. Параллельно строился жилой посёлок воинской части № 32136 (40274), зани-

► На окраине посёлка, современное фото

◀ Корпус боеголовки. Экспонат учебно-выставочного центра комбината «Электрохимприбор»

▲ Вход в спецобъект

мавшейся хранением, сборкой и обслуживанием произведённых на заводе № 418 специзделий.

В СССР ядерные боеприпасы с заводов-изготовителей поступали на первых порах в разобранном виде. На ЦБХ проводилась проверка их составных частей, а затем — мон-

таж в корпус. Начиная со второй половины 1957 года, когда центральные базы хранения стали передаваться в подчинение Минобороны, наладили складирование изделий в более высокой готовности.

▲ Ещё один заброшенный объект в тайге

Посёлок лишь формально считался частью Свердловска-45, так как относились эти населённые пункты всё же к разным ведомствам: Свердловск-45 – к Минсредмашу, а «Лесхоз» – к Министерству обороны СССР. Въезд сюда осуществлялся по специальным пропускам, отличным от пропусков в Свердловск-45. Скорее, это были поселения-спутники. Поселковые автобусы, встречавшие пассажиров курсировавшего когда-то сообщением Свердловск – Нижняя Тура фирменного поезда «Уралочка», приходили на железнодорожную станцию, соблюдая конспирацию – с табличкой «Лесхоз».

Другое своё название, закрепившееся в обиходе, – «51-й квартал» – этот населённый пункт получил по номеру здешнего участка лесного хозяйства. Располагался военный городок у границы между Свердловской областью и Пермским краем, на левом берегу извилистой и маловодной речушки Чёрная (правого притока р. Большая Именная, впадающей в Туру). Это был своеобразный анклав на территории Нижнетуринского района. По свидетельству бывших жителей, на правом берегу речки Чёрная, вниз по течению, когда-то стоял лагерь заключённых. Там же находилось и кладбище, где похоронены те, кто строил посёлок.

Жизнь на 51-м была довольно обеспеченной и комфортной. Как и Свердловск-45, он по советским меркам прекрасно снабжался товарами. Здесь имелись все необходимые для жизни людей службы и учреждения: почтовое отделение, медпункт, детский сад и ясли, библиотека, баня, прачечная, продуктовый и промтоварный магазины. Работала школа-восемилетка, которую впоследствии, правда, сократили до начальной. Поселковый Дом офицеров являлся местом проведения собраний и праздников. В нём демонстрирова-

▶ Дом офицеров в поселке

лись кинофильмы, работали разнообразные кружки.

Управление посёлком осуществлял командир части в звании генерал-майора. Большинство личного состава составляли офицеры. Лишь в автороте служили солдаты-сверхсрочники. Наряду с военнослужащими на 51-м проживали и семьи вольнонаёмных (гражданских) лиц. Из-за строжайшего режима секретности выезд вольнонаёмных даже в Свердловск-45 без письменного разрешения командира части был невозможен.

Говоря об улицах 51-го, бывшие жители упоминают одну единственную – Гвардейскую, указывая, что к ней «привязывались» все строения посёлка. Уже позднее, исключительно в связи с перенумерацией, добавились новые названия: Центральная, Тихая, Парковая улицы и Солнечный проезд. Дома – преимущественно двухэтажные, характерные для типовой застройки 40–50-х годов прошлого века. На Парковой стояли три индивидуальных коттеджа: командира части, начальника политотдела и гостевой.

К 1970 году число военных в городке существенно сократили. Оставался отдел с инженерной и авторотой. При этом использовалось единственное подземное хранилище, где держали заряды для утилизации.

В 1980-х директор комбината «Электрохимприбор» в Свердлов-

▶ Построение перед парадом

ске-45 А. И. Галин обнародовал планы по созданию в 51-м квартале завода кинескопов. Предполагалось даже пустить туда скоростную электричку. Однако намерения по дальнейшему развитию посёлка так и не исполнились. В период рыночных реформ, глубокого экономического и политического кризиса, приведшего к развалу СССР, воинскую часть отсюда вывели окончательно. Оказавшись без финансирования, населённый пункт начал стремительно хиреть. На пустующих площадях в это время стали возникать частные предприятия. Одно из успешных – ТОО «Элмопровод» по производству медной проволоки. Предприятие просуществовало около десяти лет (официально ликвидировано в 2003-м).

Лишившись статуса закрытой территории Министерства обороны, после безуспешных попыток продать свою недвижимость, посёлок отошёл к Нижней Туре. Командиром части и одновременно командиром гарнизона тогда являлся генерал-майор Крыжов (до него командирами части являлись генералы Филиппов, Старостин и др.). Руководство Нижнетуринской ГРЭС всерьёз намеревалось открыть на территории бывше-

▶ 51-й (Лесхоз), ул. Гвардейская. 1980-е годы

◀ Возле одного из коттеджей, 1960-е годы

го военного городка кирпичный завод. Ведь в округе большие запасы глины. Но вскоре посёлок передали городу Свердловск-45, получившему имя «Лесной» и статус закрытого административно-территориального образования (ЗАТО).

Администрация Лесного лелеяла надежду превратить удалённый 51-й квартал, с его речушкой и прудом, в «маленькую Швейцарию». В конце концов, городская Дума признала посёлок неперспективным. На состояв-

▼ Бывшая казарма

▲ На пруду, фото 1960-х

▼ Пруд сегодня

шемся 5 августа 1998 года заседании рассматривался вопрос об утверждении программы переселения людей. В 2002 году отселение жителей завершилось, и населённый пункт «51-й квартал» (Лесхоз) прекратил существование.

Спустя годы брошенные на территории 51 квартала капитальные строения превратились в руины. Теперь вблизи развалин обитают исключительно немногочисленные дачники. В окрестной тайге, под землёй и на поверхности можно обнаружить остовы мощных железобетонных сооружений, где иногда орудуют заезжие сталкеры и диггеры.

Нет уютного городка, нет воинской части, нет секретных складов... Но название «51-й квартал» по-прежнему используется в бытовом общении жителей Лесного. **УС**

▼ Бывший магазин

Истоки таланта

Становление инженера Георгия Марсакова

▲ Вид с колокольни на поселок Наследницкий. Фото 2016 года

Александр Булгаков

Родился в Челябинске. Окончил Челябинский политехнический институт. Инженер-технолог. Член Международной гильдии писателей. Живёт и работает в Челябинске. Интересуется историей своей семьи, авиацией.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

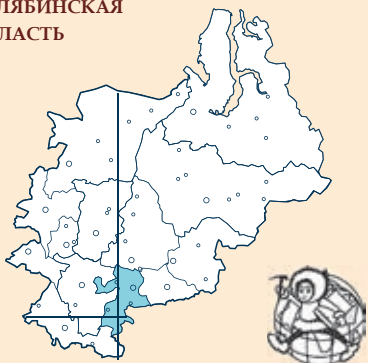

Фото предоставлены автором

Судьба талантливого инженера — создателя хлебозавода-автомата с конвейером кольцевой конструкции — связана с Уралом. Детство его прошло в станице Наследницкой (ныне поселок Наследницкий на юге Челябинской области).

Родился Георгий в семье мещанина города Верхнеуральска Оренбургской губернии Петра Калистратовича Марсакова, у которого была ещё одна, уже местная сословная привязка — Пётр Калистратович был «иностранодним». Так называли приезжую часть населения казачьих областей. Не в том смысле, что все эти люди прибыли из «иного города», а в смысле, что это были представители «иного рода», то есть не казаки.

Жизнь в казачьей станице

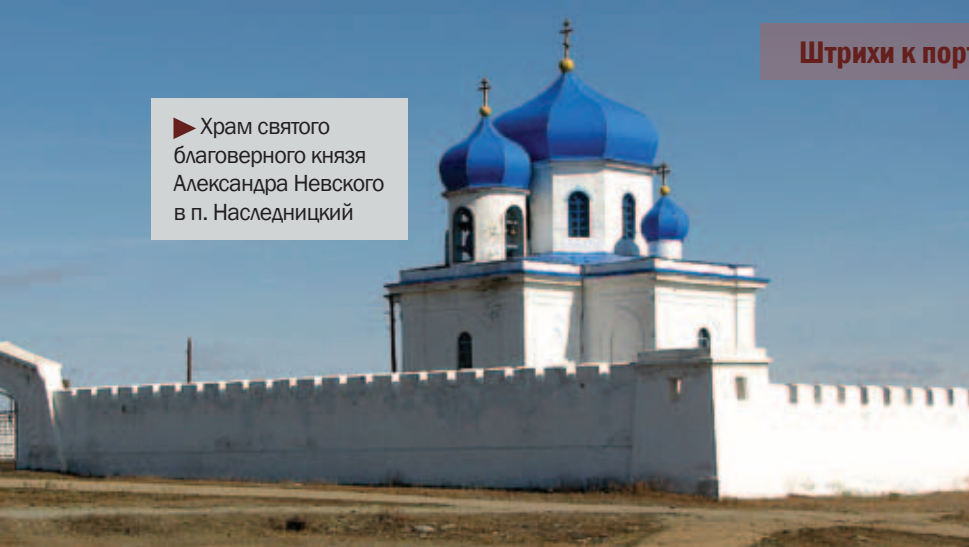
Семья Марсаковых, как и все иностранодние, собственного надела земли не имела, и потому главе семьи приходилось зарабатывать на пропитание единственно возможным в округе способом — ремонтом церквей, питейных заведений, а также частных домов, принадлежавших купечеству, состо-

ятельной части казачества и киргиз-кайсацких баям. Для этого ему пришлось освоить множество разнообразных профессий: от маляра, печника и кровельщика до штукатура, кузнеца и слесаря. Кроме того, когда с заказами на ремонт случалась длительная заминка — играл на скрипке, увеселяя станичников на свадьбах и вечеринках.

Своё негативное отношение к иностранодним казаки особо не скрывали: «Крупа, не люди вы», — зачастую слышали те в свой адрес. Так что после того, как Пётр Калистратович выстроил в станице ветряную мельницу, да такую, что не было ей равной в округе по размерам и лучше оборудованной, получил он казачьей старшины не признание своего профессионального мастерства, а ещё одно обидное прозвище, теперь персональное — «американец» (американец).

► Храм святого благоверного князя Александра Невского в п. Наследнический

Надо сказать, что он и без этого выделялся на общем фоне. И забор-то вокруг избы у него не как у всех — нежно-голубого цвета. И внутри-то дома тоже: и стены «под мрамор» и полы на восемь слоёв «под паркет» выкрашены, и, вообще, не было, пожалуй, в доме ни одного предмета интерьера, не изукрашенного на особый манер. И в палисаднике-то, который сам по себе большая редкость в казачьих домах, кроме традиционных сирени, акации и вишни, выращивал он невиданные в здешних местах яблони, крыжовник и золотистую смородину.

Но вот такой черты характера, которая отличает американцев от прочих народов мира — способность делать деньги практически из воздуха (вспомним хотя бы с таким юмором и талантом рассказанную американским писателем Марком Твенем историю о том, как Том Сойер забор красил), он не имел. Мельницу, из-за которой получил обидное прозвище, и ту за долги забрали и даже за работу не заплатили.

Когда река Бирсуат, в обычное время вполне оправдывающая своё имя «только одной лошади достанет воды напиться», по весенней поре разливалась столь широко, что превращала посёлок в подобие Венеции, легко преодолевал вплавь по залитой водой центральной улице расстояние в три перекрёстка. Однако из своей недожиданной силы и выносливости никакого дохода не извлекал, напротив, всем, кто проплыл расстояние от одного перекрёстка до другого, ставил чирку (10 литров) водки, а тому, кто два — две чирки.

Или вот такой случай. Как-то раз, обратив внимание, что службы в Наследницком храме во имя Святого благоверного князя Александра Невского почему-то не ведутся, получил от батюшки ответ, что сие прискорбное явление происходит, поелику кровля пришла в изрядную ветхость и в любой момент покушается рухнуть на головы прихожан. Меж тем как удовлетво-

рить аппетиты мастеров из Костромы и Нижнего Новгорода, просящих за работу весьма не по-божески — 3000 рублей, в виду скудости наличествующих средств, не представляется возможным. В церковной кассе на тот момент находилась сумма на порядок меньшая, тем не менее, Пётр Калистратович взялся за эти деньги, которые, скорее всего, лишь покрывали расходы на материалы, перекрыть купола. Работа была выполнена и выполнена, по всей видимости, хорошо, так как вплоть до закрытия храма в 1930-х годах подобных работ больше не проводилось, причём храм закрылся не по причине ветхости кровли, а по причине антицерковной политики новой власти.

Ирония заключается в том, что деятельная помощь храму пришла в лице представителя того сословия, которое титульное сословие казачьих станиц постоянно обвиняло в размыивании их традиций. В то время как практически всё православное население станицы, причём станицы далеко не бедной, имевшей в году две ярмарки, приносившие до 8–10 тыс. годового дохода, безучастно наблюдало за тем бедственным состоянием, в котором пребывало церковное имущество. Помогал Петру Калистратовичу в его богоугодном деле только старший сын Георгий, который хотя и был на тот момент дипломированным инженером, но руки помнили то, чему научился ещё в детстве.

Его «университеты»

Учиться азам мастерства маленького Георгия отец начал с девяти лет. Поначалу тот красил вёдра: пара, окрашенных однотонно, уходила за 25, а с цветочками — за 85 копеек. Неплохой довесок семейному бюджету, если учесть, что на сумму, вырученную за пару однотонно окрашенных вёдер, можно было купить фунт (0,409 кг) мяса, а за те, которые с цветочками — почти два фунта севрюги. Конечно, ответственных работ ему поначалу не до-

веряли, но предоставляли в полное распоряжение остатки краски и избу в качестве полигона для развития творческих сил юного дарования. Так что необычный вид жилища семьи Марсаковых во многом его заслуга.

К двенадцати годам, поднатюрев в непростом искусстве шпатлёвки, шпугатурки и окраски, помогал отцу в верхолазных работах. Бесстрашно передвигался вблизи края крыши на высоте седьмого-восьмого этажа и аккуратно наносил слой за слоем краску на черновую крышу.

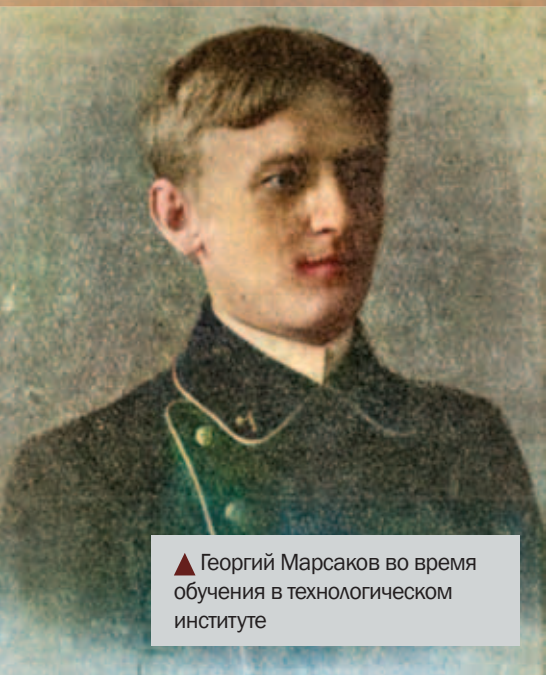
Когда семье удалось арендовать небольшой клочок земли, глава семьи никакого участия в его обработке не принимал, и все хлопоты легли на плечи юного Георгия. Этот маленький человечек, который в своей худобе и тщедушности казался моложе своих лет, по весенней грязи, облепавшей ноги пудовыми комками грязи, ходил за плугом-сабаном, запряжённым волами.

Летом косил траву на конной косилке. Работа на этом детище американской компании «Ундервуд» требовала изрядной внимательности и сноровки: левой рукой надо было управлять лошадью, а правой рукой, если попадался камень, схватиться за рычаг и поднять косу. Кроме того, были необходимы определённые технические навыки: ножи — наточить, поднимающий косу рычаг — смазать. К тому же, в момент, когда на ножи наматывалась влажная трава, стоило лошади чуть

▲ Водонапорная башня в поселке Мясокомбината, г. Троицк. Фото А. Николаева

▲ Георгий Марсаков во время обучения в технологическом институте

дёрнуть — моментально ломался шатун. Случалось это достаточно часто, что не удивительно, — возраст косилки был весьма почтенный. Тогда приходилось разбирать её, выпрягать лошадь и во весь опор скакать домой. В старом сарае, исполняющем роль кузни, разводить горн и при помощи немудрящих инструментов (два молота да трое клещей) сваривать обломки — операция, требующая изрядной квалификации, и, надо сказать, не каждому кузнецу по плечу.

Несмотря на все успехи, которые Георгий делал в освоении разнообразных практических навыков, старый Марсаков понимал, что его сыну необходимо полноценное образование. То, чему и как учили в поселковой начальной школе, не выдерживало никакой критики. Мало того, что предметов, в ней изучаемых, было явно не густо: русский язык, арифметика и Закон Божий, а из учебных пособий только глобус, так и обучаться его сыну приходилось в женской школе, так как казаки были категорически против обучения их сыновей с представителями более низких сословий, куда, по их мнению, относились и иногородние. Девочкам же изучением даже такого скудного набора наук особо не досаждали, норовя как можно ранее пристроить их в няньки в богатые семьи. Вот и пришлось отцу отвезти Георгия в Троицк для обучения в тамошней гимназии, хотя шёл ему к тому времени уже шестнадцатый год.

Преподавание в Троицкой гимназии не на много превосходило уровень поселковой школы. Так же как и там преобладала тупая зубрёжка и на хорошую оценку мог рассчитывать только

тот, кто на экзаменах был способен бойко изложить по памяти соответствующий параграф учебника. Для юного Георгия Марсакова, обладающего феноменальной памятью и усердием, такое обучение не было проблемой, он с лёгкостью получал на экзаменах пятёрку за пятёркой. Однако наряду с этим его всегда отличали: аккуратность, умение доводить порученное дело до конца и доскональность в изучении любого вопроса, не считаясь с затраченным временем. Так что вполне закономерно, что именно ему, в бытность студентом Томского политехнического института Императора Николая II, приехавшему на практику в Николаев (Украина) на судостроительный завод «Наваль», единственному из 156 сокурсников, вице-директор завода, инженер Каменев предложил, не откладывая дела в долгий ящик, остаться на заводе или вернуться туда после окончания обучения. Георгий выбрал второй вариант.

Когда сгоравший от нетерпения поскорее начать работу на пригласившемся ему заводе Марсаков явился в институт и попросил записать его сразу на одиннадцать экзаменов, дипломную работу и дипломный проект, то декан от такого заявления чуть со стула не рухнул и, стигаясь по полам от смеха, предложил ему покинуть кабинет. Только он, видимо, он забыл, что за плечами этого студента уже был один славный эпизод, когда он сдал двадцать один экзамен за два месяца. Доказательством, что это не было результатом случайного стечения обстоятельств, явилось то, что по прошествии всего пяти месяцев ему удалось с блестящим защитить дипломные проекты по тридцатисильному дизелю и холодильной установке.

После того как ему было присвоено звание инженера-механика сразу по двум специальностям: силовые установки и холодильное дело, приехал в родную станицу повидаться с отцом,

чтобы тот мог воочию убедиться, что его усилия дать сыну достойное образование не пропали даром (мать до этого радостного момента не дожила). Однако вместо того, чтобы наносить визиты многочисленной родне и предаваться подобающим моменту радостям жизни, на протяжении двух недель вместе с отцом красил и ремонтировал станичную церковь.

В тылу у белых

В Николаев Марсаков так больше и не вернулся, так как, последовав за покинувшим к тому времени завод «Наваль» своим покровителем Камневым, очутился в 1914 г. в Царицыне (Сталинград/Волгоград). Здесь он работал вначале прорабом на строительстве Орудийного завода, а затем инженером по оборудованию металлургических цехов, а также заведующим котельным и слесарно-механическим цехами на том же заводе.

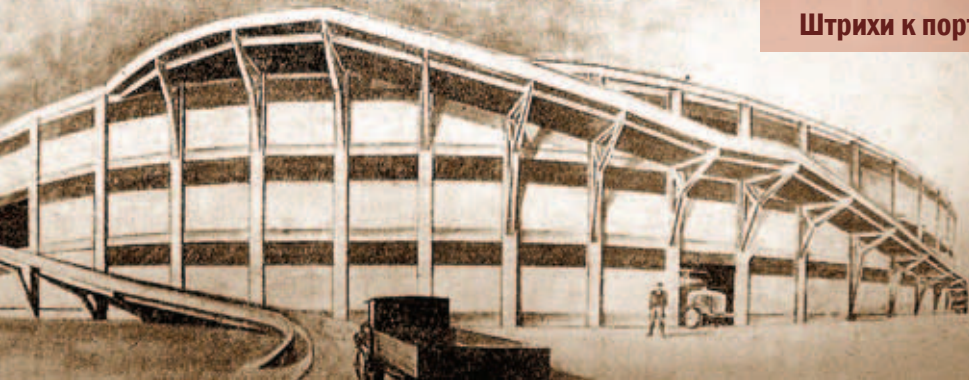
В 1918 году этому коренастому, широкому в плечах, постоянно находящемуся в хорошем настроении 30-летнему мужчине неожиданно предоставляют отпуск для поправки здоровья. Это явилось результатом интриг старого заводского истеблишмента, решившего таким образом «встрянуть» того, кого они называли «позором сословия» за его симпатии к новой власти. Марсаков решил воспользоваться неожиданным свалившимся на него отпуском, чтобы, может быть в последний раз, навестить своего отца, которому исполнилось 60 лет (весьма почтенный для того времени возраст).

14–17 мая 1918 года произошёл инцидент в Челябинске, с которого и начался мятеж Чехословацкого корпуса, давший начало кровавой смуте под названием Гражданская война. Вплоть до августа следующего года Урал оказался отрезанным от Поволжья и Центральной России. «Завис» на Урале и герой нашего очерка.

▲ Вход в старый ледник. Поселок Мясокомбината, г.Троицк

◀ Проект металлургического комбината Г.П. Марсакова (1930-е годы)

комбината по технической части, и следить, за выполнением данного приказа, поручено было именно ему. Однако с молчаливого согласия начальника комбината он произвёл сокрытие всех ответственных деталей, которые рабо-

Несмотря на то, что белые объявили мобилизацию на всей подконтрольной им территории, куда входила и станция Наследничья, Марсаков от мобилизации уклонился. Такое решение было вполне закономерно. Хотя на тот в момент он и не состоял в рядах партии большевиков, но всё же был товарищем (заместителем) председателя Союза инженерно-технических работников Царицынского Губпрофсовета и представителем в комиссии по введению Рабочего Контроля при Царицынском Совете рабочих и солдатских депутатов.

К сентябрю все накопления его закончились, поэтому пришлось заняться активными поисками работы. Поначалу он подался в Омск, где рассчитывал поступить в местный Политехнический институт, на какой-нибудь холодильник или железную дорогу. Устроиться на приличную работу без документов, подтверждающих квалификацию, которые остались в Царицыне, оказалось проблематичным, но тут счастливым образом помогло случайное оказавшееся при нём удостоверение с Царицынского Орудийного завода. Благодаря ему в октябре 1918 года он поступил в артиллерийское управление армии адмирала А.В. Колчака под начало генерал-майора Шерпантье Фёдора Фёдоровича (1874–1954), начальника тяжёлой артиллерии особого назначения, где ему поручили заниматься организацией и постройкой ремонтных мастерских в Красноярске. В декабре того же года Шерпантье убыл по делам в Омск, а Марсаков упросил своего непосредственного начальника капитана Оганезова С.М. и заместителя Шерпантье полковника Федоровича уволить его.

После чего выехал в Омск, где поступил к Кустанайскому купцу Самохвалову для постройки ему макаронной фабрики. Однако в первый же день (25 декабря 1918 г.) приезда в город Кустанай он был арестован начальником гарнизона за уход из воинского подразделения и большевистскую агитацию и помещён в подвалы контрразведки. Выйти оттуда ему удалось только благодаря поручительству братьев Преоб-

▲ Московский хлебозавод № 11. Фото 1975 года

раженских, — врача и юриста, — его одноклассников по Троицкой гимназии.

На круги своя

Больше он судьбу испытывать не стал, поспешил покинуть негостеприимный Кустанай и направился в Троицк, где поступил на Убойно-холодильный комбинат (сейчас это Троицкий консервный комбинат — одно из крупнейших мясоперерабатывающих предприятий России) в качестве заведующего льдоделательным заводом. Памятуя все кустанайские перипетии, на Троицком комбинате вёл себя гораздо осмотрительнее, аккуратно являлся на работу и запомнился сослуживцам только тем, что был очень молчалив.

Это было совсем новое на тот момент предприятие, выдавшее первую продукцию в 1916 году, оборудование по последнему слову тогдашней техники: имелись собственные водопровод и канализация, всё производство и коммунальное хозяйство находились в кирпичных зданиях. Военно-интендантское ведомство потратило на его возведение 2 млн 655 тыс. царских ещё рублей, и оно было стратегически важным для снабжения мясопродуктами вне зависимости, будь то царская, белая или красная армия. Поэтому, когда в августе 1919 года возникла угроза занятия красными Троицка, руководство комбината получило приказ: «Машины — обезвредить, всё, что возможно — вывезти».

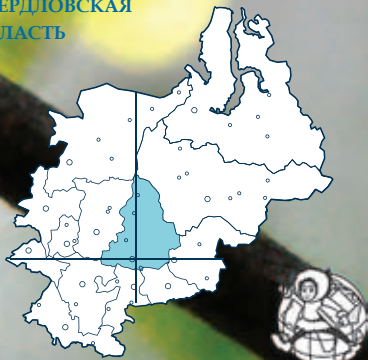

Ещё в июле 1919 года Марсаков был назначен помощником начальника

чие сложили на чердаке, в результате чего поданный под эвакуацию железнодорожный состав ушёл пустым. Вышестоящему руководству было доложено: «Машины обезврежены. Вызывать подрыльную команду необходимости нет».

Самого Марсакова, как ценного специалиста, белые вывезли в обозе третьего разряда на восток. Но когда колчаковский обоз добрался до Новосибирска, там уже заседал Сибревком и Марсаков наконец-то попал к «своим». Позднее в автобиографии он писал: «За этот акт [сохранение Холодильника и продуктов для Красной Армии] получена благодарность от т. Дружинина первого председателя Сибревкома (т. Дружинин занимал и г. Троицк)».

Только в мае 1920 года удалось ему прервать свой затянувшийся отпуск и вернуться в Царицын. Здесь он сразу же погружается в гущу дел по восстановлению города: ремонтирует взорванный белыми городской водопровод и руководит стройкой хладобойни, работает управляющим этой хладобойней и уполномоченным Центросоюза по отправке охлаждённого мяса в Москву. В 1924 году он был назначен заведовать постройкой хлебозавода Царицынского Центрального рабочего кооператива (пока ещё традиционной схемы). Именно с этого назначения начинается новый, самый прославленный этап его жизни, связанный со становлением отечественного хлебопечения. **У**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ
 Поющий самец
мухоловки-пеструшки
Михаил Бокачев

Родился в 1952 году в Магаданской области; окончил Уральский государственный университет; работал егерем опытного хозяйства «Малый Исток». Работал с 2000 г. заместителем министра природных ресурсов Свердловской области, директором Департамента по охране животного мира.

Мухоловка-пеструшка

Эта изящная, большеголовая птичка довольно
обычна в лесах нашей области. Мухоловка-пеструшка.

Ее назвали так не случайно.

Самец этой мухоловки снизу белый, сверху чёрный или буроватый с округлым белым пятнышком на лбу. Самка менее контрастна, чем самец, сверху серовато-бурая, с более тёмными крыльями и хвостом, снизу белесая, с буроватым налётом на груди, редко с размытыми пестринами. Лобного пятна у неё нет.

Узнать мухоловку-пеструшку можно и по характерному поведению — сидя на ветке, она часто слегка приподнимает хвост и покачивает им. Размером мухоловка-пеструшка немно-

го мельче воробья. Обитают эти мухоловки в лесах разного типа, предпочитая смешанные и лиственные леса, светлые и редкие рощи, лесные опушки, а также богатые душистыми деревьями участки леса. Я встретил пару мухоловок-пеструшек в небольшом лесочке около нашей дачи. Можно увидеть мухоловок-пеструшек и в городских парках или садах с душистыми деревьями или душлянками.

Мухоловки предпочитают держаться в кронах деревьев, но весной могут собирать корм на земле и в призем-

ном ярусе растительности. Несмотря на такое название — мухоловка, более двух третей всей добычи мухоловок-пеструшек составляют малоподвижные нелетающие насекомые, которых она собирает с веток или травы. Это могут быть гусеницы, личинки пилильщиков или жуков, пауки.

Летающих насекомых мухоловки-пеструшки ловят обычным для всех мухоловок способом — бросаются с присады и в ходе быстрого маневрирования и преследования ловят их в воздухе.

В период размножения мухоловки-пеструшки держатся отдельными парами. Весной первыми прилетают самцы, занимают гнездовые участки с дуплами и начинают активно петь, привлекая самок, которые появляются позже. Гнездятся мухоловки обычно в дуплах,

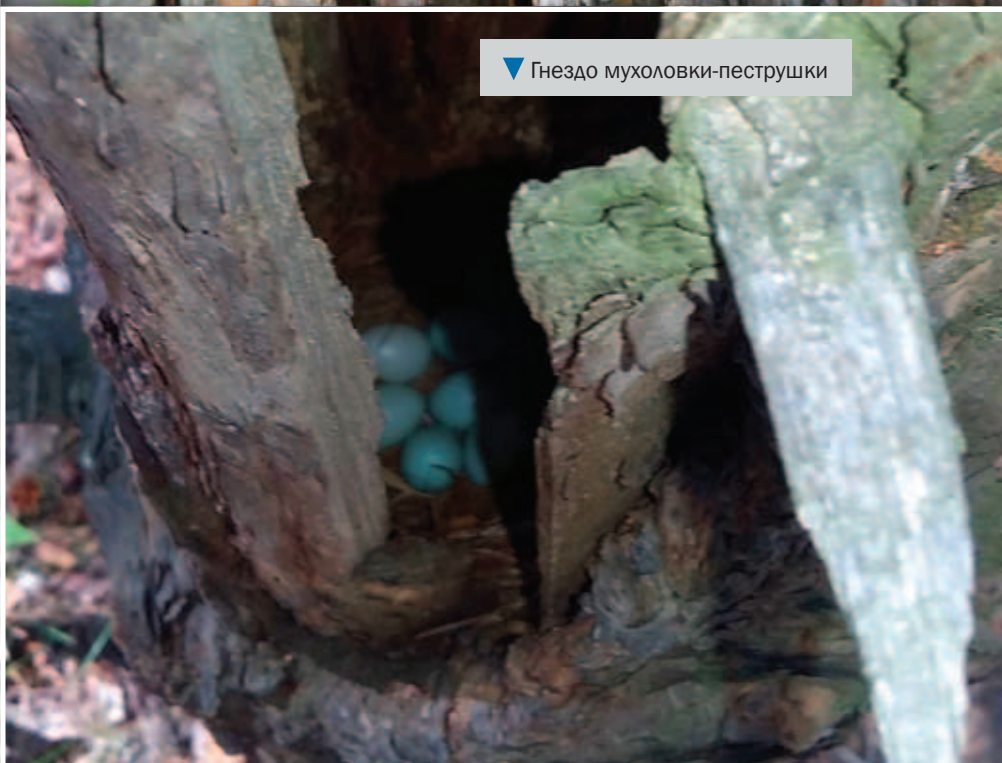
▲ Самка мухоловки

▲ Самец тоже участвует в кормлении птенцов

▲ Скорлупу от яиц самка уносит далеко от гнезда

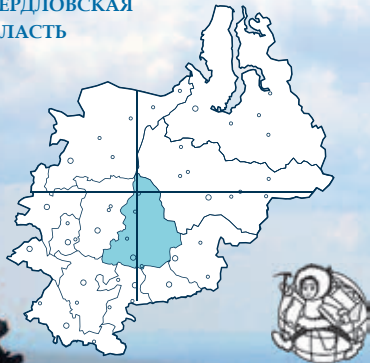
▼ Гнездо мухоловки-пеструшки

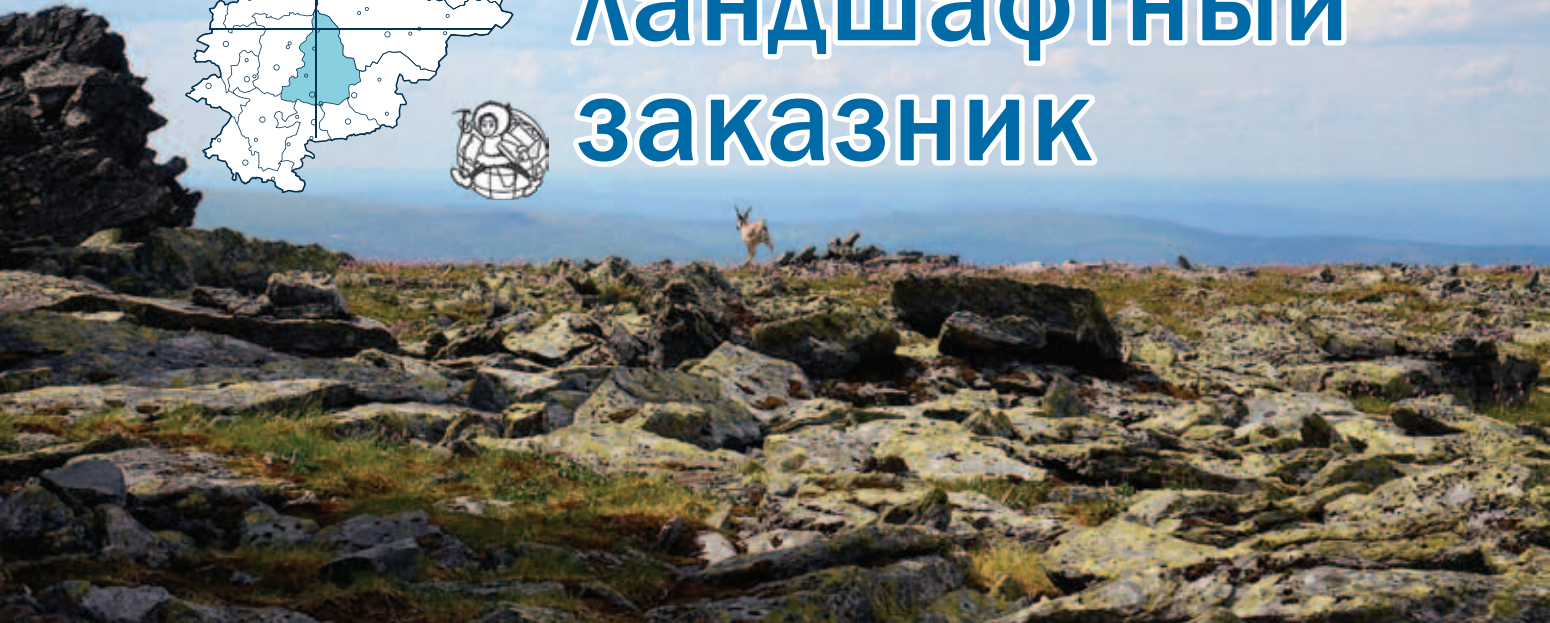
▲ Самка кормит птенцов

полудуплах и щелях деревьев, брошенных дуплах дятлов и синиц, иногда — в дуплянках и нишах строений. Обычно жилище расположено на высоте 2–4 метров от земли. В кладке бывает 6–8 однотонных зеленовато-голубых яиц. Самка насиживает кладку 12–14 дней, самец в это время её кормит, принося корм к гнезду. Птенцов активно выкармливают оба родителя. Во время кормления могут ежедневно совершать до 400–500 прилётов с кормом к гнезду. Птенцы растут довольно быстро и вылетают из гнезда через 15–18 дней после вылупления. Взрослые птицы докармливают вылетевших птенцов ещё одну-две недели. На зиму мухоловки-пеструшки улетают в Африку. На следующую весну часть птиц возвращается к прошлогодним гнездам, часть осваивает новые районы. **У**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

ИВДЕЛЬСКИЙ ЛАНДШАФТНЫЙ ЗАКАЗНИК

Ирина Кузнецова

Кандидат биологических наук. Старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН.

Главный редактор «Уральского следопыта» в прошлом номере журнала рассказал о своем путешествии на Северный Урал, к знаменитым столбам Мань-Пупы-Нёр. И волна самых приятных воспоминаний, связанных с красотой, преодолением, достижением, открытиями и прочее, прочее, прочее, не просто захлестнула, а утащила на самую свою глубину и никак не отпускает...

К юбилею

Тем более, что в следующем году исполнится 10 лет со дня организации ландшафтного заказника «Ивдельский». И что на Мань-Пупы-Нёр, потом на Яны-Пупы-Нёр, а потом мимо горы Койп (как перевернутый котел), горы Медвежьей (и правда похожа на уснувшего медведя), горки Заячьей (на самом деле вершина как заячьи уши) до кордона Печоро-Ильчского заповедника, а потом через Печору напрямик к Отортену пешечком... не торопясь...

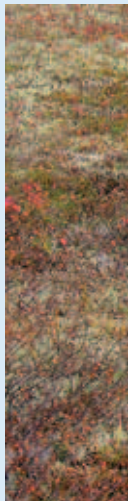
Впервые к столбам я попала из-за того, что не состоялась запланированная экскурсия от Печоро-Ильчского заповедника. Было так обидно! Но местные успокоили — гораздо проще до них добраться из Свердловской области: Отортен, немного по хребту, потом наиско-

сок, на северо-запад, не проскочите (примерно так мне объясняли дорогу), «И к нам в гости приходите — совсем недалеко, по горкам ориентируетесь». Как это было — либо много и долго, либо ограничиться фотографией. По-моему, для опытных путешественников, читателей «Уральского следопыта», рассказ и не важен — ну шли, ну под елкой несколько дней в снегу летом жили, ну туман и неожиданно проявившийся сквозь него Столбы... Но уж фотографиями не поделиться никак невозможно, не утерпеть!

История создания

А второй раз я попала на Мань-Пупы-Нёр очень быстро, на вертолете, уже по работе: надо было отобрать контрольные пробы почв и растительности для оценки загрязнения природной среды при

Фото из личного архива автора. Уральский следопыт, июнь 2022

падении отделяющихся частей ракет-носителей на севере Свердловской области.

Как известно, большая часть пешей дороги на Мань-Пулы-Нёр со стороны Свердловской области проходит по особо охраняемой природной территории областного значения – Ивдельского ландшафтного заказника. История его создания такова:

Идея организации на Урале природных и национальных парков возникла в конце 1950-х – начале 1960-х годов, и одним из перспективных и интересных было предложение о создании на севере нашей области (г. Ивдель) Североуральского (Ивдельского) парка. Впервые официально это было озвучено на заседании Географического общества в 1980 году, позднее с подобными предложениями неоднократно поступали письма в Област-

ной и Государственный Комитеты по охране окружающей среды. В 1995 году Проект создания парка был представлен на межведомственном Координационном Совете по экономическому развитию Уральского региона, детально рассмотрен и включен в Схему развития сети особо охраняемых природных территорий Свердловской области. Создание данной особо охраняемой природной территории предусмотрено постановлением Правительства Свердловской области от 26.05.2005 года № 418-ПП. В 2006 году Институтом экологии растений и животных УрО РАН по заданию Министерства природных ресурсов Свердловской области технико-экономическое обоснование создания этно-природного парка «Ивдельский» было разработано, согласовано с Администрацией г. Ивдель, однако не получило

▲ Заштрихованный участок – первоначально зарезервированная территория (2006). Черная линия – граница после корректировки 2012 года, желтая – утвержденная граница особо охраняемой природной территории (2013 г.)

согласования со стороны предприятия «Уралнедра», предложившего изменить категорию создаваемой особо охраняемой природной территории на «Заказник» и изменить границы, естественно, сократив его площадь.

В 2010 году Правительство области вновь возвращается к вопросу создания особо охраняемой природной территории (№ 637-ПП, от 19.04.2010 г). На основании ходатайства главы администрации г. Ивдель П.М. Соколова в адрес Председателя Правительства Свердловской области В.А. Кокшарова, площадь, зарезервированная под организацию особо охраняемой природной территории «Ивдельский», была уменьшена с 400 тыс. га до 158 тыс. га и в данных границах Ивдельский городской округ согласовал резервирование территории для организации новой ООПТ: этно-природного парка «Ивдельский». В 2011 году Правительством области корректировка Технико-экономического обоснования со сменой категории особо

охраняемой природной территории на «Ландшафтный заказник» включена в программу работ на 2012 год, и Министерство природных ресурсов вновь поручило выполнить эту работу Институту экологии растений и животных УрО РАН.

Заштрихованный участок — первоначально зарезервированная территория (2006). Черная линия — граница после корректировки 2012 года, желтая — утвержденная граница особо охраняемой природной территории (2013 г.)

Согласно «Положению о «Заказниках», расположенных в Свердловской области, на особо охраняемые природные территории этой категории возлагаются задачи сохранения природных комплексов и экосистем, разработки и внедрения научных методов их сохранения, ведения экологического мониторинга.

Преследуя цель сохранения уникальных и типичных природных комплексов, их биоразнообразия, ландшафтные заказники должны решать помимо этого задачи экологического просвещения и воспитания, а также создания условий для просветительского туризма, ознакомления с природными, культурными и историческими ценностями.

Надо отметить, что ландшафтный заказник «Ивдельский» организован без изъятия земель у собственников, без образования самостоятельного учреждения, имеет открытый доступ для всех посетителей — другими словами, права местных властей, местного населения и туристов не нарушаются. Преимущество же организации особо охраняемой при-

родной территории заключается в возможности контроля состояния природной среды (ответственность несет ГБУ СО «Дирекция по охране государственных зоологических заказников и охотничьих животных в Свердловской области») и регулирования антропогенной нагрузки на наиболее посещаемых участках, а значит, в сохранении природных комплексов этой прекрасной территории. Вот только инспектор на территории только один... А территория год от года становится все более и более доступна...

Наиболее популярный маршрут по территории заказника, официально признанный еще в советское время, — от Ушмы на Перевал Дятлова. Но есть еще один — с прекрасной возможностью испытать свои силы, ощутить бесконечность безлюдного пространства: от Молебного Камня по водоразделу до г. Отортен и высокогорного озера Лундхусаптур... (Названия, как забытые мелодии, всплывают сами собой, как будто и не было следующих почти двух десятков лет...)

Вот бы посмотреть..., вот бы снова побывать...

А не уговорить ли главного редактора на еще один северный поход, уже летом, по прекрасной особо охраняемой природной территории областного значения ландшафтного заказника «Ивдельский»? **УГ**

Хорошо — там, где мы!

В 90-е годы прошлого столетия в нашей стране все пионерские и комсомольские организации перекочевали на полки школьных музеев. Небольшая школа деревни Гагарка, что около города Заречный в Свердловской области, оказалась в такой же трудной ситуации. После уроков дети не знали, чем заняться, но ответ пришел сам собой.

В 1992 году на пустыре в 300 метрах от школы ребята вместе с учителями высадили 2000 сеянцев кедра. Граница естественного ареала этого благородного дерева находится намного севернее, поэтому в первый год много сеянцев погибло, потому что их просто затянуло травой. Пришлось ухаживать за «малышами». А так как кедровник находится на землях сельского поселения, появилась опасность продажи этого участка в частные руки. Чтобы это исключить, решили сделать эту территорию ООПТ: начали собирать документы для создания памятника природы, коллекцию фотографий растений и животных, проводить мониторинг роста кедров... И пошло-поехало! Ребята изучали воздействие насекомых-вредителей, болезней, выкашивали траву, создавали барьер для распространения огня во время весенних палов, высаживали редкие и исчезающие растения с территорий, которые попадали под застройку, проводили опыты по прививке кедра на сосну, чтобы создать более устойчивые формы, организовали экологическую тропу, где проводят экскурсии.

Так весной 1997 года и появилось школьное лесничество со своим уста-

вом и атрибутикой. И название придумать не пришлось — конечно, «Кедр», раз ребята столько лет ухаживали за кедрами в школьном кедровнике. К слову, сейчас этим кедром уже больше 25 лет, некоторые из них достигают 10 метров в высоту и уже начали плодоносить.

С каждым годом крепла материальная база школьного лесничества: появился мотоблок (приобрели для проведения работ по обустройству родников и работы в питомнике), мечи Колесова (для проведения посадки сеянцев), сельскохозяйственный и столярный инвентарь, бусоль, мерная вилка, высотомер, навигатор, методическая литература, туристское снаряжение. В школе для занятия кружка юных лесоводов выделили кабинет. Наглядными пособиями поделилась малая лесная Академия при Уральском лестехе, своими руками создали коллекцию семян древесных культур, приобрели восемь пар охотничьих лыж для проведения таксации диких животных. Возле родника «Хрустальный» в 2017 году начали создавать «Зону Экологической Культуры» на площади 16 гектаров. Эта территория за школьным лесничеством была закреплена по договору со Свердлов-

ским лесничеством для проведения научно-исследовательских работ, создания питомника лесных культур, дендрария, экологической тропы и зимних походов. Отремонтировали кузов автобуса, установили там печь и превратили его в вагончик для ночлега, построили домик, баню, питомник сосны сибирской.

Работа школьного лесничества «Кедр» давно перестала быть просто интересным и полезным времяпрепровождением. Все занятия по экологии, которые не включают в себя практической работы, — пустая трата времени и сил. Нельзя только по картинкам и видеофильмам учить детей решать экологические проблемы. Мыслить нужно глобально, а действовать — локально. Если ребенок сам сможет решить хотя бы совсем маленькую проблему своими руками, он запомнит это на всю жизнь. У ребят есть девиз — «Хорошо — там, где мы!», и в него легко верится, зная, какие проекты школьники претворяют в жизнь.

На сегодня силами членов школьного лесничества обустроено 14 родников, 2 колодца, оборудовано 6 стационарных костровищ, построены 4 беседки в лесу. В школьном питомнике выращиваются саженцы кедров, елей, липы, дуба, ивы, сосны, которые ежегодно озеленяют городской округ Заречный во время акции «Цветущий Атомград». А в 2002 году на месте вырубки высадили 20 000 сеянцев кедра, 40 000 ели. То есть накопленный опыт по разработке методов и технологий акклиматизации кедров в условиях юга Свердловской области начали применять не только на специальных участках, но и просто в лесу. В результате большую часть саженцев удалось сохранить.

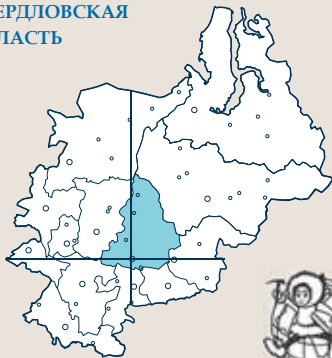

Горы, тундры и метод ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

▲ Арктоус арктический в горной тундре на хр. Зигальга

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Андрей Григорьев

Научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН. Доцент Уральского государственного лесотехнического университета. Научный сотрудник Национальных парков «Югыд ва» и «Таганай».

Те, кто ходил и регулярно ходит в горы Урала, хорошо знает, что «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал!»

Но это еще не все. Эти люди также знают, что выше зоны леса в горах располагаются обширные безлесные пространства, занятые высокогорными лугами, курумами или нагромождениями камней и обширными горными тундрами.

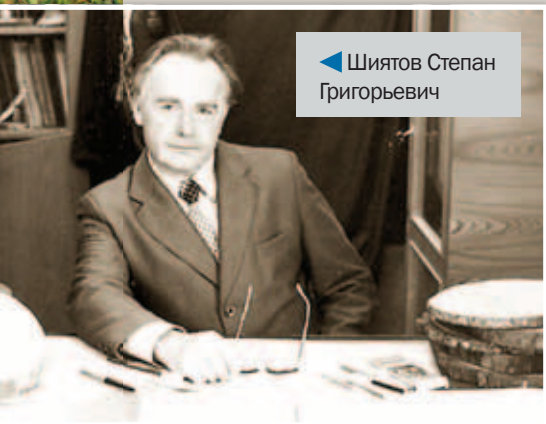
Много чем, и в том числе этими уникальными природными объектами, горы привлекают большое количество людей. Прошел длинный маршрут, поднялся в горы, между делом уронил несколько (а, может, и не несколько) капель пота со лба,

▶ Разновременные фотоснимки, сделанные на хр. Большой Таганай: в 1914 г. В.Л. Метенковым, в 2012 г. автором

на открытых многоплановых участках налил кружечку чая из любимого термоса, полюбовался всей красотой и величием природы, а если попал туда осенью, то еще вдоволь наелся там ягод. Мало кто знает, но даже часть Национальных парков, расположенных преимущественно в южной части Уральских гор, образована, в том числе благодаря тому, что на охраняемых территориях располагаются горные тундры.

◀ Шиятов Степан Григорьевич

Так, что же такое горные тундры, и в чем их уникальность с точки зрения науки? Это высокогорные безлесные пространства, на которых произрастают растения холодных и сухих типов местообитаний. Здесь встречаются многие редкие и эндемичные виды травянистых растений, таких как золотой корень, арктоус арктический, овсяница Игошиной, голубика, шикша и многие другие, которых в обычных равнинных лесах умеренной зоны не встретишь.

А на всех ли Уральских горных вершинах есть горные тундры? Нет, не везде. Например, нет там, где вершина горы полностью состоит из крупноглыбового каменистого материала или там, где вершина полностью покрыта лесной растительностью. Таким образом, существование горных тундр зависит еще и от отсутствия леса и высоты расположения границы леса в горах. Если рассмотреть Уральскую горную страну с юга на север, то высотная граница рас-

положения леса закономерно снижается: в среднем от 1250 м н.у.м. на Южном Урале до 650 м н.у.м. на Приполярном Урале и до 300 м н.у.м. на Полярном Урале. Отсюда вывод, что климатические условия, главным образом, определяют положение границы леса в горах.

Ученые считают, что, если климат будет меняться, то и с лесом на пределе произрастания должны происходить динамические процессы — со-

▲ Седловина с горными тундрами между г. Лысая и г. Поперечная на хр. Зигальга

▶ Вид с «Залавка» на северный склон г. Большой Иремель: 1929 г. Л.Н. Тюлина, 1957 г. К.Н. Игошина, 1982 г. С.Г. Шиятов, 1999 г. П.А. Моисеев, 2012 г. автором

1959

2020

◀ Разновременные фотоснимки, сделанные в верховьях р. Пелинги-чей: в 1959 г. автор неизвестен, в 2020 г. автором.

М.А. Круковским на хребте Большой Таганай, видно большое количество погибших деревьев.

Есть еще яркий пример — в районе хребта Рай-из на Полярном Урале значительно выше современной границы леса и в настоящее время существуют даже целые островки давно (от 10 до 5 столетий назад) погибшего леса. Но мы живем в другое время и в другом климате, нас интересует то, что происходит сегодня, сейчас.

В науке, как известно, есть разные доказательства тех или иных процессов или закономерностей, а также есть разные способы представления доказательств полученных данных и результатов: графики, формулы и т.д. Но есть и другое средство документи-

ответственно, или граница леса будет опускаться или подыматься выше в горы. Например, на ряде фотоизображений, сделанных более 100 лет назад

▼ Разновременные картина Денисова-Уральского и современное фото, сделанные на вершине г. Откликной гребень

1903

2012

Уральский следопыт, июнь 2022

▲ Разновременные фотоснимки, сделанные на г. Сланцевая (Полярный Урал): в 1969 г. С.Г. Шиятовым, в 2020 г. автором

рования природных процессов, о котором говорилось чуть выше — фотография. Но не одиночная фотография, а повторная (разновременная), сделанная с того же места спустя какое-то время. Наверняка многие видели разновременные фото больших городов, как было раньше и как стало — как изменились улицы и расстроился город. Так вот однажды в 1976 году выдающийся уральский ученый профессор Института экологии растений и животных УрО РАН Степан Григорьевич Шиятов именно это и сделал, но только в Уральских горах. Из рассказов самого Степана Григорьевича, попали ему в руки фотоснимки, сделанные ботаником Людмилой Николаевной Тюлиной на массиве Ирмель в 1929 году. Оставалось только доехать и получить повторное фото. Как рассказывал Степан Григорьевич, результат такого эксперимента привел его в небывалый восторг. Как выяснилось, современная граница леса на юго-западном склоне Малого Ирмеля и северном склоне Большого Ирмеля на момент съемки была значительно выше границы 1929 года.

Главным достоинством нового метода была его наглядность. Полученный научный результат (выявленный сдвиг границы леса) мог увидеть и определить любой человек, не имеющий отношения к науке, даже ребенок. В последующие годы, воодушевленными коллегами Степана Григорьевича вместе с ним, проводился поиск исторических снимков, сделанных и в других провинциях Уральской горной страны, находилось место, и велась повторная фотосъемка. В общей сложности было получено около 1500 повторных фото, сделанных на Южном, Среднем, Приполярном и Полярном Урале.

Были получены повторные снимки даже в верховьях р. Байдарата (в 50 км от Карского моря). Повторялись не только фотоснимки, но и карты — например, известного уральского художника А.К. Денисова-Уральского.

Сейчас многие подумают, а ведь можно сравнивать разновременные спутниковые изображения (а именно так многие ученые сейчас и делают). Да, безусловно, можно. Но раньше их не было!

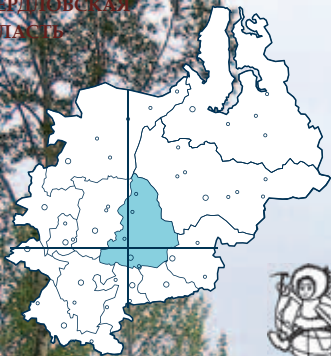
Вернемся к результатам использования метода ландшафтных фотоснимков. Сравнение полученных разновременных фотоснимков, сделанных в различных высокогорных провинциях Урала, убедительно показали, что на Урале, от его южной до северной части, повсеместно граница леса стремительно продвигается в горы. В связи с этим, площадей, занятых лесной растительностью становится больше. На некоторых снимках видно, что не только древесная растительность стремительно занимает безлесные пространства, но и кустарниковая растительность.

В общем и целом можно подытожить таким лозунгом: Леса продвигаются в Уральские горы! Деревьев становится больше, увеличиваются такие важные функции леса, как воздухоочистительные, почвозащитные, водорегулирующие и др. Помимо всего, лес — это дом многих видов животных и растений, и дом очевидно разрастается стремительно быстро, особенно в южной части Уральских гор.

Из всех горных провинций Урала Южный Урал — самый доступный и самый часто посещаемый регион, а также регион, где граница леса имеет самое высокое положение в Уральских горах и, как следствие — самые наименьшие площади тундровой растительности. В настоящее время площади, занятые горными тундрами в относительно больших количествах существуют на хребтах Нары, Зигальга, Нургуш, Машак, массивах Ирмель и Ямантау. Небольшие фрагментарные участки сохранились на хребтах Ягодный, Большой Таганай, Кумардак, Большая Сука, Уреньга, Зюраткуль. Общая площадь горных тундр на Южном Урале составляет не более 30 км². Как показывают результаты исследований, площади, занятые горными тундрами стремительно сокращаются, а они являются домом для других видов растений и животных. И этот «дом», и, соответственно, уникальные виды, могут исчезнуть. На ряде вершин к настоящему времени горные тундры исчезли (г. Харитоновна, Воробьевы горы, г. Уван, р-н «Долины Сказок» и Откликного Гребня на хр. Таганай, хр. Авалаяк и др.).

Прогноз, конечно, дело не благодарное, но все же! Совершенно очевидно, что, если климат и дальше так же будет меняться в сторону потепления, то на многих горных вершинах, высота которых не превышает 1000–1200 м н.у.м., горные тундры могут исчезнуть в ближайшие 30, а то и 20 лет. Например, на Дальнем Тагане, на многих вершинах хр. Машак, хр. Ягодный, хр. Зюраткуль, Уреньге...

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Месяц май 2021 года удивил необыкновенной для Екатеринбурга жарой и засухой. Желание уехать туда, где прохладно (в Североуральск, например), совпало с возможностью побывать на открытии Исторического зала Минералогического музея «Штуфной кабинет».

Путевые заметки

Богословские истории

Зал, посвящённый истории горного дела севера нашей Свердловской области — района, известного в былые времена как Богословский горный округ. Ради такого события мы с подругой, известным экскурсоводом Надеждой Соколовой, готовы были проехать и более чем 440 километров в один конец. Было принято решение выехать на два дня раньше и посетить еще и Кытлым и Полуночное: стратегические в годы войны Платиновые и Марганцевые края. Платина была важнейшей статьёй экспорта, а марганец необходим для танковой брони. В мирное время тоже полезные металлы, но сейчас их добыча в тех краях угасла (возможно, не навсегда).

Дорога в Кытлым

Дорога в Кытлым начинается в Карпинске, у Введенского собора, заложенного демиургом Богословского горного округа Максимом Походяшиным. Помню эту трассу к Конжаковскому Камню «пылёнкой» в рывтинах; сейчас это шикарная автострада, по которой трудно ехать медленно. Хорошо мчаться в глухомань по прекрасной пу-

стой дороге среди величественных горных пейзажей!

Прибыли в Кытлым. Революционный памятник с удивительным текстом освежающе раскрашен, да он всегда был цветным. Рядом с ним Мемориал павшим в Великой Отечественной войне кытлымчанам. Народ тут был пришлый — в старинных деревнях на стенах видим скорбные списки многократно повторяющихся фамилий, а здесь все разные...

Кытлым состоит из двух частей: старый приисковый деревянный посёлок и благоустроенный жилой городок РВСН за оградой. Современная школа для всех детей — в открытой части посёлка. В администрации мы узнали, что здесь же, в бревенчатом здании с признаками стиля модерн, есть небольшой народный музей. Им занимается на общественных началах Татьяна Павловна Киселёва. Она любезно согласилась оторваться от майских огородных трудов и показать нам музейчик, где теплится память о добыче стратегического драгоценного металла — платины.

Эта платиновая эпопея достойна увековечивания в литературе, в па-

мятниках, в туристических маршрутах по бывлым приискам, но пока только энтузиасты сохраняют сведения и экспонаты той бурной деятельности, издают малыми тиражами книжки по истории Кытлыма и окрестностей. В музее имеются альбомы с фотографиями приисков, драг, всевозможных поселковых учреждений с дореволюционных времён; сохраняются воспоминания очевидцев, в том числе об «ураганной добыче» крайне необходимых платины и золота во время войны, о тяжелейшей работе женщин и подростков.

Жанр путевых заметок не позволяет мне углубиться в историю добычи платины в Кытлыме. Едем обратно, в Карпинск, потом в Серов. Переночевали и поехали дальше на север, в Ивдель, а оттуда — в Полуночное. Для моей машинки это край географии, дальше туристы едут на перевал Дятлова серьёзным транспортом.

Полуночное

Полуночное заинтересовало нас сведениями о его оригинальной архитектуре: в годы войны посёлок марганцевого рудника был застроен по про-

Лариса Левицкая

Автопутешественница, соучредитель и издатель журнала о камнерезном и ювелирном искусстве «Платинум», г. Екатеринбург.

► Жилой дом в Полуночном

▲ Дорога Карпинск — Кытым

▼ Въездной знак в Полуночное

ектам Николая Александровича Всеволожского, работавшего за целый проектный институт. И застроен поселок не унылыми бараками, а настоящими теремами! Действительно, пусть сильно перестроенные, эти дома до сих пор сохраняют северное очарование и крепкий авторский замысел. Погода была прекрасная, и Полуночное с его теремками, коровами, поющими петухами в окружении дремучей тайги показалось нам уютным уголком спокойной жизни. А когда-то здесь был Ивдельлаг.

Память про эти важнейшие прииски платины и марганца почти стёрлась (надеюсь, не навсегда). Тем важнее событие в Штуфном кабинете Краеведческого музея в Североуральске: Михаил Цыганко и его единомышленники возвращают в актуальное бытие артефакты, документы, достижения и происшествия славной эпохи Богословского горного округа. Да ведь история горного дела в Североуральске и окрестностях отнюдь не закончилась: работают шахты и прииски, и даже драги бороздят кое-где реки.

Штуфной кабинет

Исторический зал Штуфного кабинета готовился к открытию. В первой половине 29 мая гостей пригласили на автобусную экскурсию по городу. Петропавловский собор — с этого места начинался Петропавловский завод, ставший потом Североуральском. Собор стоит на высоком берегу Колонги, над таинственной и опасной пещерой. Рядом памятник: боксит из гранита. Центр города стал нарядным; хо-

рошо бы ещё прибраться у ценнейшего индустриального памятника: гиперболоидной башни (градирни) Шухова, построенной в 1948 году, уже после смерти великого инженера.

Но пора и на открытие! Торжественное и непринуждённое заседание с поздравлениями и с вручением подарков, из которых внушительным размером выделился дар от коллег из Фёдоровского музея Красноуральска: штанговый насос с Масловского прииска. Наконец, лента разрезана и гости проникают в новый зал, на экскурсию, которую ведёт сам Михаил Цыганко.

Историческая коллекция Штуфного кабинета складывается самым занимательным образом: Михаил изучает документы, статьи, книги побывавших в этих краях учёных, вычисляет по ним места старинных приисков, рудников, заводов, а потом с тремя сыновьями и соратниками, со всякими приключениями, едет в эти уже давно заброшенные локалии.

Ребята находят там то кайло, то пуговицу горного инженера, то железный остов тачки добытчика платины. Очищенные, подреставрированные, эти предметы теперь в витринах, в композициях из горняцкой жизни, с атрибуцией и пояснительными текстами, как положено. Стоит ли говорить, как эти поиски увлекательны, полезны и духоподъёмны — и для серьёзных мужиков, и особенно для мальчишек и парней, которых много «кучкуется» вокруг Кабинета.

Недавно экспедиция добыла некоторые доказательства сенсационного

► Панорама Североуральска. Вид на горы Кумба и Золотая

утверждения: промышленное освоение восточного склона Уральских гор стартовало не в начале XVIII века, а на сто лет раньше, в 1600 году! Именно тогда, согласно документам, на соляном источнике Кошай при впадении реки Неглы в Сосьву учредили промысел, который должен был снабжать солью Сибирь. Трудности оказались чрезмерными, и через пять лет промысел закрылся. Команда Цыганко отправилась на Кошай и обнаружила, что из скважин, пробуренных лет семьдесят назад в поисках нефти, изливаются газосоленосные воды. Метан можно даже поджечь! Ребята выпарили там толлику соли, которая демонстрируется в витрине музея.

На очереди — найти следы серебряных рудников, тем самым подтвердив смелое утверждение: *«Закамское серебро — не только персидская посуда на старых чудских капищах, но и непосредственно добытое на Урале»*. Парадокс: золота и платины у нас тут сколько угодно, а серебро прячется много веков.

Ещё один приятный способ пополнения коллекции — подарки. Например, артель старателей вручила два объекта, давно найденные в старинной золотоносной шахте: клин-кирка (*«Насадил на рукоять, один держит, второй — машет балдой»*) и кайло-гребок, специально изогнутый так, что насадить на рукоять невозможно. Поразмыслив, Михаил решил, что этим инструментом работали без рукояти, извлекая горную массу из узких мест. Ветеран геологоразведки подарил музею двухтомник «Нерудные ископаемые» (Ленинград, 1926) с дарственной надписью от неизвестного Н.А. Каржавину — геологу, нашедшему месторождение бокситов «Красная шапочка». Причём обнаружил он его по следам старинных разработок времён Максима Походяшина: бокситы считали убогой железной рудой, и сколько ни пытались выплавить из неё железо, да только доменные печи портили.

Михаил Владимирович считает, что для Североуральска этот двухтом-

▲ В Технической библиотеке. Страница фотоальбома из народного музея Кытлыма

ник с пометками Каржавина — настоящая реликвия. Ведь именно благодаря открытию Каржавина село Петропавловское превратилось в город Североуральск; бокситовые шахты до полутора километров глубиной и сейчас поставляют сырьё на алюминиевые заводы России.

Не избежать в таком деле покупки экспонатов, необходимых для полноты картины. Михаил отсмотрел на сайтах продажи старинной посуды около трёх тысяч клейм на доньшках, прежде чем нашёл то, что надо: «Кузнецов. Быв. Ауэрбах». Казалось бы, при чём тут посуда? Для того, чтобы показать истоки необычайной предприимчивости Александра Андреевича Ауэрбаха, горного инженера, 15 лет управлявшего Богословским горным округом, основателя Надеждинского металлургического завода и всей инфраструктуры вокруг. Его дед Андрей Яковлевич Ауэрбах с огромной энергией развивал производство фаянса и фарфо-

► Экспонаты и интерьер народного музея Кытлыма

ра. Много лет, до продажи наследниками фарфоровому олигарху Кузнецову, это была известная и почтенная фирма. И вот в витрине, посвящённой А.А. Ауэрбаху, мы видим блюдо с двойной маркировкой.

Представлены в зале интересные документы: расчётные листы работни-

ков Всеволода Всеволожского, акции и купоны (те самые, которые «стригут») Богословского горнозаводского общества; и, наконец, скандально известные «уральские франки» из лихих 90-х. Они служили суррогатом денег, этакой внутризаводской валютой во времена кризиса неплатежей.

Ещё один способ добычи экспонатов: сделать самим. Изготовлен ватергерд и вход в Главную штольню вместе с рудокопом, при нём тачка, металлические детали которой найдены на территории платиновых приисков в Кыт-

Пожалуй, именно такой способ экспозиции подталкивает глубже погрузиться в предмет: сделал фотографии, а потом ищешь информацию о том, что особенно заинтересовало — и непременно выйдешь на сайт «Золотой камень», который ведёт Михаил Цыганко, на его страницы в соцсетях.

Как бы ни было захватывающе интересно в Третьем зале, а не обойти вниманием и предыдущие два — минералогические. С нашего прошлого посещения многое изменилось и добавилось. Мама Михаила (всю семью он вовлёк в своё дело жизни, и жену Елену тоже) Наталья Алексеевна с жаром рассказывает о новых экспонатах. Интереснейшая затея — показать минерал и полезное вещество, из него добываемое, — развилась до большой витрины. Вот олово рядом с касситеритом. Вот марганец — и его окисел пиролюзит, марганцевая руда. Редкий тантал и пироклор, где тантал лишь один из двенадцати компонентов. Калий в колбочках и сильвин — калиевая соль. Иттрий и его источник ксенотим. Такая наглядность способна разжечь в юном поколении интерес к преобразованиям веществ, к геологии и минералогии!

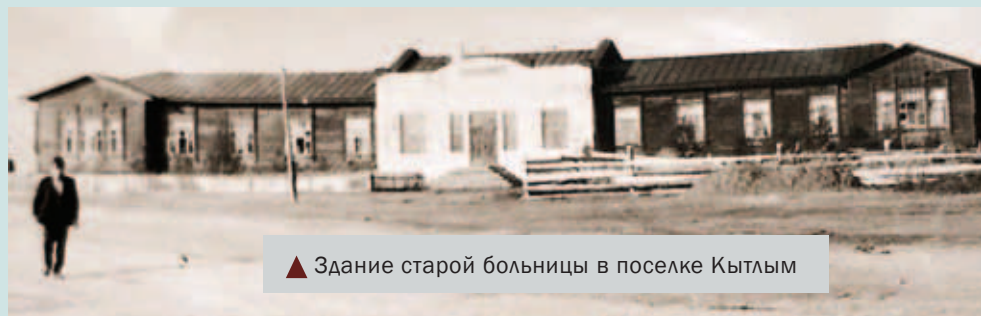
Экспедиции Штуфного кабинета отправляются в глубины Урала, конечно, не только за историческими артефактами. Главное — образцы мине-

ко пешком можно выйти. Глыба изначально весила около 9 кг, которые надо приплюсовать к тяжёлому рюкзаку и 33 км пути. Ещё неделя препарации, и вот он — лучший уральский ставролит.

Однако интересные минералы можно отыскать — если уметь — не только в глубинах земли или в горной тайге. В центре Верхотурья, в старинной каменоломне, экспедиция нашла ортиты-алланиты, любопытные также с исторической точки зрения: эти каменоломни посещали академики Ферсман, Вернадский, Купфер. Есть ещё достойная тема: новые минералы, найденные в этих добровольческих экспедициях. Штуфной кабинет — отдел Североуральского краеведческого музея, пример успешного частно-государственного партнёрства. Спасибо Администрации и Думе Североуральского городского округа, подразделению МЧС, дирекции музея за горячую патриотическую поддержку этого замечательного дела. Приезжайте в Североуральск, в Калью, в Богословский округ! Там очень красиво и невероятно интересно. На обратном пути мы заехали на маленькую станцию с величественным названием Платина. Такой вот у нас почти домашний — стратегический драгоценный металл. **УС**

▲ Макет входа в Главную штольню, г. Североуральск

▲ Здание старой больницы в поселке Кытлым

лым. Над входом — икона св. Екатерины, которую издавна почитали на Урале, хотя недавно покровительницей горняков назначили св. Варвару.

Но настоящие покровители горняков — это горноспасатели, в том числе и Михаил Цыганко по основной работе. Сейчас это служба в системе МЧС. Реалии Военизированной горноспасательной части показаны в отдельной витрине. Есть там и такой экспонат: слиток, образовавшийся при спекании металла с двигателя погрузочной машины при пожаре в шахте. Весь ужас подземного пожара в этом объекте...

Конечно, рассказать про все экспонаты Исторического зала Штуфного кабинета невозможно — ведь за каждым тянется увлекательная череда событий, людей, минералов, открытий.

ралов. Есть новая добыча. Потрясающе прекрасный ультрамаринный галит из Верхнекамского месторождения, рудник «Еврохим-УКК». Редчайшее сочетание давления, температуры, примесей дало соли совершенно феерическую окраску. Михаил самолично добыл этот образец в марте 2021 года.

Друза сланца с включениями ставролитов. Да, на Урале есть фигурные ставролиты, а эта друза даже не с крестами — с целым ставролитовым цветком! Михаил нашёл этот камень в Красновишерском районе Пермского края, в глухомани, из которой толь-

► Петропавловский собор и памятник бокситу в Североуральске

Вера Мехоношина

Мастер по набойке, реконструктор, руководитель АНО «УВТЫР» (РОД), лауреат Премии Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края в области национальной культуры и искусства, лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства.

Марина Белавина

Религиовед, педагог дополнительного образования, руководитель АНО «Центр поддержки культурных и социальных проектов «АРТкад» (Время создавать)», лауреат Премии Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края в области национальной культуры и искусства, дважды лауреат Премии Пермского края в сфере культуры и искусства.

Иллюстрации предоставлены АНО «Центр поддержки культурных и социальных проектов «АРТкад» (Время создавать)». Автор рисунков Елизавета Попова

▼ Пу-барабан в руках участницы Народного ансамбля Мича асыв (Ясное утро)

▲ В краю непуганых лошадей. Село Кукушка. Фото М. Белавиной

Путешествие в Көчево

К хранителям традиций

Преодолев семь десятков километров на север от Кудымкара, мы окажемся в краю лесов, где по берегам рек и озер сохранились старинные коми-пермяцкие поселения.

Здесь, в Кочёвском районе, еще хранят традиции и обычаи предков: украшают северный суровый быт самобытными изделиями, помнят и представляют старинные песни и обряды на ежегодных сельских праздниках. В деревню Кукушка лучше приехать в июне, когда отмечается «Стрѳча» (Троица). В таком случае гостей обязательно угостят собственным пивом и квасом, национальными шанежками, пирогами и подовым хлебом. Рекомендуют отведать и национальные блюда из пистика (хвоц полевой) и пикана (снѳть). В эти дни есть возможность увидеть и выступление Народного этнографического ансамбля «Кукушка», радующего зрителей задором и мастерством. Под руководством Надежды Чугайновой этот этнографический ансамбль

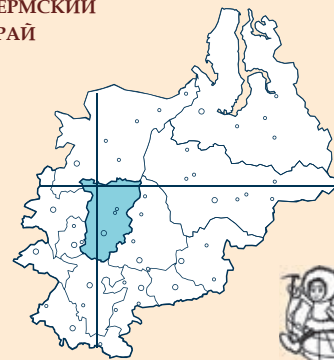
успешно представлял Пермский край даже во Франции. В июле-августе в местных сосновых борах и еловых лесах можно набрать лисичек, рыжиков, белых грибов и груздей. Богаты леса и земляничной, черникой, брусникой, морошкой, клоквой и кедровыми орехами.

◀ Хранители традиций.
Фото М. Белавиной

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

▲ Памятный знак специалисту в области фольклора финно-угорских народов Л.С. Грибовой.

◀ Татьяна Сизова — потомок знаменитых сестёр Сизовых — мастеров игры на пöлянах.
Фото М. Белавиной

Хорошо побывать в начале августа на празднике День смелых трав («Турун вежан лун») в селе Большая Коча, которое по праву считается центром обрядовой

культуры Коми-Пермяцкого округа. Здесь гостей встречает Народный ансамбль «Мича асыв» под руководством Анны Теплоуховой. В селе Юкеево хранят память о знаменитых пöлянщицах — сёстрах Сизовых. Пöлян — это традиционный музыкальный инструмент коми-пермяков, традиция игры на котором фактически утеряна, но сохранились полевые записи и уникальные работы этнографа Надежды Жулановой. Не менее привлекательным для туристов является Парк деревянной скульптуры Егора Утробина в деревне Пармайлово (Парма йыл — вершина Пармы). Исторические и памятные места — городище «Курёгкар» (Курэгар), источник «Таркёмыс» (Таркэмыс) и многие другие — привлекают каждого посетителя загадками, связанными с ними легендами, ритуалами и обрядностью.

Таркёмыс

Священный родник недалеко от опустевшей деревни Кудель-

ка. По легенде, когда-то там стояла «чучкая» часовня, ушедшая под землю. Считается, что на этом месте чудь совершила самопогребение. Родник был местом поминовения чудских предков важжез. Говорят, если не помянуть живших на этом месте людей, они могут наслать мыжу (порчу, болезнь). А помяная их, можно излечиться от недугов водой родника, обладающей целебными свойствами. Долгое время поминки не совершались, но в начале 2000-х двум людям были знаки. Одной старушке приснились маленькие человечки и посетовали: «Нас никто не поминует». А мужчина увидел «огонь» в небе, спустившийся к Таркёмысу. После этого родник был обустроен, а поминки возобновились.

Курёгкар (Куропкар, Куроп-кар-мыс)

Чудское городище времён VI–VII веков, обнесённое кольцевым валом. Расположено недалеко от Большой Кочи. Там жили чудские богатыри. Возможно, один из них носил прозвище Курёг. Население городища, когда их обступили враги, приняло решение о самопогребении. Выкопали яму на вершине кургана и спустились в неё с 12 обозами золота. Старожилы говорят, что были там деревянные ворота, а наверху петух. Кто подходил, должен был ударить в колокол, висящий на воротах, раньше, чем петух закричит. Кто успеет ударить — всё добро заберёт, не успеет — умрёт. А добра — полная лодка с золотом под заветом, хранитель то ли петух, то ли женщина в красном платочке. Местные жители до сих пор говорят, что видят на Курёгкаре огонь-

ки. Это чужь стережет свои кладды. Ходят туда с подно-

▼ Курёгкар (Куропкар, Куроп-кар-мыс)

◀ Кёч и Паль

Ойсин — дочь пама племени Тупки (совы). Но Ойсин по приказу отца отравила Кёча квасом. Боги прокляли девушку и превратили в кукушку.

Белый олень

Когда-то давно у жителей селения Большая Коча на берегу Онолвы случилась беда: исчезла из лесов вся живность, умирал скот, земля стала неплодородной. Люди зашли в реку и стали молить Ена, чтобы он спас их от смерти. Услышал их Ен. И к людям из леса вышел белый олень. Жители села принесли его в жертву и пережили суровую зиму. Жизнь у людей

наладилась. С тех пор каждый год приходил белый олень к людям и они приносили его в жертву. Но однажды он не вышел. И люди стали приносить в жертву быка. Теперь жители Большой Кочи ежегодно проводят обряд

▶ Традиционный напиток сур — домашнее пиво

Быкбой. В былые времена на него приходили аж из Соликамского и Чердынского уездов.

Важжез

Старые люди, предки либо другой народ, который жил на этой земле до коми-пермяков. Оставили после себя «чудские места», «чудские могильники». Со многими из них связывается сюжет о самопогребении. Наделялись способностью насыщать мыжу (порчу).

День поминовения важжез называют «пестера», обычно это суббота перед Троицей. Люди ходят на места древних поселений и могильников, раскладывают ри-

▲ Белый олень

шениями, поминают чудских людей. Говорят, что загаданное там желание сбудется.

Кёч и Паль

Чудские богатыри, братья. По преданиям, один весил 12 пудов, другой — 9 пудов (1 пуд равен 16 кг). Их родам более тысячи лет. Паль сильным и умным был, Кёч — быстрым как заяц. В переводе с коми-пермяцкого «паль» — белкалетьяга, «кёч» — заяц. Кёч взял в жёны

туальную пищу и читают специальные молитвы с упоминанием имён прежних жителей этих мест и основателей поселений. Самыми известными местами поминовения важжез считаются местечко Чёрной Мокин воз-

ле деревни Борино Кочёвского района и Важ-Чадзёв неподалёку от деревни Чазёво Косинского района.

Ёлена-пожум (Сосна Елены)

Дерево-долгожитель, имеет статус памятника природы федерального значения. Находится в окрестностях деревни Хазово Кочёвского района. По поверью, дерево излечивает от болезней и исполняет желания. Старожилы говорят, что раньше приходили сюда целыми деревнями здоровья просить, обряды проводить. Усаживали детей на корни — ногами вставать не велели. В дар приносили краюшку хлеба. Чтобы получить силу, можно было обнять ствол руками. Возможно, имя связано с молениями Святой Елены.

Чёрная берёза

Недалеко от деревни Васькино, у речки Сеполь, в лесу стоит необычная высохшая берёза. Ветки у неё загнуты в кольцо. Старые люди ходили к этой берё-

зе на моления во времена, когда стояла засуха. Вероятно, при проведении

обряда они загибали ветки и повязывали рушниками или лентами. Берёза считается священной.

Чуды

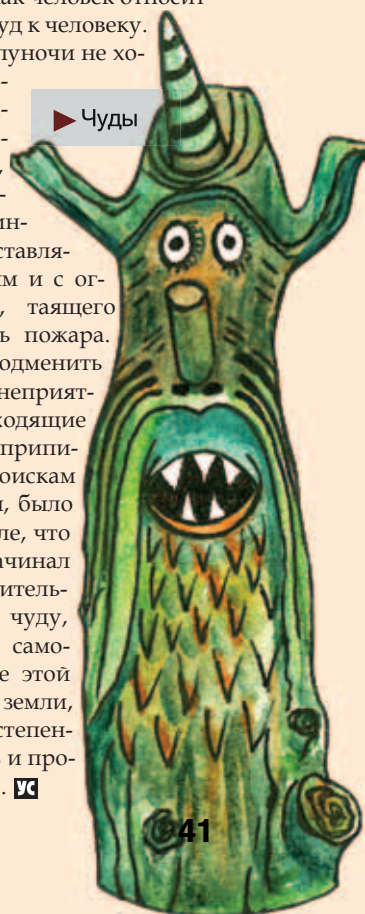
Духи местности. Описываются как маленькие, чёрные, волосатые, нагие. Живут в бане, на чердаке, в овине, в ручье, в лесу. Для людей обычно невидимы, оставляют после себя следы птичьих лап или детских ног. Считается, как человек относится к чуду, так и чудо к человеку. В баню после полуночи не ходят, боясь банного чуда — мохнатого, рогатого и ушастого, со свечащими глазами. Овинного чуда представляют большеротым и с огненной пастью, тящего в себе опасность пожара. Чуды могут подменить ребёнка. Часто неприятности, происходящие с человеком, приписывались проискам чудов. Впрочем, было известно издревле, что если человек начинал ценить и уважительно относиться к чуду, а также ко всей самобытной культуре этой удивительной земли, то жизнь его постепенно налаживалась и проблемы уходили...

▲ Важжез

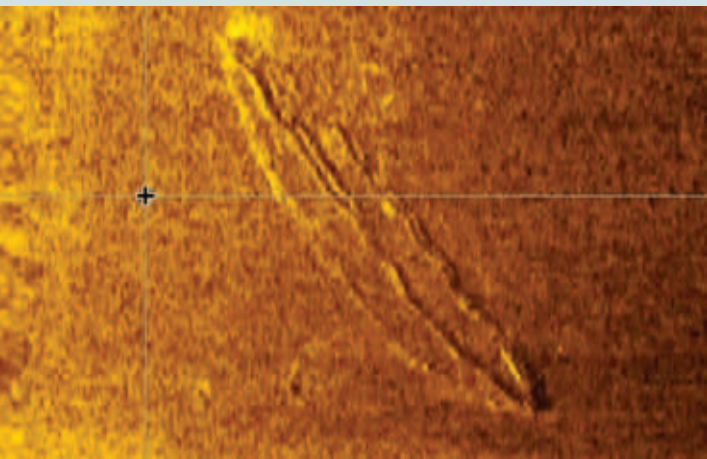

▶ Чёрная берёза

▶ Чуды

Затонувшее судно

В районе слияния рек Кама и Чусовая

Зимой 2022 года состоялась экспедиция Свердловского областного отделения РГО и Уральского дайв-центра «Тритон» на р. Кама. Цель — исследовать находящееся в фарватере реки неизвестное затонувшее судно.

Зимний период времени позволил разбить базовый лагерь на льду реки в предполагаемом месте, затем с помощью подводного дрона определили точное месторасположение судна. В районе кормы корабля была пропилена во льду майна, и дайверы Сергей Пахотин, Елена Гакашина, Александр Беспамятных и Наталья Копылова начали погружения. Условия погружений — температура воды 0° С, температура воздуха -12° С, толщина льда 5–10 см, видимость 1–1,5 м, слабое течение. Судно лежит на русле реки, носом по течению, с дифферентом на нос. Глубина 11 метров в кормовой части, 20 метров в носовой части. Приблизительная длина судна около 40 метров, ширина 8 метров, видимая часть борта возвышается над слоем ила на 2 метра. Судно предположительно плоскодонное, лежит на днище, не имеет видимых повреждений и хорошо сохранилось. Но что же тогда стало причиной гибели корабля? Борты сделаны из деревянного бруса и грубо обработаны.

Видны ряды шляпок железного крепежа. Ближе к корме сохранился фальшборт, сделанный из брусьев, окованных металлической лентой с железным крепежом. Настил палубы выполнен из доски толщиной примерно 50 мм. Частично в конструкции использованы почти необработанные бревна.

Корпус коробчатой формы без острых обводов, форштевень и киль не обнаружены. Носовая оконечность прямоугольной формы, с продольной обшивкой днища. Угловые соединения сделаны довольно грубо. Носовая часть судна висит в полуметре ото дна.

Вплотную к левому борту в носовой части судна находятся два круглых отверстия, диаметром около 30 см, в них видны элементы силовой конструкции судна.

Ближе к правому борту судна в носовой части расположены два люка прямоугольной формы, примерно 0,7х0,7 метров, на расстоянии около 1,5 метров друг от друга по диагонали. Ближе к носу находятся два открытых

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Сергей Кондрашин

Руководитель дайв-центра «Тритон», руководитель экспедиционной секции Свердловского отделения Русского географического общества.

Справка

Объект было обнаружен в 2021 году дайверами из пермского дайвинг-центра «Safety Stop».

Судно лежит на дне р. Кама в месте впадения в нее р. Чусовая. В старицу здесь загружали барки различной продукцией и отправляли по Каме в европейскую часть России. В трюме корабля может находиться груз, предназначенный к дальнейшей перевозке.

Найденное судно – возможно барка XVIII–XIX века. Окончательный тип судна определяют специалисты.

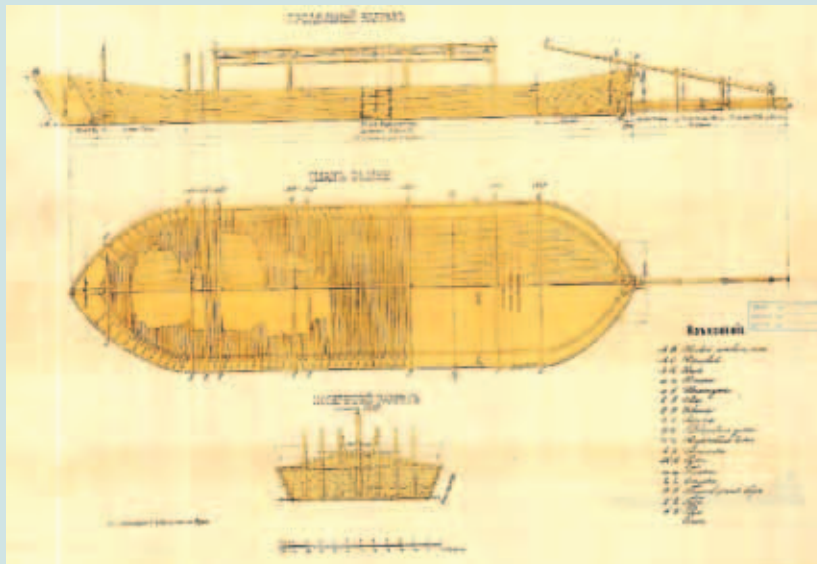
Барка-беляна или барка-бархот. Речное грузовое плоскодонное судно грубой постройки. Бархотная обшивка судна в несколько рядов доски (бруса). Барка имела простую конструкцию с упрощенными обводами, налубой и тупыми оконечностями. Чаще всего строились на один сезон. Использовалась на водоемах России с начала XVIII и до конца XIX века.

Дальнейшее изучение судна планируется зимой 2022–2023 г.

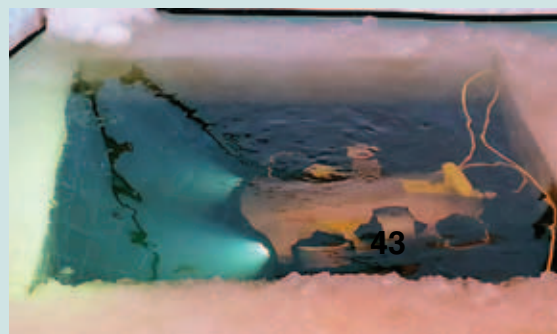

люка прямоугольной формы 2x1,5 м, ведущие в трюм. Внутренние помещения, под люками, заполнены илом. Свободное пространство от поверхности ила до потолка трюма около полуметра. Высокий уровень ила внутри судна позволяет предположить, что трюм заполнен грузом.

Вдоль бортов расположены цилиндрические сдвоенные кнехты

с остатками швартовочных тросов. От правого борта судна ко дну тянется веревка прямоугольного сечения примерно 15x15 мм, предположительно из кожи. По периметру корабля Ярослав Макаров выполнил подводную видеосъемку. **УС**

Данил Крицкий: К концу тренировки становишься другим человеком

Все уральцы, кто бегают марафоны, супермарафоны, трейлы, да просто бегают, знают Данила Крицкого. Это легендарный, как его считают некоторые без всякого лишнего пиетета, человек. Еще бы! 100 км в неделю, 5000 км — в год. Далеко не все увлеченные бегом «набегают» столько. Но сам Данил таковым себя не считает.

Сила через радость!

— Легендарный — это слишком пафосно! Я — обычный любитель. Достижения у меня весьма скромные. Если говорить про достижения, стоит отметить: это три марафона за месяц в 2020 году из 3 часов, марафон в Стамбуле за 2.47 в 2021 и самый длинный мой забег — 65 км Dagestan Wild Trail в 2022. Я уверен, что все самое интересное у меня еще впереди!

Бег для меня стал больше, чем хобби, это неотъемлемая часть жизни, источник ярких эмоций, вдохновения

и удовольствия. Средство расслабления и средство самореализации. Бег дает силы жить, радоваться жизни достаточно простым способом. Жизнь становится ярче! Тренировки помогают отключиться от работы, во время длительных пробежек удаётся многое осмыслить и к концу тренировки уже становишься совсем другим человеком.

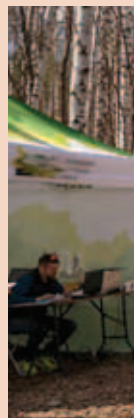
Бег для меня начинался в 2018 году как средство приведения себя в форму (самый простой, как тогда казалось, инструмент для этого). Со временем появился азарт, спортивная злость — жела-

ние достичь каких-то побед, результатов. Так и «понеслось», и никак не остановиться.

Своим примером

Основную часть жизни у меня занимает, конечно, работа. Работаю в УГМК, занимаюсь перспективными проектами и крупными строительными объектами, в том числе участвовал в реализации олимпийских объектов в Сочи, Башни «Исеть», «Демидов», гостиницы «Хаятт» и многих других. В настоящее время в том числе ру-

ковожу строительством многофункциональной ледовой арены на 15000 зрителей в Екатеринбурге.

Ну, а самое важное в жизни для меня — семья. Ей стараюсь уделять максимальное количество времени. Родные, близкие относятся к моему увлечению бегом с пониманием, но со мной не бегают. Они считают, что 10 километров в неделю — это достаточно! Забег 40–50–60 километров — это, по их мнению, перебор. Но они уже привыкли к этому, видят, что я получаю от этого радость, развиваюсь.

Что касается друзей, знакомых, то я не считаю, что все должны и обязаны бегать как я. Любая активность, будь это фигурное катание, да даже шахматы — это здорово! Просто своим примером показываешь, что бег — это классно. А когда еще есть какие-то результаты, то классно вдвойне. А результат будет обязательно, у каждого свой, если заниматься, стараться, работать.

Бег — это про настроение и эмоции

Бег, а мы, напоминая, говорим не о спорте высоких достижений, а о любительском беге, это как раз про настроение, про эмоции, всплеск адреналина. Когда ставишь цели и достига-

ешь их. Но главная цель для любителя, на мой взгляд, кайфовать от бега и обходиться без травм. А статистика, скорость, минуты, километры и прочее — это вообще вторично, хотя иногда и приносит удовлетворение. Занятия бегом дают возможность познакомиться с яркими, неординарными людьми, ведь практически все в беге такие! Позволяют достаточно часто ощущать атмосферу праздника — на организованных забегах она именно такая: несколько сотен, несколько тысяч участников, особенно, когда соревнования международные, там вообще десятки тысяч. По трассе бегунов поддерживают, приветствуют зрители. Это праздник! Незабываемое ощущение, которое хочешь и хочешь испытывать...

Прогресс придет

Если бегать не хочется, то и не надо себя заставлять! Но если хочется попробовать, возможность всегда найдется. Любой человек, даже в самой непростой ситуации, может надеть кроссовки, спортивные штаны и выйти на пробежку в ближайший парк, на стадион, да просто на улицу.

Любительский спорт — нужно его понимать. Если ты станешь им заниматься, то прогресс непременно при-

дет! Но если только начал бегать и говоришь, что хочешь пробежать марафон — ты его никогда не пробежишь. Нужно все делать постепенно, аккуратно и осознанно. Если так будешь делать, если это войдет в привычку, то всегда придешь к результату. Нужно иметь немного терпения, немного желания, и самое главное — получать удовольствие от самого пути. Слушайте себя, свой организм, не равняйтесь на других и делайте так, как вам нравится. Но получить совет от более опытных спортсменов — это важно и поможет избежать ошибок. Если есть возможность, хотя бы в самом начале познакомьтесь с опытным и толковым тренером.

Национальная идея

Чем больше людей у нас бегает — тем здоровее нация становится.

Вообще Средний Урал можно смело и без преувеличения назвать прародителем российского трейла. Самый старый из забегов России — это легендарный горный марафон Конжак. Нужно отметить и первый в стране многодневный «Транс Урал». И есть еще и другие организуемые с 2012 года под логотипом TransUral трейлы и ультра трейлы: Ural Ultra Trail, Большой Ирмель, Таганай-Тургойяк, фестиваль бега «Оленьи ручьи» и марафон «Долина Аракаевских пещер». Такая вот богатая на забеги уральская земля.

И когда после того или иного забега видишь, как дети перебегаются в кроссовки и говорят: «Я хочу так же!» Может, это и станет нашей национальной идеей?! **У**

Беседовала **Наталья ДУДКО.**

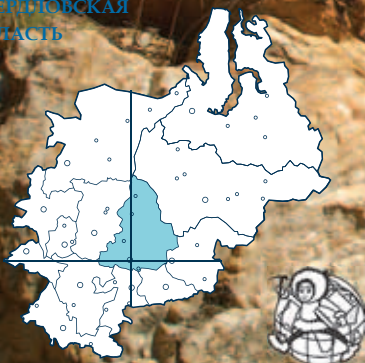

Хитный прииск

Координаты:
57°0'8" N
61°23'37" E

СВЕТЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

В окрестностях города Асбеста сохранилось множество заброшенных горных выработок, многие из них сейчас затоплены водой и представляют собой озера с чистой и прозрачной водой.

Среди этих искусственных водоемов наиболее известен Красноармейский карьер или, по-старому, Хитный прииск. В 1838 году на этом месте были обнаружены выходы слюдитовой породы, содержащей кристаллы зеленого берилла, отдельные образцы отличались высоким качеством и признавались изумрудами. Изначально прииск был взят в казну и назывался Зарефтинским, но добыча изумрудов шла из рук вон плохо и к 1844 году горное начальство прекратило его разработку.

На заброшенное месторождение устремилась местные хитники, промышленявшие незаконной добычей зеленого камня. Тогда-то прииск и стал называться Хитным. На протяжении десятков лет, вплоть до 1919 года, когда все местные прииски были национализированы, на Хитном прииске кто толь-

ко не хозяйничал. Отдельные его части брали в аренду, арендаторы не только вели добычу, но и продавали отвалы, которые шли на промывку.

Новая власть в начале 1920 годов прекратила разграбление месторождения, а в 1927 году оно получило и современное название Красноармейский прииск. Советскую власть привлекали не столько изумруды, сколько обнаруженные здесь молибден и висмут. Рядом с прииском была построена небольшая обогатительная фабрика и вырос поселок. Отрабатывать месторождение уже стали не шахтенками хитников глубиной не более 10 метров, а карьером с применением тяжелой техники. Прииск проработал до середины 1970-х годов, к этому времени его запасы были исчерпаны, а образовавшийся карьер глубиной до 40 метров, оставшись без водоотлива, быстро заполнился водой.

Встречный ветер

Евгений Тамплон

Издатель, фотограф, исследователь Урала. Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Фото автора

Уральский следопыт, июнь 2022

Вскоре исчез и рабочий поселок, вместо него появились коллективные сады жителей Асбеста.

Сейчас Красноармейский карьер по праву считается одним из самых живописных в окрестностях Асбеста. Сюда привлекают чистая и прозрачная вода, удобные берега и несложный подъезд. Но не забыли про старый Хитный прииск и современные хитники.

Окрестности водоема изрыты небольшими закопушками, откуда нет-нет да и послышится звук геологического молотка. Среди асбестовских любителей камня постоянно циркулируют истории о находке здесь чего-то очень ценного. Возможно, это и так, но тот, кто нашел, лишнего рассказывать не будет.

Добраться до прииска не сложно. Из города Асбеста идет дорога на поселок Красноармейский. В 2,5 километрах от своротки на поселок, слева по ходу движения, находятся коллективные сады. Дорога к этим садам и приведет на водоем. **УС**

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ИЗГОТОВЛЕНО В РОССИИ
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ИЗГОТОВЛЕНО В РОССИИ
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Июнь 2022

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ВАСИЛИСА ПАВЛОВА,
ДМИТРИЙ ЛАЗАРЕВ
Положи в карман надежду

50

65 **Координаты чудес**

РУСЛАН НУРУШЕВ
Сказки из подполья

65

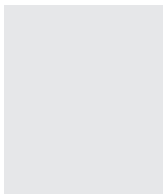
79 **Повод для улыбки**

ДАРЬЯ СТРАННИК
Неяша

79

Положи в карман надежду

Василиса Павлова (псевдоним)

Образование высшее, экономическое. Живет в подмосковном городе Дзержинский. Двое сыновей. Увлечения — классическая музыка, литература разных жанров. Поклонница Булгакова, Крапивина, Лукьяненко. Победитель мастер-класса Евгения Лукина (РОСКОН-2019), I международного конкурса «Ветлужская звезда» (2019 г.) и конкурса «Моя маленькая тайна».

Дмитрий Лазарев

Родился в Свердловске в 1976 году. Образование высшее техническое. Работает инженером, пишет в свободное от работы время. Постоянный преноминатор сборников «Аэлита» и член жюри литературного конкурса «Пролет фантазии». В настоящий момент издано 17 книг. Основные жанры — героическая и городская фантастика и постапокалипсис. Член Союза писателей России. Член Союза писателей ДНР.

— То есть вы утверждаете, что вам девяносто шесть лет?

Вопрос прозвучал холодно, но явное раздражение мне удалось скрыть. Симулянтов от психов за годы практики я наловчился распознавать на раз-два, а этот господин был настоящим симулянтом, только вот с какой целью, так и оставалось для меня загадкой.

Кстати, слово «господин» подходило ему как нельзя лучше: холёное лицо, чеховская борода, насмешливый взгляд. Смотрит так, будто не он у меня в кабинете, а я у него. Даже застиранный больничный халат и тапки-развалюхи не отменяют барского величия, выглядят нелепым маскарадным костюмом. Что смотришь, сказочник? Отвечай доктору.

— Нет, — соизволил наконец ответить пациент, — про девяносто шесть я не говорил. Подозреваю, мы с вами ровесники, Андрей Николаевич.

Вот, и имя-отчество моё запомнил сразу, говорю же — симулянт. Мошенник с артистическими наклонностями.

— И какой, по-вашему, сейчас год?

— Вот тут прошу простить, сходу и не соображу. Конец двадцатого века точно, эдак восьмидесятый-девяностый, — он небрежно взмахнул рукой, отбрасывая десяток лет как нечто незначительное.

Зачем я только время на него трачу? Хочет на полгода в наши серые стены? На жидкую кашку и вонючую капусту, в палату к алкашам и наполеонам? Напишу сейчас подходящий диагноз, и сиди себе, милый, лечись. А передумаешь, поздно будет. Только рыпнись — пара дюжих санитаров тебе моментально гардеробчик обновят. Смирительную рубашку тебе вчера уже примерили.

Только вот зачем тебе, здоровому, умному, хитрому, это всё? Зачем?

— Время любит точность, — сказал я, раскрывая историю болезни. — Восемьдесят седьмой за окном, перестройка, гласность... Поэтому и уточнял про ваше долголетие, сами же заявили, что родились в тысяча восемьсот... — тут я не удержался, кашлянул, — девяносто первом. Не рановато ли будет, как считаете?

— Двадцать семь, — неожиданно твёрдо произнёс пациент и прожёл меня взглядом.

— Двадцать семь — что?

— Лет. Мне двадцать семь лет, доктор. Только считать их нужно не вашей обычной математикой, а с поправкой на временные флуктуации.

Надо же, и правда ровесник. Я заглянул в карточку, освежил в памяти фамилию пациента.

— По-моему, вы мне голову морочите, гражданин Ротин. Явных отклонений у вас нет, что я сейчас и зафиксирую, а сообщить о вас в милицию всё равно придётся. Даже если мы вас оставим на лечение, установление личности обязательно. Вы этого хотели избежать?

— Нет, — снова твёрдо ответил Ротин, — я не скрываюсь от властей, если вы об этом. Дело совсем в другом. Просто мне нужно было попасть сюда... домой.

Ротин, Ротин... почему мне знакома эта фамилия? Не такая уж редкая. Может, среди больных встречалась? Или их родственников?

— Про «домой» поясните, пожалуйста. Вы считаете нашу психиатрическую больницу своим домом? Поэтому вы вчера устроили драку со сторожем?

Как ты мне надоел! Я ведь с утра только пусто-го чаю выпить успел. Пойти бы сейчас выпросить

в столовой пару бутербродов с маслом да заварки горсть. Может, тогда и жизнь покажется не такой созвучной нашему «уютному» заведению.

— Драки не было. Просто ваш сторож не хотел меня впускать, пришлось его отодвинуть. А дальше уже плёвое дело — договорился с дежурным врачом, и вот я перед вами.

Надо же, он ещё и улыбается! Теперь ясно, почему сменщик милицию не вызвал. Получил на лапу, дал команду санитарам спеленать и уколоть успокоительным, а утром красиво спихнул проблему на меня.

Ну Васильев! Хотя кто я такой, чтобы его осуждать? Зарплату, и без того копеечную, задерживают. Каждый выживает как может. Мне предложи, отказался бы?

— Хорошо, вы попали «домой», как и планировали. Дальше?

— Дальше мне потребуется ваша помощь. Вы поможете мне, а я вам.

Может, он и вправду сумасшедший? Есть что-то безумное в этой его железобетонной уверенности. Ну, голубчик, я тебя в таком случае сильно удивлю.

— Слушаю вас внимательно, — мне оставалось только подыграть. Даже пустота в желудке как-то забылась, интересно стало.

— Меня зовут Георгий Ротин, и я действительно родился в самом конце девятнадцатого века, здесь, в Коломенском уезде Московской губернии. Этот дом принадлежал моему деду, здесь прошла моя юность.

Вот откуда фамилия знакома! Точно, особняк, в котором сейчас наша психбольница, когда-то был домом купца Ротина. Помню, засмотрелся как-то на лепных грифонов на фасаде, навёл

справки. Ладно, исторически всё верно, но дальше сплошная фантастика. Внука, значит, изображает, наследника? Но как достоверно! Неужели я проморгал шизофрению?

— Продолжайте, — сказал я уже почти ласково.

— Вы мне не верите, — спокойно отозвался пациент. — Имеете все основания. Но у меня есть доказательства. Я пришёл сюда за фамильным медальоном. Если возьмете на себя труд подняться на чердак, там, за третьим нижним кирпичом от левой печной трубы, вы его найдёте. Надеюсь, по кирпичикам чердак при вашей власти не разобрали.

— Допустим, его там нет, — предположил я, подумав. — Что тогда?

— Это немного усложнит дело, — невозмутимо ответил Ротин. — Впрочем, у меня в запасе есть и другие доказательства. Но всё же попробуйте.

Меня разобрало любопытство. В конце концов, подняться на чердак и пошарить по кирпичам — не такая уж великая работа. Сейчас там свалка, гордо именуемая складом: поломанные стулья, кровати без пружин, всякий больничный хлам. При наших пациентах такие вещи — расходный материал. Поднимусь, посмотрю, а там видно будет.

— Хорошо, будь по-вашему. Возвращайтесь пока в палату, позже я вас снова приглашу, — сказал я и нажал на кнопку вызова санитара.

* * *

Медальон я нашёл почти без затруднений. Третий кирпич оказался темнее остальных, держался на честном слове и выскочил, едва я за него потянул. В открывшейся нише я с удивлением обнаружил холщовый мешочек с золотым тиснёным ме-

дальоном. На крышке яркой каплей искрился зелёный камень. Ого, тут ещё и изумруд, дорогая штука!

Раскрыл, нажав на боковую кнопку, увидел внутри пожелтевшую от времени фотографическую карточку. На ней была молодая девушка в длинном платье и шляпке, а с ней рядом... мой пациент. Только моложе и без бороды. Стоп, без фантазий, это ещё ничего не доказывает. Черты лица могут сохраняться через много поколений, просто сильная генетика.

Чтобы окончательно привести мысли в порядок, на обратном пути я зашел в столовую.

Масла от завтрака не осталось, пришлось довольствоваться хлебом и стаканом препоганейшей бурды местного разлива под названием какао. Ну и то оказалось кстати: голод если не отступил, то хотя бы поутих.

Медальон тяжелил карман, настраивая на продолжение разговора.

Привели Ротина. Он снова сел вальяжно, нога на ногу, но в глазах теперь читался вопрос: «Да? Нет?»

— Да, медальон действительно оказался на месте. Красивая вещь, — сказал я, не делая попыток предъявить находку пациенту. — Только старинное фото...

— ...ничего не доказывает, — спокойно продолжил Ротин. — Но хотя бы частично подтверждает правдивость моих слов, согласны?

— Только частично. Я могу согласиться с тем, что вы действительно Ротин, унаследовавший фамильное сходство через несколько поколений.

— Теперь, доктор, моя задача — убедить вас в том, что изображён там действительно я. Кстати, медальон можете оставить себе. Золото высшей

пробы, не сомневайтесь. Только фотографию верните, мне она дорога.

Хм... пытается меня подкупить. Забавно. Вообще, если продать побрякушку с изумрудом, можно многое изменить. Поменять ржавую «копейку» на приличный автомобиль, уволиться из этой беспроектной дыры, уехать в Москву, заняться наконец диссертацией.

Эх, куда подевался юный идеалист Андрей Мельников, мечтавший посвятить себя бескорыстной заботе о больных? Как всё-таки быстро светлые устремления разбиваются о грубую действительность.

— И снова, допустим. Вы получаете фотографию, я — медальон, и?.. Я должен за это вас отпустить?

— Андрей Николаевич, вы же ученый. Неужели вам неинтересно узнать, как я шагнул через годы?

А вот и неинтересно. Я уже принял решение. Отпущу его ко всем чертям, и дело с концом. До первой проверки документов дотянет, а дальше уже не моя проблема.

— Мечтаете со мной поделиться секретом машины времени? — иронично спросил я.

— Машина времени? — задумчиво протянул Ротин. — Звучит примитивно. Что-то из господина Уэллса? Признаться, читал в детстве, но сейчас уже подзабыл. Сказки меня мало занимают. Видите ли, доктор, я к своим годам успел собрать основательный багаж знаний в области классической и релятивистской физики, и не просто собрать, а ещё и реализовать его. Воплотить в сложный механизм пространственно-временных искажений. Конечно, потребовались средства, пришлось потратить большую часть унаследованного капитала, но сама идея того стоила. Результат пе-

ред вами. Я, рождённый во времена царствования предпоследнего российского императора, разговариваю с вами, ровесником из следующего века.

— Хотите сказать, что вы изобрели бессмертие? — сам того не сознавая, я проникся беседой, отбросив иронию и даже на время забыв про медальонные перспективы.

— Условно — да, сохранность организма при прохождении через годы можно назвать и бессмертием, если рассматривать человеческую жизнь как относительную единицу. Но, по сути, это не так. Благодаря своему механизму я научился выпадать из общего течения времени, останавливать его в пределах ограниченного пространства, создавать изолированный пространственно-временной «карман». Так что основополагающий принцип моего изобретения не в движении, а в торможении одного процесса за счет ускорения другого.

Вот теперь всё это уже реально напоминало бред. Впечатление усиливали горящие глаза и румянец, появившийся на щеках породистого купеческого потомка.

— И где он, этот механизм?

— Совсем недалеко отсюда. Хотите посмотреть?

* * *

Как ему удалось меня уговорить? Как?! Возможно, подсознательно мне самому хотелось избавиться от странного человека, чтобы спокойно воспользоваться его дорогой безделушкой. Потребуй он её обратно — отдал бы!

Принципы и воспитание никуда не делись, хоть и покрылись поволокой эгоизма и практичности. А не будет его рядом — медальон останется в моем распоряжении. И уж за реализацией дело

не станет. К отцу обращусь, хоть и не общались сто лет. Его новая гримза водит дружбу с антикварами, поможет, если процент пообещать.

Наверное, поэтому я и решился на прогулку по весеннему лесу в компании Ротина. Сам лично принёс его одежду, подождал у выхода, кивнул сторожу Петровичу, мол, всё в порядке, провёл через вертушку. Идти действительно пришлось недалеко.

Когда углубились в лес, возникла мысль замешкаться и «потеряться». Действительно я, что ли, иду смотреть его не-машину времени? Но Ротин словно почувствовал мои сомнения и успокаивающе произнёс:

— Не волнуйтесь, Андрей Николаевич, почти пришли.

И мы на самом деле пришли почти сразу. Ротин остановился у высокого пня, оставшегося, вероятно, от мощного осокоря, отшагал немного вправо и... открыл люк. Никогда бы не подумал, что там что-то есть, крышка была замаскирована, как в лучших шпионских фильмах.

— Спускайтесь осторожно, сейчас лампу зажгу.

Я спустился по широкой лестнице в комнату-подземелье, и у меня аж дух захватило от увиденного.

Бункер оказался роскошной комнатой с безупречным дубовым паркетом, обоями на стенах, с матовыми светильниками над керосиновыми лампами, старинным буфетом, столом, диваном и креслом в стиле ампир. Даже примус на углу стола не выглядел чужеродно и был украшен витиеватым чугунным ажуром, вероятно, каслинского литья. Ну и ну!

— Проходите, располагайтесь. Чаю хотите? Настоящий, с плантациями Попова, тот самый, что по-

лучил золотую медаль на выставке тысяча девятисотого года в Париже.

Я сел и стал растерянно наблюдать за хозяйской суетой Ротина. Шок от неожиданного перемещения в подземное царство ещё не прошёл, но к нему уже примешивалось ощущение, что я в гостях.

— Что вам ещё предложить? Есть сухари и соломина, вполне съедобные. Хотите?

— Благодарю, Георгий Алексеевич, — как хорошо, что я смог вспомнить его имя, — не стоит беспокоиться. А вот чаю можно.

Искушение было велико. Чайные листья в жестяной коробке выглядели не как труха из продуктового магазина, крупные изогнутые листья выдавали благородное происхождение. Как давно я не пил хороший чай!

Ротин расставил чашки из тонкого фарфора, достал из буфета сахарницу с плотными белыми кусками, мельхиоровые щипцы.

— Вы как предпочитаете? Вприкуску или поколоть? Ах, да, вы же, скорее всего, и не знаете, как пьют вприкуску. Жаль, у меня самовара нет, примусом обхожусь, а то бы почувствовали себя совсем как в моем времени.

— Кстати, о времени, — слегка очнулся я, прихлёбывая невероятно вкусный чай, крепкий, ароматный. — Вы меня не просто так в гости позвали, помните? И где ваш механизм?

У меня ещё оставалась надежда, что Ротин окажется просто богатым чудаком, создавшим из каприза удачную старинную декорацию.

— Механизм тут, прямо в этих стенах. Нет, то, что вы видите, это как раз остатки наследства — картины все подлинные, фарфор старинный даже по моим меркам, матушкины драгоценности...

А вот каркас этих стен — и есть само устройство... Ну... подробности вы вряд ли поймёте, да вам они, пожалуй, и ни к чему, поэтому расскажу в общих чертах. На каркасе установлены два контура: синхронизирующий и разрывающий. Когда активен разрывающий контур, внутри бункера образуется пространственно-временной «карман», изолированный от общего хронопотока Земли. Это как бы морозильная камера для времени, во много раз замедляющая все процессы, происходящие внутри «кармана», а снаружи между тем всё идёт своим чередом и с прежней скоростью. Но для выхода во внешний мир недостаточно просто открыть дверь — нужно включить контур синхронизации, который выравнивает скорость хронопотока в бункере с общим. Вот этот рычаг, — он ткнул пальцем в здоровенный рубильник, который торчал из стены у самой двери и бросался в глаза своей вопиющей неуместностью здесь, — как раз и служит для переключения контуров. Пока он опущен, временные потоки снаружи и внутри едины и неразрывны, но стоит его поднять... Хотите ещё чаю?

Вдруг я почувствовал головокружение и усталость. До того вязкую, что стало тяжело двигать ногами, они будто стали весить по тонне.

— Да вас, как я погляжу, сморило. От ламп, наверное. У меня-то привычка, а в ваше время никто уже керосиновыми не пользуется. Вентиляция у меня тут есть, конечно, но, видно, не всё утягивает. Давайте-ка я вас на диван отведу. Вот так, потихоньку. Полежите, отдохнёте...

Я хотел отказаться, встать и немедленно покинуть это загадочное место, но тело внезапно перестало меня слушаться, а веки слепил необоримый сон.

* * *

— Просыпайтесь, Андрей Николаевич. Просыпайтесь, голубчик!

Господи, голова трещит, будто поленом ударили, и во рту сухо, как в пустыне.

— Да не трясите меня, Ротин. Воды лучше дайте! — едва смог выдавить я сквозь сухие губы. — Чем вы меня так?

— Ничего страшного, просто снотворное, знакомый аптекарь изготовил по особому рецепту. Вода вот — пожалуйста, пейте на здоровье, ключевая.

— Зачем?.. — зубы застучали по тонкому фарфору.

— А как же иначе, друг мой? — миролюбиво ответил Ротин. — Разве добровольно вы бы согласились?

— На что? — спросил я, уже догадываясь, во что влип.

— Составить мне компанию, конечно, — совсем буднично, как о само собой разумеющемся, сказал Ротин. — Про Робинзона и Пятницу читали? Ладно, если сравнение с черномазым туземцем вас оскорбляет, представьте себя Ватсоном. Надеюсь, сэр Конан Дойл не растерял популярности за долгие годы?

Мой взгляд метнулся к рубильнику — тот был опущен. Тут же вспыхнула искра надежды, что всё обошлось, не было никакого скачка во времени и мы по-прежнему в кажущемся теперь родным и уютным восемьдесят седьмом.

Ротин перехватил мой взгляд, усмехнулся и покачал головой.

— Не надейтесь напрасно, дорогой друг. Я его только что выключил.

Накатила ярость пополам с отчаянием. Меня, как куклу, взяли за шкирку и обрели на вечное

чаепитие с безумным Шляпником! Бежать, срочно! Но сначала морду ему набить. Что, думаешь, раз я доктор, то тяжелее стетоскопа ничего не поднимал? Да я тебе...

— Сочувствую, Андрей Николаевич. Но со временем вы поймете, что мой поступок для вас благо. Кстати, не перейти ли нам на «ты»?

— Благо?! Вы подлец, Ротин! Вы отняли у меня жизнь!

Я вскочил, забыв про слабость, мышцы напряглись, тело само собой приняло боевую стойку. Ротин поднялся мне навстречу, лицо его закамнело.

— А вы глупец, Мельников, хоть и доктор! Что вы знаете об отнятой жизни? Это вас с юности преследовали родственники, мечтающие оттяпать наследство? Это ваша девушка погибла от бомбы, брошенной фанатиком-революционером? Это к вам в дом вломилась большевика с приказом о конфискации?!

Я слегка оторопел от такого напора и отступил. Ротин, заметив мой испуг, продолжил чуть спокойнее:

— Отнять у вас жизнь, Андрей, было очень просто. Представьте, что я действительно сумасшедший... Какой-нибудь маньяк-убийца. Вот я привёл вас к себе в бункер, напоил снотворным, а потом убил вот этим кухонным ножом. Представили? А потом покромсал топориком на куски и... съел.

Наверное, в моих глазах плеснулся ужас, потому что Ротин снова усмехнулся и сказал, окончательно успокоившись:

— Ну вот видите. А вы живы, здоровы и уже вполне бодры. Хотите чаю?

Я отрицательно мотнул головой. Мысли скакали, как табун лошадей, сердце колотилось. Нуж-

на была пауза, я снова сел на диван. Когда эмоции чуть улеглись, я спросил:

— Как долго я спал?

— Отличный вопрос, — подбодрил меня Ротин, радуясь, вероятно, возобновлению диалога с новым явленным Ватсоном. Чёрт побери, ирония судьбы! Он действительно мне подходит больше, чем Пятница, как минимум докторским званием.

— ...но не полный. Спали вы семь часов и двадцать четыре минуты, что с учётом работы механизма составляет четыреста сорок четыре месяца, или тридцать семь лет. Сориентировались?

От волнения я забыл простую арифметику. Цифры прыгали в голове и никак не складывались.

— Мы в две тысячи двадцать четвёртом, доктор. Как вам такой променад?

* * *

— И хватит уже дуться как мышь на крупу. Подсаживайтесь-ка лучше. Неизвестно, когда в следующий раз будем трапезничать, так что надо подкрепиться чем Бог послал. Сухари, солонина, попробуйте. Вот варенье вишнёвое, — он снова по-хозяйски засуетился, достал из буфета красивую розетку. — Ах да, у меня ещё отличный деревенский самогон есть. Я его для медицинских целей держу, мало ли... Хотите?

Выпить хотелось. Даже не выпить, а напиток в хлам, чтобы забыться, превратить происходящее в дурной сон.

Но я мужественно отказался, хотя к столу подсел. Во мне потихоньку просыпался психиатр, а для составления окончательного психологического портрета Ротина требовался личный контакт.

— Георгий, — начал я, приступая к еде, — расскажите о себе. Только, пожалуйста, правду. Теперь-то какой смысл скрывать? Мы в одной лодке.

— Да я и раньше говорил вам чистейшую правду, — невозмутимо парировал Ротин. — Но извольте. Расскажу как на духу, чтобы не было недосказанности. Мне ведь теперь снова придётся завоевывать ваше расположение.

Я превратился в слух.

— Рассказ о детстве и юности, пожалуй, опущу, основные вехи вам известны. Получив наследство, я стал бельмом на глазу многочисленных родственников-прилипал, мечтавших запустить руку в наши семейные закрома. Меня и травить пытались, и наёмников подсылали, даже пожар однажды устроили, рискуя при этом лишиться тех самых вожделенных картин и побрякушек, в которые дед и отец вкладывали капитал. К тому моменту я уже отучился в Оксфорде, вернулся в Россию и, оценив кутерьму вокруг, стал строить себе убежище на случай нападения. Но не просто бункер, как вы понимаете, а научную лабораторию. Не для себя старался, хотелось подарить миру открытие — шутка ли, управлять временем. Хотя вру, грешен, прославиться тоже хотелось, да и капитал удвоить-утроить на волне успеха. Потом перетащил сюда всё самое ценное, что можно было унести, но, когда окончательно убедился, что «карман» работоспособен... испугался. Зажил обычной жизнью, лишь изредка сюда наведывался.

— А та девушка на фотографии? — вспомнил я про медальон.

— Девушка? — задумчиво переспросил Ротин. — Соседка, первая любовь. После университе-

та собирались пожениться. Но, пока я был на туманном Альбионе, тут начался революционный хаос. Елена стала случайной жертвой бомбиста-эсера. После этого я вгрызлся в науку как в единственный источник радости. Иначе с ума бы сошёл точно.

Ротин опустил глаза, хрустнул сухариком. Я деликатно молчал, давая ему возможность справиться с нахлынувшими эмоциями. Помолчав минут пять, Георгий продолжил:

— Потом семнадцатый год. Февральская революция, за ней октябрьская... Многие думали, что всё обратимо, надеялись на возрождение монархии, в нового царя-батюшку верили. Только я сразу понял: полыхнула Россия основательно и обратного пути в ближайшем будущем не предвидится. Родственнички мои поганые за границу слиняли. Меня с собой звали, упыри, будто ничего не было. Но куда там! А мне даже любопытно стало. Сила у большевиков оказалась невиданная, весь простой люд за ними поднялся. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Хорошее ведь дело, понимаете? Одного я совсем не учёл — богатый наследник, даже сочувствующий, оказался для новой власти классовым врагом. А с такими разговор короткий — к стенке, и вся недолга. И вот однажды, это уже в восемнадцатом было, как-то среди ночи подъехала машина с матросами и комиссаром в кожанке. Показали бумажку, мол, решением уездного революционного комитета мой особняк экспроприируется для нужд республики, а меня просят собраться и проехать с ними. Для выяснения, так сказать... Ну тут всё стало понятно, отпросился на минутку, надеть брюки поприличнее, а сам в окно. Сиганул со второго этажа и в лес, к спасительному убежищу. Отдышался

и тут же рубильник поднял, чтоб не передумать. Ну и вот, шагнул вперёд по дороге времени семимильным шагом...

— Неужели так до восемьдесят седьмого сразу?

— Нет, друг мой... Не возражаете против такого обращения? Была ещё одна остановка, первая. Я тогда только в теории мог время высчитать, а велика ли погрешность, можно было узнать только практически. Вышел через несколько часов, добрёл до города, осмотрелся. Матерь божья, как всё вокруг изменилось! И люди, люди совсем другие! Сразу в глаза бросилось — инвалидов много и все в военной форме. Расспросить хотелось, выведать, что да как, какой нынче год, да испугался, что за сумасшедшего примут. Отправился я тогда к вокзалу, думал подслушать разговоры в зале ожидания, может, самому с кем осторожно знакомство завести, но тут глядь, навстречу мне цыганка плывет. Красивая, глаза антрацитовые блестят. Подошла, ладонь к себе повернула, чтобы по руке, значит, погадать, да так и замерла. «Не отсюда ты, — говорит, — парень, и не здесь тебе быть суждено». А сама взглядом так и прожигает. В общем, доверился я ей, пошли вместе к табору неподалеку... Звали её Земфира, как у Пушкина, помните?

Я неуверенно кивнул, махнул рукой, призывая продолжить рассказ. Земфиру у Пушкина я помнил весьма смутно, что-то трагическое из школьной программы всплывало в памяти. Отвлекаться на вымышленные беды не хотелось, со своими бы разобраться.

— Провёл я у цыган ночь, они мне подробно всё рассказали — и про то, что попал я в тысяча девятьсот сорок седьмой, и про недавнюю войну, и про голод. Из огня да в полымя — из революци-

онного пожара напрямиком в послевоенную разруху угодил. Удивляться не удивлялись, что я из далёкого прошлого, у них своё мировосприятие. Как Земфира и сказала, понял — не моё это время, надо снова в «карман» нырять и вперёд идти. Поблагодарил я их сердечно, оставил ей на память пяток золотых монет и вернулся сюда.

— А дальше? — не удержался я, когда Ротин прервался отпить остывшего чая.

— Дальше? А вот дальше я к вам угодил, в самый развал страны. Было бы смешно, если б не было так грустно. Ну посудите сами, только и попадаю что в хаос и разруху. Кстати, не спросите, как я вас в попутчики выбрал? — глаза Ротина хитро блеснули.

— Ну и как? — помрачнел я. Не привык я ещё к положению ведомого.

— С помощью той же Земфиры, — улыбнулся Ротин. — Удивлены? Нашёл я её через сорок лет на том же коломенском вокзале. Судьба, не иначе. Конечно, от бывлой красоты только ошмётки остались, но руку мою она сразу вспомнила и снова к себе позвала. Не в табор, а в городскую квартиру аж на седьмом этаже. Я таких домов сроду не видел. Гадальный салон у неё там, бизнес современному. И снова сказала, что время не моё, надо мне дальше идти, но на этот раз посоветовала не одному, а с верным товарищем. Крепко мне её слова в душу запали — вдвоём-то завсегда веселее. Позвал я её с собой, отказалась... Будущее, говорит и так ведаю, а на твоей (моей) руке себя не вижу, не встретимся больше... Может, всё-таки по рюмочке?

— А давайте, — решил я. Сопротивляться, изображать трезвенника перехотелось.

Ротин звякнул хрустальными стопками, выставил тяжёлую бутылку, разлил поровну. Выпили молча, каждый за своё, закусили солониной.

— Ну дак я продолжу, совсем немного осталось. Тогда попросил я её разузнать, кто в моём доме живёт. Связей у неё оказалось достаточно, гадалка-то она самая настоящая, не шарлатанка, многие ей обязаны. Так и выяснилось, что в моей усадьбе разместился жёлтый дом. И про медицинский персонал мне подробно доложили, а в нём вы, доктор, выделялись, как ромашка в зелёной траве. Молодой талантливый учёный с пытливым умом, да ещё и без семьи. Да знаю я про вашего отца, знаю! Но, сами понимаете, вы для него отрезанный ломоть. Стал я план разрабатывать и тут вспомнил про медальон, который оставил намеренно, чтобы душу не жёг воспоминаниями. Так всё и сложилось. Доктору вашему, сменщику, пару золотых кинул. Сказал, с друзьями поспорил, что в дурдом попаду. Ну а дальше вы и сами всё знаете. Да, батюшке вашему утром телеграмму отправили по моей просьбе. От вашего имени. Что, мол, уезжаете в научную экспедицию и, ежели что, просите не поминать лихом. За эту вольность я готов просить у вас прощения.

Я сидел, переваривая услышанное. Снова накатилась злость, которую слегка гасил выпитый самогон и чувство обречённости. Как у него всё просто! Тоже мне, граф Монте-Кристо коломенского разлива...

— А где у вас туалет? — спросил я, чуть помявшись. Вопрос был донельзя актуальным и подозрения не вызвал.

— Наверху, — невозмутимо ответил Ротин. Я двинулся к двери, он за мной.

Отодвинул засов, осторожно выглянул, кивнул, пропустил меня вперёд. Я вылез на поверхность, огляделся.

— Не ищите, не найдёте, — насмешливо прокомментировал Ротин, высовывая голову. — Туалет тут везде! — и деликатно притворил крышку люка.

Я отступил к ближайшим кустам, пригнулся, и... как заяц рванул по направлению к городу.

* * *

Лес закончился намного быстрее, чем я ожидал. Как-то резко и вдруг. По моим расчётам, мне предстояло ещё минут десять-пятнадцать шагать между берёз и сосен, а тут раз — и всё... Я замер, словно на стену налетел. Ничего себе!

Окраина, которую я помнил, исчезла. Со всем. Ни двухэтажных барачков, утопающих в зелени, ни однообразных панельных пятиэтажек с квартирами-хрущёвками, ни шеренги коммерческих ларьков, выстроившихся вдоль улицы. Всё это как корова языком слизнула.

Вместо них простёрся здоровенный асфальтированный пустырь, над которым царствовала странная циклопическая постройка из стекла и бетона. В ней было всего пять этажей, но при этом она своими размерами просто подавляла, словно инопланетный десантный корабль, спустившийся на покорённую планету и зыркающий во все стороны из гигантских окон.

Давненько... впрочем, нет, никогда я не видел столько стекла сразу. И вывесок. Ярких, кричащих. Причём многие из них я даже не понимал: одни просто были не по-русски, другие вроде бы и русскими буквами, а только всё равно что иероглифами — поди разберись, что там под ними

скрывается. Одна из немногих более-менее понятных надписей находилась почти под крышей левого крыла этой постройки — там угрожающе висели могучие зелёные буквы «Мегафон».

Я отвел взгляд от изрядно меня нервирующего здания и оглядел пустырь... Впрочем, «пустырь» — не совсем то слово. Разве что в смысле незастроенной территории. А так никакой пустоты — вся его огромная площадь была заставлена машинами. При виде такой картины у меня бы точно отпала челюсть, только куда уж дальше падать?

Машины... Я в жизни не видел их в таком количестве. Даже в Москве. Мне доводилось несколько раз проходить мимо коломенского трамвайного парка в ранние часы, когда трамваи ещё не разъехались, — так вот, ощущение было то же — битком. Я не думал, что у нас во всём городе есть столько легковых машин, сколько собралось здесь, на этой стоянке. И каких!

Я тщетно искал взглядами знакомые «жигули», «москвичи», «волги»... Ничего подобного. Очертания всех машин были плавные, обтекаемые, словно у мыльниц на колесах. Иномарки?! В таком количестве?! Откуда?!

Я почувствовал, что у меня слабеют колени. Вернулась мысль о покорённой планете. Дурацкая, нелепая, однако настойчивая. Нас что, захватили? Множество иномарок говорило именно об этом. Что же тут случилось за тридцать семь лет?

Тщетно пытаюсь если не привести мысли в порядок, то хотя бы заставить их не так безумно метаться в моей голове, я подошёл к стоянке, чтобы получше разглядеть машины...

— Слушай, идея просто супер! — молодой женский голос послышался справа. — Я сейчас из ТЦ

вышла, метнусь по-быстрому до дома, потом у меня презентация, онлайн-коучинг и спа, а вечером давай в зуме обсудим.

Я обернулся. Ко мне цокала на высоченных каблуках-шпильках длинноногая блондинка, одетая в белую блузку и... это были определённо джинсы, только выглядели они какими-то лохмотьями — дыра на дыре.

Я думал, что сильнее удивиться уже не смогу. Ошибся. Девица во всём остальном выглядела холёной и обеспеченной, но... это?! А ещё она продолжала разговаривать, хотя собеседники рядом с ней отсутствовали.

— А давай ты тоже подтянешься? — произнесла она, и глаза её при этом смотрели куда-то в область моего подбородка.

— Простите, это вы мне? — ошеломлённо переспросил я.

— Разумеется, нет! — с раздражением ответила незнакомка, глядя на меня как на идиота. Тут же отвернулась и двинулась к одной из машин-мыльниц, говоря в пространство: — Нет, не тебе. Тут тип какой-то мутный пасётся.

Блондинка вновь чуть обернулась, скосила на меня подозрительный взгляд, и я увидел нечто чёрное и продолговатое возле её уха.

Потом она достала что-то из сумки, направила на синюю «мыльницу», а та в ответ издала квакающий звук.

Незнакомка поспешно, ещё раз немного нервно оглянувшись на меня, всё ещё стоящего в позе памятника и с изумлением на неё глазеющего, села в машину, завела её и уехала.

Куда идти? Я и сам не знал. Чтобы хоть как-то сориентироваться в чужом мире, решил дойти до знакомых мест.

А какое из них ближайшее? Разумеется, родная психушка.

Особняк я увидел издалека. Фасад был отреставрирован, крыша новая, только решетки на окнах старые и вывеска та же: «Психиатрическая больница № 6».

Ну хоть что-то на этом свете остается неизменным. О дальнейших действиях следовало хорошенько поразмыслить. Повторить финт Ротина, прикинуться сумасшедшим? А смысл?

Неподалёку от усадьбы, в сквере на лавочке сидел странный зеленоволосый юноша и пялился в черный плоский прямоугольник.

Тыкал по нему пальцами, что-то бормотал. Из ушей молодого человека торчали короткие белые макароны. Украшение, что ли?

Никого другого рядом не было, и я решил подойти.

— Друг, у меня проблема. Помощь нужна! — сказал я, мучительно соображая, что говорить дальше.

— Траблы, бро? — отозвался зеленоволосый на непонятном языке, впрочем, довольно дружелюбно.

Я присел рядом, кинул взгляд на прямоугольник. Это был телевизионный экран, но только очень тонкий, как кусок стекла.

— Я, это... спросить хотел. Что тут произошло?

Юноша удивлённо огляделся и перешёл на нормальный русский:

— Произошло где? Когда?

Я вздохнул и, внезапно почувствовав прилив вдохновения, вероятно, от отчаяния, выдал себе-седнику более-менее правдоподобную историю:

— Понимаешь, друг, я в коме был, долго. Очень долго! Результат научного эксперимента. Вышел

буквально на днях. Ну и сбежал из больницы... Только не удивляйся.

— Вы не оттуда, случайно? — опасливо спросил юноша и кивнул на особняк-психушку.

— Нет, что ты! Я, наоборот, врач. Кстати, тут как раз до комы работал. Ты местный? Доктор Мельников, неужели не слышал? — пальнул я наугад, придавая себе солидности.

— Неа, — растерялся юноша. — Но могу загуглить, если что...

— Можешь что сделать? — не понял я.

— Загуглить. Ну в поисковике вас найти, — ответил зеленоволосый и показал на экран.

— Это что-то типа архива, что ли?

— Типа того, — не стал спорить юноша и глянул на меня с любопытством. — А лук у вас прикольный! В такой шмот только миллениалы одевались, наверное...

Ну вот, опять перешёл на непонятный язык. Но я решил не переспрашивать, а вернуть разговор к интересующей меня теме. Тем более, в голову пришла неожиданная мысль.

— Слушай, друг, у меня до комы отец был жив. Что с ним сейчас — без понятия. Если скажу, как его звали и с какого он года, найдёшь?

— Попробую.

— Мельников Николай Иванович, местный, коломенский, тридцать седьмого года рождения. Тысяча девятьсот... — добавил я, сам не поняв, на кой чёрт.

Парень потыкал в экран, довольно кивнул и сказал:

— Есть такой чел, точнее, был. В профиле ФБ написано, что умер в две тысячи девятнадцатом в возрасте восьмидесяти двух лет. Постов много, активно общался в сети, есть фото. Вот, смотри-

те... Последнюю запись сделала жена, ой, то есть вдова.

Я взглянул на фотографии. Отец улыбался с экрана.

Здорово постарел, конечно, но совсем в дряхло-го старика превратиться не успел. Во взгляде юноши появилось сочувствие — вероятно, я переменился в лице.

Хоть и ожидаемая была новость, но всё же кольнула. Месяца три с отцом не виделись, но кто же знал, что это навсегда?

— А про сына там ничего не написано? Про Андрея?

— Ща почекаем... Есть. «Андрюша пожертвовал собой ради науки». Это про вас?

Я кивнул. Надо было расспрашивать парня дальше или попросить на минуту его чудо-стекло. Вдруг там, в архивах, есть новости за последние тридцать с гаком лет?

Вот только сумею ли я разобраться с этой новомодной штуковиной?

— А вы ещё до пандемии в кому впали? — внезапно спросил юноша.

— До какой пандемии?! — у меня отвалилась челюсть. В памяти тут же всплыли страшные картинки из медицинского учебника.

— Пандемия, коронавирус. В девятнадцатом году началась, — пояснил юноша. — Крипота была, жесьть просто — куча народу рипнулось! — Тут он увидел моё ошарашенное лицо и снова перешёл на нормальный язык: — Умерло то есть. Окончательную вакцину только два месяца назад изобрели. У вас браслета нет? — показал он на ярко-фиолетовый резиновый браслет на своём запястье.

— Нет. А надо?..

— Конечно, надо! — горячо заговорил парень. — Двигайте вон туда, увидите павильон с красным крестом, там всех прививают. И даже документы не спрашивают, хоть бомжей, хоть приезжих, всех фо фри, бесплатно то есть. Даже тех, кто в розыске! Сейчас по всему миру так, распоряжение ВОЗ. Просто браслет потом выдают, и всё. Потому что это типа последняя надежда человечества победить «корону», — закончил он важно, с изрядной долей пафоса. Подозреваю, финальные слова были цитатой из газеты.

— Спасибо... бро, — вспомнил я его приветствие. — Слушай, скажи напоследок, что такое «онлайн-коучинг»?

— Ну вы даете! Реальный бумер! — заржал зеленоволосый собеседник. — Ладно, смотрите, это всё на изи — даже нуб въедет. Вот айпад последней модели...

Через полчаса я вышел из павильона привитый, с фиолетовым браслетом на руке и подарком от Всемирной Организации Здравоохранения — коробкой-аптечкой первой помощи. Куда идти дальше, я даже не раздумывал. Было немного стыдно возвращаться, но во мне уже вновь горели врачебный задор и клятва Гиппократа.

Быстрым шагом я дошёл до пустыря и углубился в лес.

Когда показался высокий кряжистый пенёк, меня посетили сомнения. Кто знает, ведь Ротин мог так и не выйти наружу, а просто дать старт и «уехать» дальше. Без меня.

Кстати, интересно, а может ли «карман» существовать в разном времени со своим хозяином? Вот заодно и проверю, если что.

Люк пришлось поискать, всё-таки запрятан он был мастерски.

Но в конце концов, уже почти отчаявшись, я его нашёл. Ротин был внутри.

Похоже, он действительно так и не покидал бункера. Выглядел он печальным и даже осунувшимся, но при виде меня слабо улыбнулся, на глаза навернулись слёзы.

— Я знал, что вы вернётесь, Андрей... Точнее, надеялся.

— Георгий, — решительно сказал я, внезапно почувствовав себя не ведомым, а полноценным членом экипажа, в данном случае почти главным, — вам необходимо срочно вакцинировать. Пойдёмте, я всё покажу и расскажу. Пока мы с вами чаёвничали, мир накрыл вирус...

* * *

— Привет тебе, Андрей Бессмертный!

Звонок по спейсфону застал меня в ванной. Пришлось уменьшать окно до минимума, чтобы не светить голым торсом. Знакомый голос сразу заставил забыть обо всех неудобствах.

— Горыныч! Здорово, чертяка! Куда ты пропал? С Машкой недавно тебя вспоминали...

Этим прозвищем моего лучшего друга, почти брата, Георгия Ротина, однажды наградила моя дочь Маша, когда ей едва стукнуло три года. Гор тогда рассказывал ей «сказку про папу», где меня именовал Андреем Бессмертным.

Вот она и выдала: «Тогда ты будешь Гор Горыныч! И будешь всегда защищать моего папу! А то я не играю...»

— Да так, дела были... Как ты? Как Софья, Машенька?

Голос у Гора был невесёлый, что-то случилось, я это сразу понял. Но и вопросы он задавал не дежурные, мы всегда делились личным.

Только что рассказывать? Ротин холостяк, ему было сложно понять, как после двадцати трёх лет брака люди становятся настолько чужими друг другу, как мы с Соней. А вот про Машку рассказывать было легко. Дочь-океанолог, папина гордость!

— Ничего, потихоньку. Соня пропадает на курсах виртуального вышивания, кулинарии или где-то там ещё... Я особо не вникаю. Машка по-прежнему в Австралии, спасает китов, корпит над диссертацией. Замуж, кстати, собралась за капитана дальнего плавания, через месяц свадьба. Лишь бы только науку не забросила...

— В клинике как дела? Справляешься?

— Как раз туда собираюсь. Вообще, они там и без меня спокойно обходятся, могу хоть сегодня на покой уйти. Хорошая команда подобралась, профессионалы. Про себя лучше расскажи! Как ты, где сейчас?

Тогда, в постпандемийном двадцать четвёртом мы не задержались. После того как Георгий вакцинировался, решили шагать дальше, чтобы дать миру время привести себя в порядок.

Махнули сразу на шестьдесят пять лет вперёд, в две тысячи восемьдесят девятый, там и остались. Закон Мерфи в этот раз дал сбой, или небесный покровитель путешественников-авантюристов решил наконец смилостивиться, только настоящее оказалось стабильным, перспективным, без революций, войн и прочих потрясений.

Легализация получилась лёгкой и даже забавной благодаря «золотому запасу» Гора. К нашему великому счастью, деньги по-прежнему решали всё.

Пришлось потратить значительную часть капитала, но в итоге с помощью нужных людей мы по-

пали в программу защиты свидетелей и смогли легально начать жизнь с нуля, с чистыми документами и под своими же именами.

Много воды утекло за двадцать пять лет. Каждый из нас занялся любимым делом. Я вернулся в медицину, женился.

Со временем открыл клинику общего психического здоровья, ставшую весьма популярной у звёзд шоу-бизнеса.

Ротин с головой ушёл в прогрессивную физику, совершил множество открытий, довольно быстро став учёным с мировым именем. Наша дружба с годами только крепла, и вот...

— Андрей, я попрощаться.

— С ума сошёл?! Что случилось? Ты здоров?!

— Да всё в порядке, не кипиши... Просто недавно запустил трёхсотый спутник и... стало скучно. Понимаешь, для этого времени я уже бесполезен. Всё, что мог, — открыл, славу получил, денег заработал. Мемуары и вечера у камина не для меня, сам знаешь. Подумал и решил шагнуть дальше. Поэтому и звоню.

У меня сжалось сердце, в голове заиграл траурный марш.

Я понимал его мотивы и даже отчасти разделял уныние от окончательного достижения целей, но такой шаг...

— А бункер цел?

— Что ему делается? Съездил, проверил, механизм в порядке, «карман» по-прежнему действует. Я его запустил на несколько минут, поэтому и пропал на полгода.

— Стой, Гор, так не годится. Дай мне пару часов... встретимся у люка.

— Андрюх, обалдел?! У тебя же...

Но я уже не слушал.

Вырубил спейсфон, включил электронного секретаря. У меня было мало времени и много неотложных дел.

* * *

— А это что?! — Гор удивлённо приподнял брови.

— Не видишь, что ли? Самогон, конечно. Как без него? — хохотнул я, вспомнив, как мы, уже закрепившись в новом времени, добывали здоровенную дореволюционную бутылку, отмечая вместе каждый успех. — Считай, гарантия того, что у нас ещё будут поводы отметить.

— Не гарантия, а надежда, — поправил Гор и вздохнул. — Ты точно решил? Не передумаешь? Не скажешь через пару часов: «Вы подлец, Ротин!»?

— Так, не начинай... Ты меня мало знаешь, что ли? Всё в порядке. Распоряжения по клинике я оставил, акции на Машку перевёл. Письмо ей написал, что ухожу на научный эксперимент, серьёзный, на годы. Она ведь тоже учёный, моих кровей, поймёт. Да, ещё приписал, что иду с Горынычем, чтобы не волновалась... Ну и потом, сейчас ведь не то что раньше — по сто пятьдесят лет живут, и это не предел. Увидимся ещё.

Гор кивнул, хлопнул меня по плечу и откинул люк.

Внутри всё осталось прежним, картин только поубавилось. Дубовый паркет, стол, диван и даже примус прекрасно сохранились и, как раньше, создавали особую атмосферу старины и уюта.

— Ну что, готов?

Я подошёл к рычагу, просительно взглянул на верного друга.

— Гор, дай я, а? Три, два, один... поехали!

Сказки из подполья

Руслан Нурушев

Родился 03.12.1973 в с. Восток Енотаевского района Астраханской области. В 1991 г. после окончания школы поступил на юридический факультет Волгоградского государственного университета и переехал в Волгоград. В 1996 г., окончив вуз, отслужил в армии и вернулся в Волгоград, где и проживает до настоящего времени. Работает по специальности — юристом в юридической фирме.

(Продолжение.

Начало в № 4, 5-2022)

...Я очнулся на траве, чувствуя, как быстро уходит та пронзительная нестерпимая боль, то безысходное отчаяние.

— Очнулся, очнулся! — услышал я обрадованный голос монаха.

Приподняв кружившуюся голову, я увидел его улыбающееся лицо — ясные глаза блестели радостью, — а рядом стоял его Спутник. Вокруг холмилась равнина, поросшая ковылём и луговым клевером. Возле ракитника мирно пасся осел. Я взирал на пейзаж с некоторым удивлением.

— Это мы тебя вывезли, — торопливо пояснил монах. — Испугались там все сильно, когда девочка встала, вот и выпроводили. Спасибо хоть Иаиру, вон осла подарил. Без него умучились бы.

— А... а девочка та как? — Меня почему-то это сильно волновало.

— Бегает, поди! То ли ещё будет!

И он преданно посмотрел на Спутника. Тот невольно улыбнулся при виде его безыскусной радости и чуть кивнул, словно подтверждая: будет. Я вздохнул и откинулся на траву, чтобы вновь провалиться в сон, но теперь здоровый и крепкий...

Когда я проснулся, на западе вовсю горел закат. Набухшее алым светило почти полностью погрузилось за холмы, рдея лишь пунцовой макушкой. На противоположной стороне небо потемнело, наливаясь ясной и прозрачной синевой, со дна которой готовились вынырнуть первые звезды, но солнце ещё не ушло.

Я лежал и смотрел в высокое закатное небо, подсвеченное багряным, расцвеченное ультрамарином, насыщенное свежестью и чистотой. И мне было хорошо — то ли от сна, радостного и светлого, то ли

просто от пьянящего вечернего воздуха. Было хорошо и спокойно, и я лишь тихо улыбался — ведь надо мной моё небо. И хотелось о чём-то мечтать — далёком, прекрасном, несбыточном, мечтать бесцельно и бездумно, ничего в действительности не желая, ни о чём не жалея — ни о прошлом, ни о грядущем, мечтать беспечально и безмятежно. Со мною часто случалось такое, особенно по вечерам, когда на горизонте, в полнеба, полыхает прощальное зарево и воздух становится прохладным, прозрачным, ясным, а в пурпурной вышине разливается неповторимая тишина, которую хочется слушать, забыв обо всём. Когда чувствуется приближение ночи и на ещё светлом небосводе, сразу после захода, одиноко зажигается серебристая звёздочка, дрожа, искрясь и разгораясь. Я тогда не знаю, что творится в моей душе, замирающей в такие мгновения, когда знаешь, что хочешь жить вечно, что жизнь — это радость, только тихая радость и ничего больше, такая же тихая, как этот вечер, этот воздух, это небо.

И я лишь лежал и улыбался, а вокруг улыбалась радость, кроткая и умиротворяющая, что розовела облаками в светописии заката и веяла прохладой с востока, радость безмолвная и просветлённая, радость исцеления и жизни, поверившей, что она никогда не кончится...

...Рядом зашуршали. Я повернул голову — это был монах. Разлѣгшись на земле, разложив листы и морща лоб, он что-то быстро писал, время от времени отрываясь и устремляя отрешѣнный взгляд вдаль. Он морщил лоб, но глаза его светились. Я улыбнулся и окликнул:

— Где твой Спутник, святой отец?

Он вздрогнул и непонимающе взглянул на меня, видимо не сообразив в первый момент, что я его спрашиваю.

— Я такой же святой, как и ты, — наконец-то поняв, он негромко рассмеялся. — Теперь все святы, и не Он моим спутником был, а я его. Даже когда водил за руку. Слепой зрячего не ведѣт.

— Сам-то Он где?

— В селе том, позвали Его. — Монах отодвинул бумаги и положил перо. — Обещал до захода вернуться. — Слегка прокряхтев, он уселся и почесал затылок. — Может, худо кому. У людей всегда ведь нужда какая-нибудь найдѣтся.

Я посмотрел на бумаги.

— Что пишешь?

Монах сразу посерьѣзнул, но глаза засветились.

— Я не пишу, — строго поправил он, — я записываю.

— А что?

— Что записываю? — Он тихо улыбнулся. — Я записываю Его Слово, Вѣсть Радости. — Монах наклонился ко мне и быстро прошептал: — Думаю, всё скоро изменится. Грядут новые времена, небо новое и земля. Ведь так было сказано, а значит, будет. Я верю, что это время близко...

На западе за холмами дотлевал огарок солнца, а на востоке — поднималась густою синевой ночь. Слабый ветерок колыхал стелющийся ковыль, где-то рядом запела цикада. Я приподнялся и сел.

— Прочитай, что записал.

— Это ещё не всё, я не всё успел.

— Ну прочитай, что успел.

— Даже не знаю, — помялся он, — глупо, наверно, это всё. Разве можно словами человеческими сказать, что человеку лишь слышится?

— Читай, не ломайся, святой отец.

Монах улыбнулся.

— Ладно, так тому и быть. — Он махнул рукой и взял лист. — Хотя и человеческими словами, но всё же...

Придвинувшись поближе и обхватив колени, я приготовился слушать. Уселся поудобней и монах. Он кашлянул, приосанился и строго посмотрел на меня.

— Слушай и не перебивай.

И начал:

— В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было «Радость». Всё через Неё начало быть, что быть начало. В Радости был свет, и свет был жизнью человека...

Вечерний воздух был чист и свеж, прозрачен и тих — той особенной предночной тишиной, когда слышны даже шорохи трав. И ветер качал ковыль, и звучал лишь голос монаха. Он читал размеренно и неторопливо, он старался читать сдержанней, но это не получалось — та радость, что поселилась в нём сегодня, что поблёскивала в глазах, прорывалась в речь волнением. Было тихо, лишь голос монаха звучал в закатной тиши и наливался силой, начиная звенеть от переполнявшей радости — странной, беспричинной, непонятной, но какая разница, если это действительно она.

...Блаженны живущие, ибо они живут.

Блаженны умершие, ибо они жили.

Блаженны нерождённые, ибо они родятся и будут жить.

Блаженны все, ибо нет смерти, нет жизни, а есть только Радость, что выше всего.

Истинно, истинно говорю вам: наступает время и уже наступило, когда и мёртвые, и нерождённые услышат Глас Радости и возрадуются радостью великой и светлой. Не ищите смерти, не ищите жизни вечной, а ищите радости, ибо нет ничего, кроме неё. Что тебе с того, человек, если приобретёшь ты жизнь вечную, а радость свою утратишь? Ведь и жизнь вечная без радости лишь гибель веч-

ная, ибо радость — соль всего, и если соль потеряет силу свою, что её сделает солёной? Посему говорю вам: имеющий радость великую — имеет всё. Радующийся уже спасён, ибо не имеет нужды в спасении — ни в жизни, ни в смерти.

Блаженны счастливые и смеющиеся, ибо они счастливы и смеются, ибо они уже имеют, что хотели, а кто имеет, тому прибавится ещё, прибавится мерою полною и доброй.

Блаженны несчастные и плачущие, ибо радости хватит и на них. На всех её хватит, посему блаженны все, ибо все возрадуются и спасутся. Радость ведь не три меры зерна, что на троих даёт, она — одна, что дана всем. А невозможно одно разделить на всех, ибо никому тогда ничего не достанется, ибо частей радость не имеет. Не делится, а даётся посему целиком и полностью каждому. Не мерюю она меряется, — где та мера, что радость эту вместит? Не мерою, ибо она всякой меры раньше и над мерою лишь смеётся. Что ей мера! Отсыплет она вам рукой щедрой и не глядя, отсыплет и на меру не оглянется.

Блаженны праведные, ибо чисты они сердцем, а Радость любит чистые сердца.

Блаженны грешники, ибо они очистятся и будут чисты, а не очистятся — что с того? Для Радости нет грязи.

Блаженны все, ибо нет праведности, нет греха, а есть только Радость, что выше и этого. Нет для радующегося ни греха, ни святости — всё ему в радость, всё ему дозволено.

Всё вам дозволено в радости великой, всё вам во благо — хоть крадите, хоть убивайте, — но надобно ли это радующемуся? Ведь больше, чем радость, вам не украсть, а меньшего радующемуся и не нужно. Лучше возлюбите себя как ближне-

го своего, как Бога своего, ведь и в вас Его радость и образ обитается.

Будьте господами, и первые останутся первыми, а последних не будет, ибо ищущие радости не в очереди стоят друг другу в затылок, а смеются и танцуют по кругу.

Истинно, истинно говорю вам: всё радующемуся дозволено, ибо идёт он легко и налегке, ибо бросил давно крест свой в пыль дорожную. И кто крест тяжкий ради радости великой бросил, тот её уже достоин, ибо крест на плечах ваших — Мой крест, и кто его бросил, Мне ношу облегчил.

Как хотите, так и поступайте, куда хочется, туда и идите, ибо все дороги ведут к Богу и к Радости Его, куда бы они ни вели — в небеса ли, в геенну огненную, в свет ли или тьму. Есть только дороги короче, есть длиннее, но радующемуся ли мерить дороги локтями? Радующийся — не землемер, и дороги меряют шагами, ибо на локтях не ходят. И меряются шагами своими, а не чужими и не книжными, — ибо кто пройдёт дорогу вашу, кроме вас? — и меряются дороги от начала и до конца.

Истинно, истинно говорю вам: все дороги ведут к Богу и к Радости Его, а посему идите и ничего не бойтесь, куда бы ни шли. И дорога Ангела Падшего, дорога гибельная — из Ниоткуда в Никуда, — всё равно к Радости Его приведёт, ибо нельзя Её миновать, как не минуется Бог, стоящий на перепутье — Кресте дорог. До дна опустившийся — до небес вознесётся, претерпевший до конца — в конце спасётся.

Не ищите дорог коротких, ибо широки они и пространны и многие идут ими. Не ищите дорог длинных, ибо они узки и немногие доходят их до конца. Ищите свою дорогу — Дорогу Радости, ибо каждому она предназначена и у каждого она

своя. Ищите свою дорогу, но идите любой, ибо Радость — солнце незаходящее, и светит Она над всеми дорогами, узкими и широкими, длинными и короткими, и нет надобности радующемуся делать Ей стези прямыми — Радость везде пройдёт.

Не ищите радости небесной на небесах, ибо небеса лишь зеркало земли, лишь тысячи зеркал, и нетрудно в них заплутать. Не ищите радости земной на земле, ибо земля лишь отражение неба, — что высоко, то и низко, что далеко, то и близко, и что свяжется на земле, то развяжется на небе. Не ищите радости нигде, но ищите её всюду, ибо она везде и везде одна она, и земная, и небесная, — жнётся там, где не сеялась, и собирается, где не рассыпалась...

...Ветер стих, и в воздухе ощутимо потянуло ночью, — из низин расплзлась прохлада, всё громче пели цикады. Чувствовалось приближение ночи, а монах читал долго, но меня поразило одно: когда он закончил, солнце, казалось, осталось там же, где было, и его краешек по-прежнему выглядывал из-за горизонта, словно раздумав уходить. Я удивлённо хмыкнул. Может, кажется?

— Странно...

Монах встрепенулся.

— Что?

— Смотри сам, — и я кивнул на застывший закат, — ещё не зашло. Хотя пора бы.

— Да, и давно. — Он странно улыбнулся. — Но Он же сказал, что вернётся до захода.

— И? — не понял я.

— А значит, заход будет, когда вернётся.

— Ну это ты, по-моему, перегнул, святой отец! Монах только покачал головой, глаза его блестели.

— Вот увидишь.

Я отмахнулся. Сумасшедший! Что с него взять?

— Ладно, пусть так. Ты лучше скажи: ты всё это по памяти записал?

— Да, мы долго говорили, пока ты в беспамятстве лежал.

— А Ему показывал? А то переврал, может?

— Может, и переврал. — Он равнодушно пожал плечами, по губам его блуждала улыбка. — Если в радость всё, какая разница? Нет сейчас ни истины, ни лжи. Как хочется, так тому и быть, как нравится, так и запишется. Всё равно ведь никогда до конца не поймёшь, что слышится.

Я почесал затылок, но сказать ничего не нашёлся. Монах усмехнулся:

— Хотя ничего Ему я не показывал, — он трепетно оглянул листы, — и не покажу.

Он с величайшей бережностью сложил листы и также бережно засунул за пазуху.

— Почему?

— Глупости потому что всё это. Слово Радости не в слове, а в молчании. От полноты радости и уста молчат.

— Зачем тогда записывал?

— Для себя пишу, хоть и знаю, что тесно радости в словах, всё норовит наружу вылезти.

— Не боишься, что вылезет? И от Вести твоей лишь весточка останется, а от Слова — лишь словечки мёртвые, а?

Монах посмотрел на меня долгим взглядом и тихо улыбнулся:

— Ничего не боюсь, — и хрустнул пальцами, — ничего теперь не боюсь, — на лице его мелькнуло что-то жёсткое, дерзкое, нехорошее, и он усмехнулся, словно бы с вызовом. — Хочешь удивлю?

Его ясные глаза напряжённо застыли. Я рассмеялся. О чём это он? Но сам кивнул:

— Удиви.

Он, по-прежнему странно улыбаясь, полез за пазуху и, на миг загнувшись, вытащил листы, а затем совершенно спокойно, всё с той же улыбкой порвал их в клочки. Я застыл — уничтожить то, во что, наверно, душу вложил?! Я же помнил, как бережно складывал он их, как дрожал и звенел голос, когда читал записанное (или написанное — кто его разберёт?). Монах глядел с тихим торжеством, на губах всё также играла та странная улыбка — нехорошая, с затаившейся дерзостью.

— Ничего не боюсь теперь, — он покачал головой, глаза его непонятно блестели и казались до неправдоподобия ясными, — ничего теперь не надо, ничего не жалко. Не будет нового Писания, всё нынче даром отдаётся, всё даром берётся. Ничего не будет, кроме радости. — И усмехнулся. — Ты ведь думал, что это для меня так дорого? Думал, что на костёр взойду за Слова эти? А я вот взял и порвал! — И голос его задрожал. — Порвал и не побоялся, но ты всё равно прав, если так думал. Дорого мне всё это, и на костёр, если надо, взойду за радость свою и за слова эти. — Лицо монаха на мгновение ожесточилось, а в глазах сверкнула решимость. — Взойду, ведь любое слово, от человека ли оно или нет, не зря говорится, ничего зря не говорится и не делается под небом этим. Дорого мне всё это, дорого, а вот захотел и порвал. Порвал потому, что радость в себе великую имею, и от радости этой, что хочешь могу сделать. И над радостью своей и над словами её надругаться смогу, и против неё же самой пойти, если захочу и радость на это иметь буду. Потому что не жалко теперь ничего, и радости самой не жалко, когда радость эту имеешь. Чем дороже что-то, тем легче и отрывается. Что цену себе большую имеет, то цены не имеет совсем. Знаешь,

чем человек от твари неразумной отличается? Не умом и не обликом своим, а тем, что бросить всё сможет. И чем дороже это для него, тем легче и бросит, главное, чтобы резко и сразу, чтобы самому не успеть испугаться, что делает. А тварь ведь что найдёт, зёрнышко ли, гнёздышко ли, к тому и прилепится навек, и без крови не отдаст ведь никому, всё ей жалко, всё ей отдавать тяжко. И человеку ведь тяжко, и человеку ведь жалко, а отдаёт ведь и бросает всё, и за так порой отдать может, кровью обольётся, как тварь за своё дрожащая, а всё равно оторвёт и бросит. И ладно бы выгоду хоть какую-нибудь имел с этого, так ведь за просто так бросит, и сам порой не знает зачем, и не знает сам чего хочет. Схватит его порой что-то за сердце, сам не знает что, и всё готов отдать, всё продаст и уйдёт куда глаза глядят, искать чего сам не знает. Великого чего-то человек хочет, такого великого, чтобы, кроме него, ничего и не было, а где оно и что оно, не знает. Вот и мечется между землёй и небом, во все стороны шарахается. Всё может человек, и поднять, и бросить, а вот тварь дрожащая, неразумная, только поднять, а человеку всё нипочём. И то, что всю жизнь собирал, отдаст первому встречному, и то, на что душу свою клал без остатка, бросит не глядя, словно вещь не нужную. Знал я по молодости, ещё до пострига, одного учёного большого, философа. Многое он знал, всё книгу писал, великую книгу хотел написать, чтобы глаза людям на истину раскрыть. Всю жизнь почти писал её, во всём себе отказывал, недоедал, чуть ли не в лохмотьях ходил, от предложений знатных отказывался, всё боялся, что помешают ему книгу дописать. А когда дописал её на склоне лет и прочитал, и понял, что удалось ему всё, как хотелось, что и впрямь великую книгу написал; когда понял,

что свершилось главное дело его жизни и ничего ему больше в ней не осталось, пошёл и в огонь её бросил, и никогда о ней даже не вспоминал больше, словно и не было ничего, словно не на неё всю жизнь свою потратил. Ещё удивительную историю об аббате одном нашем, когда в монастыре обитался, рассказывали мне братья шёпотом. Аббат тот, настоятель наш, суровый человек был и праведности великой, а вот слыхали о нём многое. В юности, мирянином ещё, совсем беден был, побираться впору было идти, но поставил себе в день один цель такую, чтобы в люди выбиться и не кланяться никому. И ведь стал выбиваться, и правдами всеми, и неправдами, ничем не брезговал, одно время, говорят, в шайке разбойничьей был, и чуть ли не атаманом её, ибо силу большую имел и дерзость. И к годам тридцати многое стал уже иметь: и имение себе приобрёл, и дом в городе, и денег не меряно, а потом и титулом графским разжился. И всё у него было хорошо, в гору шли дела его, почёт стал иметь и почти что ко двору представлен был, потому что цель себе раз и навсегда поставил и шёл к ней напролом. А вот в день один прекрасный, не поверишь, но влюбился в дочку купца одного, не особо-то красивую, так себе, но ведь втемяшилась в голову — и всё тут. Сватов к ней засылает, ночей не спит, а она тоже с закавыкой человек оказался, возьми да откажи, хоть дочь всего лишь купеческая и богатства-то особого нет, а графу отказала. Хотя граф он и бумажный был, но бумажка-то с гербом, а у ней и такой не было. И всё тут — нашла коса на камень! А девица та гордая была, весь дом в страхе держала, и отец ей слово боялся поперёк молвить. Аббат-то наш будущий и так её уламывал, и эдак, и горы золотые сулил, и любовь вечную, и впрямь ведь помешался

человек от любви этой, и чуть ли не корону имперскую обещал, а она ни в какую! Понял он тогда, что не быть ей его никогда, ну нельзя было сделать уже ничего, такая вот попалась. И пошёл он в один день прекрасный и продал имение своё соседу за бутылку вина хорошего. Напился, в город приехал, дом свой сжёг и покрушил, деньги челяди раздал, а бумагу графскую в место отхожее выбросил. И пришёл потом к той: вот он я, наг и нищ, каким пришёл, таким и уйду, что хочешь, то и делай. И не знаю, что у него на лице написано было, но видно что-то нехорошее, но перевернулось у той в душе что-то, сама же видит, что ничего не пожалел человек ради неё, и в тот же вечер согласие дала. И все вроде бы рады были и свадьбу готовили, сам жених как на крыльях летал и о богатствах своих не жалел ничуть — что ему деньги, что ему почёт! Знал потому, что если захочет, ещё больше иметь будет, знал, что чего угодно добиться сможет, если цель себе такую поставит. Такой вот человек был. Радостен был в те дни, знал, что сокровище приобрёл большее, душу любящую, а ведь полюбила она его, и всерьёз полюбила за поступок тот, что ничего не пожалел ради неё. Радостен он был и на свадьбе, чуть ли не светился, так радостен, что под конец даже страшно стало ему от радости своей, ибо почувствовал, что большая она слишком, что от радости ничего не боится и на всё готов. И под конец пира поднялся он из-за стола свадебного с улыбкой странной, бокал вина выпил залпом, утёрся молча, улыбнулся, и также молча вышел, и в ту же ночь из города ушёл куда глаза глядят. Сам потом толком понять не мог, зачем сделал. Говорит, радости было много слишком, что на всё, казалось, пойдёт, вот и захотелось проверить радость эту и смелость свою — бро-

сит ли ту, ради которой всё бросил? А когда бросил, то ещё радостней и страшней стало ему от радости своей великой, ибо понимать стал, что, может, и нет ничего на свете, чего бы он сделать не побоялся бы, что бросить бы не смог. Долго он бродил после этого, а потом к шайке опять какой-то примыкнул, делами нехорошими занимались. И грабить ему приходилось, и убивать, и через кровь невинную переступать, — всё себя и радость свою со смелостью проверял, всё проверял и проверял, а предела всё нет и нет, ничто его не останавливает, нету удержу. Говорят, мол, когда нехорошее человек замыслит, голос в нём какой-то звучит и его держит, не пускает, — мол, чувствует человек, что не может этого сделать, а если-таки делает, то совесть заест и пойдёт он каяться. Мол, где дело неправое, там и расплата. А у него всё не так! Чувствует, что нету у человека голоса-то никакого, что сам себя он запугивает, сам себя удерживает голосом этим придуманным, ибо смелости своей боится, боится, что далеко его эта смелость увести может. А он не боялся, и что он ни делал, что ни вытворял аббат-то наш будущий, всё ему побоку, всё ему нипочём! Ничто не пугает, лишь радость и страх от смелости своей возрастает и интерес даже — остановит ли его что-нибудь, есть ли вещь на свете, какой бы он сделать не смог? Но и страху много было, боялся он всё-таки тайно смелости своей, на всё ведь с готовностью шёл. И боялся, и радовался, что удержу ему нет, — боялся, что не найдётся предела дерзости его, а он дерзкий был, и ещё пуще, наверно, боялся, что такой предел найдётся, что найдётся черта, за которую и он перейти не сумеет. И того, и другого боялся, и тому, и другому в душе радовался, ибо радость большую имел. Непонятный человек был,

но в шайке его уважали, за смелость да за дерзость, и что корысти не имел: в дом охраняемый мог залезть и вынести оттуда что хочешь мог, а когда выносил, интерес-то к нему и терял, и тут же в канаву придорожную мог всё и выбросить. Себя лишь человек проверял, всё игрой ему казалось. Уважали его свои, знали, что такой не подведёт в ремесле их грязном, но опасном, а тот пошёл и в один день всю шайку-то и сдал, и всех своих товарищей под виселицу подвёл. Себя опять проверял — смерти человек не боялся, позора ли и греха иудиного ли ему бояться? И этот грех на себя взял — и ничего: и под землю не провалился, и на небеса вознесён не был. И опять чувствует, что и здесь ему не предел, и позор предательский его не пугает и не испугал. Товарищей его, конечно, повесили, а ему в снисхождение темницу определили, простить его не смогли, слишком уж и на нём многое было. Только он и в темнице не горевал — ему ли этого бояться, кто через многое перешагнул? И всё его радость не оставляет, что всё ему нипочём, что всё без разницы. А один раз и вовсе сон приснился, или это не сон был, а виденье бесовское, что пришёл к нему сам диавол и говорит: продай душу свою за пожелание любое; что хочешь, то и сделаю, только продай. А он ему в лицо рассмеялся: душа моя, говорит, не продаётся, и никто её купить не сможет, потому что никогда и никому не продавался, а только брал, если надо что было, а посему забирай её задаром, рогатый, а пожелание оставь себе — ничего мне не надо, ничего мне не жалко. И жизнь ему не жизнь, и смерть ему не смерть, — что ему душа, что проклятье! А когда проснулся, вначале испугался сильно, совсем ему, выходит, предела нет, над пропастью висит и не падает, испугался и решил

тогда, всё, хватит. Но как сон свой тут вспомнил и слова свои дерзкие — забирай, рогатый! — так в нем дерзость-то вновь и взыграла: а что, ему ли диавола бояться, кто и бога давно в грош не ставит? Рассмеялся он тогда, как во сне том, и крикнул в угол тот тёмный, где и видел искусителя: ей-богу, забирай, рогатый! Рассмеялся и понял, что и это ему не предел, что и дальше пойти можно, что сам чёрт ему не брат и с самим сатаной ещё потягаться может. Вконец понял, что нет человеку пределов никаких и воле его, если смелость великую и радость на это иметь. Понял, что нет пределов и не будет, и быть их не может, потому что и на Бога, и на диавола плюнуть может, и никто, ни Тот, ни другой, ничего ему сделать не сумеют, ибо всё он примет и ничего не побоится. Гибели ему вечной ли бояться? Да он хоть сию секунду готов сгинуть навечно, хоть в огонь адский, хоть в смерть вечную, — что ему муки вечные, что ему проклятье! Ничего не побоится, всё принять готов. И когда понял он, что всё позволено, что нету пределов ему никаких и радости его, то тут-то и понял, что это-то и есть предел. Что дальше-то идти некуда, что некуда больше ни падать, ни вышаться, понял, что упёрся во что-то великое, то ли в рога диавола, то ли в Ноги Господни. Понял, что в свободе своей беспредельной и сделать ничего не может — ни шелохнуться, ни двинуться, словно связан он ею, что не знает куда и деться от неё, что боится её он. И страх обуял его великий, что в стену упёрся, и так упёрся, что хода дальше нет и быть не может, упёрся, а с тем чувствует, что и падает тоже, падает и остановиться не может. И так его это разрывать стало — и на месте стоишь, шелохнуться не можешь, и падаешь вместе с тем куда-то и упасть не мо-

жешь, но не можешь и остановиться, — так разрываться стало, что упал он тогда на пол и припадок с ним случился. Биться он начал о пол от радости своей непонятной и страшной и умер, может быть, тогда бы, не случись с ним тут чуда. Вошёл кто-то тогда в темницу его шагами тихими, а сам весь в светлом, коснулся лба его, и стих тот сразу, а потом за руку взял и вывел его как-то за стены темничные, и стража его не видела. Вывел из темницы, за город вывел, улыбнулся ему и говорит: иди, ибо до конца претерпел радость свою страшную, иди и ничего теперь не бойся, ибо знаешь теперь тайну свою человеческую — нет тебе предела и в этом твой предел, над пропастью висишь и не падаешь, а на земле стоишь — проваливаешься; беспределен ты, но беспредельностью в себе не владеешь, а владеет она тобой, — иди, но не заплутай в ней, а заплутаешь, Меня позовёшь. И ушёл Тот, что его вывел, и понял он, Кто это был, и с того дня перевернулось в нём что-то, а потом и вовсе в монастырь ушёл и великие дела в служении своём совершал, потому что ни в чём остановиться не мог, везде до предела шёл, ибо меры себе не знал. Нигде остановиться не мог и здесь не остановился: ушёл он однажды зимой босым из монастыря, и никто не знает, почему, и нигде его больше не видели...

Краешек солнца по-прежнему выглядывал из-за горизонта, так и не сдвинувшись, словно забыв о времени, но я смотрел только на монаха.

— Странные у вас истории в монастырях рассказывают. — Я покачал головой, не спуская с него глаз. — И откуда только известно было и про мысли его, и сны, и улыбка какая была, когда невесту свою бросал, а?

Монах искоса глянул и усмехнулся.

— Догадливый ты. — Он чуть помолчал. — Перед собой ты видишь аббата этого. Не простым братом я в монастыре был, пока зимой той шагов Его в коридоре не услышал. Я ведь с той ночи, как вывел Он меня из темницы, поступь-то Его и запомнил, на всю жизнь запомнил.

Я тихо смотрел на него.

— Неужто до пострига столько дел совершил? Монах отвернулся.

— Много было, — глухо отозвался он, — многое...

Я покрутил головой.

— Если правда всё, то и впрямь немало.

— Немало? — Он резко обернулся, губы его вновь скривились. — Может, и немало, — и, наклонившись, быстро прошептал мне в лицо. — Только не для меня!

Я чуть вздрогнул.

— Чего же ты ещё хочешь, святой отец?

Монах откинулся назад.

— Многого! —И рассмеялся, но глаза не смеялись, а словно застыли и напряжённо поблёскивали. — Многого хочу, всего хочу! Радости хочу, и чем больше иметь её буду, тем больше буду и хотеть.

Меня стал пугать его взгляд — слишком ясный, слишком блестящий и, казалось, двигаться почти перестал, застыв в непонятном оцепенении.

— А не слишком?

Он сразу весь съёжился, но глаза не изменились.

— И сам знаю, что слишком. — Монах почему-то перешёл на шёпот. — Знал я по молодости каторжанина одного беглого, Варлаамом звали, и кличка у него была такая же — «Варлаам-каторжник». Издалека откуда-то бежал, к нам прибился, и поговорка у него была любимая: широк человек, широк, сузить бы надо! И прав ведь. Широк, слишком мно-

гого порой хочет, только сузиться у меня не получается, рад бы, да не могу. Хотя Варлаам тот умел, хоть других, но умел.

— Как других? — не понял я.

Монах тихо рассмеялся.

— А очень просто: тесак у него был отличный. Так вот он им-то частенько кого-нибудь и «сужал», кого на палец, кого на руку, а кого и на голову, по настроению смотря. Злой мужичонка был, отчаянный, поизмываться любил над жертвами своими, но весёлый.

Макушка солнца алела из-за холмов, всюю надрывались цикады. Вновь поднявшийся ветерок клонил ковыль, и в ноги подкатился клочок — обрывок Вести. Сам не зная зачем, я рассеянно поднял его и развернул. Развернул, прочитал и удивлённо застыл — неровным, словно пляшущим почерком было написано: «... А вчера, брат мой, не поверишь, видел сон греховный с женщинами...» Я недоуменно уставился в бумажку. Откуда это? Ещё раз перечитал и наморщил лоб. Я мог поклясться, что в Вести, что читал монах, такого точно не было! Поражённый внезапной догадкой, я схватил ещё один обрывок, а там — «... Пиши почаще, брат Яков, в дороге буду читать.» Это была не Весть!

Я скомкал бумажки и поднял взгляд. Монах был красен как рак, — я никогда раньше не знал, что человек может так краснеть. Он весь словно съёжился и стал маленьким и жалким, — он видел, как я читал обрывки.

— Так-так-так, — усмехнулся я. — Может, объяснишь, святой отец, что всё это значит?

Его глаза уже не блестели, — они пристыжённо бегали, а губы кривились в жалкую улыбку. Не выдержав взгляда, он опустил голову.

— Лгал я всё, — выдавил он, — всё лгал. И аббатом никогда не был, и историю его выдумал, и Варлаама-каторжника, и учёного, что книгу сжёг. А Весть со мной, здесь. — Монах вытащил из-за пазухи слегка помявшиеся листы и слабо улыбнулся. — Разве мог я порвать их? — Он трепетно разглаживал бумагу, и руки его чуть подрагивали. — Я же ради радости своей на костёр взойду.

— Зачем? — непонимающе смотрел я на него. — Для чего врал-то?

Он опустил плечи.

— Зачем? — Его губы скривились, и он махнул рукой. — Сам не знаю. Может, покрасоваться хотел, из тщеславия. А может, просто радости хочу...

— Радости?

— Выслушай меня и не перебивай, — тихо попросил он. — Я ведь когда читал тебе Весть, то голосом своим, словами этими так заслушался, что радостно стало и всё казалось смогу. Ты не подумай, что совсем я болтун. — Он поднял голову и жалко улыбнулся. — Я же когда полез за пазуху, сам до последнего верил, что сумею порвать и выбросить. Верил потому что, что радость в себе большую имею. Душой не боялся, не сомневался даже, что сумею слова эти для меня дорогие на ветер выбросить, душой не боялся, а рукой испугался. Не было, видно, в руке радости этой большой, что в душе имелась, рукой дёрнулся и другое, письма эти, и вытащил. Ну а коли вытащил, пришлось их и порвать. А когда увидел, что поверил ты, что Весть я порвал, то и сам почти поверил, что сделал это.

— А что, если хотел так смелость свою проверить, второй раз не слазил? Далеко, что ли, лежало?

— Да не далеко. — Он слабо усмехнулся. — Знаешь почему, если верёвка под человеком на виселице рвётся, второй раз не вешают?

— Почему?

— А потому, что во втором разе ни красоты, ни страха божьего нет уже. Вся красота страшная-то и заключается в том, что — раз! — и вздёрнули чело-века, и у всех сердечки ёкают, и все только крестят-ся испуганно: избавь нас, Господи, избавь! А если по второму разу вешать, то ведь ничего ёкать уже не будет и креститься будут лишь для приличия. Так и здесь: если бы сразу вытащил, точно порвал бы, потому что сказал тебе, что удивлю, духу не хватило бы отступить. Вся красота-то в том и была, что-бы вытащить молча и порвать враз, чтобы широко получилось, жестом одним. А по второму разу лазить — конфуз, да и только. Не сечёт меч одну голо-ву дважды, потому что не так красиво выходит.

— А про аббата зачем выдумал? Зачем на себя столько наговорил? — Я рассмеялся. — Да ещё с хитростью врал-то! Мол, вроде про другого гово-рю, а сам видом всем своим намёки даёт. А?

— Грешен, — он опустил голову, — грешен. Я ведь, сам не знаю зачем, люблю про себя ино-гда истории всякие сочинять. И иной раз такое со-чинишь, так самому понравится, что сам же и ве-ришь, что было так, и так веришь, что потом и во-все забываешь, что сам же и придумал. Я ведь когда про аббата того рассказывал, верил почти, что было когда-то со мной такое, только забыл, правдой са-мому казалось. Может, потому, что думал об этом много, а когда долго думаю о чём-нибудь, сам пу-тать начинаю, что было, а что только дума моя. Лгал, но искренне лгал, без умысла злого.

В этом я ему верил — я помнил, как блестяли его глаза, — не мог человек с таким взглядом не верить в то, что говорит.

— Думал много, говоришь? Неужто разбойником таким мечтал стать?

— Не разбойником. — Монах покачал голо-вой. — Радость великую всегда хотел иметь, такую большую, чтобы ничего не страшно было. Что-бы на всё мог пойти, до предела любого, и не ис-пугаться, ибо на пределе Бог только и зрится. От-чаянным и дерзким хотел быть, потому что всю жизнь прожил робким и тихим, всего опасался всегда, и не то что через кровь, через слёзы чьи-либо переступить не мог, мухи не обидел за жизнь свою. Робким всегда был, потому и в монастырь подался. Налгал я про себя, не было у меня дел стольких — ни подвигов, ни грехов. Не проливал я крови ничьей, и оружия даже в руки не брал, окромя этого.

И он вытащил из широких рукавов бритву. Я осторожно взял её.

— Неужто на монаха нищего кто руку подни-мет?

— Не поднимет, но себе спокойней.

Бритва была старая — ручка потемневшая, в пятнах мелких, с небольшой трещиной на углу-ке, но лезвие оказалось хорошим — сталь-ное, до блеска отточенное, и, видно, недавно, но несколько длинней обычного. Повертев в ру-ках, я вернул бритву хозяину, и тот вновь спрятал её.

— Кстати, Варлаама откуда выдумал? Или встречал-таки?

— Откуда мне! Я про таких только в книж-ках читал. Где-то и про Варлаама, видно, вычи-тал, а где, не помню, и слова эти не он говорил, а другой кто-то, кажется. А может, и во сне видел, не помню я что-то. Часто путается в голове всё, и сам потом не разберу, где сон, где явь, где выду-мал, а где прочитал.

— А письма чьи?

Он покраснел.

— Мои.

— И кому?

Он покраснел ещё гуще и отвернулся.

— Себе.

Я рассмеялся.

— Себе?!

— Да, себе, — глухо отозвался монах. — Хочется ведь иметь кого-нибудь, чтобы душу излить.

А кому же как не себе её изливать?

Я чуть притих.

— И о чём писал?

— Что в дороге случалось, что видел, слышал.

Я наморщил лоб, вспоминая прочитанное, и посмотрел на монаха.

— Так тебя Яковом величают? — только сейчас я понял, что даже не задумывался раньше, что у него может быть имя: монах он и есть монах. Я усмехнулся. — Станный ты человек, отец Яков, скажу тебе.

— Сам знаю. — Он тяжело вздохнул. —

И низкий. Хоть и наггал я про аббата, а всё равно и без него много грехов имею. — Вид у него был подавленный: плечи поникли, глаза потухли, а на губах — горечь. — Лгу много, грешу втайне много в мыслях своих. Не то Варлаам говорил, не то. Не широк, а узок человек, узок слишком и мелок, расширить бы надо, да кому это под силу?

Мне стало чуть жалко его, — он выглядел потеряннным. В сущности, он ничего страшного не сделал.

— Не суди себя, отец Яков. И никем судим не будешь.

— Знаю. Да где же столько радости взять, чтоб себя не судить? Хоть зёрнышко бы её горчичное...

Стало прохладно — похолодал ветер и восточная половина неба быстро затягивалась тучами, но на противоположной стороне было чисто — багряная верхушка всё ещё рдела на горизонте. Отец Яков посмотрел на застывший закат, и лицо его просветлело. Он повернулся ко мне и уже более ясно улыбнулся:

— Вот видишь, там же и осталось. И останется, пока Он не вернётся.

И в этот момент, словно услышав его, солнце сдвинулось — алый край пополз вниз, уменьшаясь на глазах. Я хмыкнул и кивнул монаху.

— Раскрой глаза, святой отец.

Он обернулся и вначале растерянно вздрогнул, но затем вскочил, и лицо его озарилось радостью.

— Он идёт!

Это был, действительно, его Спутник. Он появился из-за ближайшего холма и вскоре подошёл к нам.

— Учитель, где Ты был? — подскочил к Нему монах. — Не случилось ли что?

Тот чуть поморщился.

— Что ты Меня учителем называешь? Не обременяй Меня излишней ношей и на себя не взваливай ненужного. В дорогу надо выходить налегке, а мы выходим сейчас. Нам пора.

Отец Яков посмотрел на запад, — солнце зашло.

— На ночь глядя?

Спутник усмехнулся.

— Идущий днём — не споткнётся и ночью.

Меня ждут.

И повернулся ко мне.

— Я не зову тебя с Собой. — Спутник покачал головой, — я никого не тяну против воли. Всё равно Дорога одна, и ты идёшь туда, где Я уже был. — Он долгим пристальным взглядом посмотрел мне

в глаза и тихо добавил: — К тому же ты уже получил, что просил. Хотя ты этого требовал.

Я вскинул брови.

— Я что-то просил?

Он вновь усмехнулся.

— Разве тайным является, в чём вы всегда нужду имеете, прежде прощения вашего?

Я пожал плечами. О чём это Он? Но ничего не сказал.

Тут послышался звук рвущейся бумаги. Я обернулся: монаха словно подменили — недавней подавленности как не бывало, а на лице светилось нескрываемое торжество. Вокруг валялась порванная бумага.

— Ничего не боюсь, — глаза его блестели, — ничего теперь не надо. В дорогу пойду налегке.

Я быстро поднял обрывок и прочитал: «... и Слово было у Бога, и Слово было «Радость...». Это была Весть.

...Они собрались споро, да и собираться-то особо было нечего: монах привёл пасшегося неподалёку осла, но когда стали прощаться, на дороге раздался стук копыт, а затем появился и всадник. Он соскочил с коня, незасёдланного гнедого рысака, и бросился к Спутнику. Это оказался Иаир.

— Учитель, — он был сильно взволнован и тяжело дышал, — в селе солдаты Пилата. Ищут Тебя. Их Малх, тот чернявый, привёл. Грозятся синедрионом, если не выдадим. И Малх дочку забрать обещал. Узнать хочет, как получилось, что умерла, но жива осталась. Только не отдам я её. А Ты уходи, беги, они и здесь скоро, наверно, будут. Выдаст Тебя кто-нибудь.

Отдышавшись, он ловко для своего сложения прыгнул на гнедого.

— Я обратно, мало ли что без меня. А Ты уходи быстрее, я только предупредить хотел.

Он хлестнул рысака и скрылся за поворотом.

События дальше понеслись вскачь. Отец Яков побледнел и встревоженно оглянулся.

— Верно Иаир говорит, уходить надо, слишком уж место открытое. Как на ладони стоим.

Но Спутник молчал.

— Давайте отсюда, — повторил монах, беспокойно озираясь. — Село недалеко, а с солдатами прокуратора лучше не встречаться, страшные они люди и слава про них дурная идёт.

Отец Яков подхватил узду осла и взглянул на нас.

— Ну, что встали? Уходим.

Но Спутник даже не тронулся с места, — Он молчал, а на губах — улыбка, то ли горькая, то ли просто усталая. И когда монах потянул за рукав, Тот только покачал головой — было поздно.

Было, действительно, поздно: вначале за холмами послышался гул, — гул приближался, а затем на дороге показались один за другим два тяжёлых армейских грузовика, обтянутых пятнисто-серым брезентом. Они ехали с зажжёнными фарами, мощный свет которых нестерпимо слепил, и я лишь заслонился рукой. Они затормозили, и я услышал, как раздалась короткая и резкая как щелчок команда офицера «К машине!», после чего из-под брезента высыпали солдаты.

Свет убавили, и я опустил руку. Вокруг кольцом стояли люди в сером камуфляже, с имперскими эмблемами на рукавах, в таких же серых беретах. И все в масках — или это были лица? — бледные, почти бескровные, с тонкими, будто нарисованными губами, на которых застыли странные, словно гримасничающие улыбки, а в прорезях для глаз темнела пустота. Они стояли молча и неподвижно — ждали приказа.

Из кабины первого грузовика вылезли двое. Одного я узнал сразу: красавец в чёрном, которого Иаир назвал Малхом. Второй была высокая женщина в сером, но лица не разглядел — скрывала вуаль. Я увидел лишь, как чуть приподнялась сеточка и мелькнули чьи-то красные, ярко красные до неестественности губы, что-то шепнувшие Малху.

Тот ответил и, выйдя в круг, ослепительно улыбнулся нам, словно лучшим друзьям, а затем небрежно, но не без изящества хлопнул в ладоши и коротко кивнул людям в сером. Это была команда, и всё произошло быстро: двое скрутили не сопротивлявшегося Спутника и подтащили к Малху. Тот махнул: в машину! Спутника затолкали в грузовик, а вслед, после команды «По местам!», в кузов полезли и солдаты, по-прежнему молчаливые, с бессмысленными жутковатыми улыбками-гримасами на лицах-масках.

Женщина, державшаяся в тени, первой забралась в кабину, а вслед собрался и Малх, но здесь произошло неожиданное. Отец Яков, стоявший до этого истуканом, внезапно сорвался с места и, что-то взвизгнув, с перекошенным лицом кинулся на Малха. Блеснула бритва, но Малх в последний момент успел отскочить, и лезвие поранило лишь ухо. Тут же подскочило несколько солдат, и один отработанным движением свалил отца Якова, а другой — нанёс короткий резкий удар каблуком в область шеи: раздался хруст, монах дёрнулся и затих. Все было сделано быстро, в мгновение ока, без единого звука, — ничто не дрогнуло на лицах солдат. Малх, громко чертыхаясь и держась за ухо, забрался в кабину и махнул: едем! Взревели моторы, и вскоре оба грузовика скрылись в сторону города.

Я подбежал к отцу Якову. Он лежал с широко раскрытыми, остекленевшими глазами, с неестественно вывернутой шеей, а на маскообразное лицо напознала такая же улыбка, как и у солдат. Он был мёртв. Рядом лежала бритва, и наточенное лезвие поблёскивало под взосшедшей луной, — ночь наступила удивительно быстро.

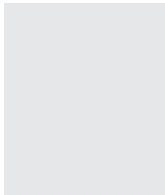
Я поднял бритву. Это была та самая, что показывал он, — потемневшая ручка в пятнах, с небольшой трещинкой, и лезвие длиннее обычного. Сам не зная зачем, я провёл пальцем по стали, и по спине пробежал холодок: в тусклом блеске металла таилась угроза, я почувствовал это кожей, и торопливо отшвырнул бритву. Она негромко звякнула, шлёпнувшись о камень в темноте. Я вытер слегка вспотевший лоб и покачал головой. Дурной сегодня день, всё наперекосяк...

...Отца Якова мы похоронили вдвоём с Иаиром — я сходил за ним попросить лопату. Закончив далеко за полночь, я попрощался с Иаиром и устроился на ночлег в лощине, заросшей тёрном и ракишником, но заснуть не мог очень долго. Я ворочался на куче листьев и всё вспоминал прошедший день — слишком много событий: дочь Иаира, отца Якова, Спутника и пытался понять сказанное Им напоследок. Что я у Него просил? Что требовал? А что значит «ты идёшь туда, где Я уже был»? Разве я сам знаю, куда иду? И где был Он?

Я долго ворочался, но под утро всё-таки заснул. И приснился удивительный сон: я видел Спутника. Он был в Городе, в том, что искал и я, — в Городе Тишины. Он стоял посреди площади и чему-то тихо улыбался, а вокруг кружилась тишина и что-то неслышно шептала, что-то звенела и пела... **УС**

(Окончание следует)

Неяша

Дарья Странник

Когда заходят разговоры о детях, я стараюсь быстро сменить тему.

Просто от слов, что мои дети, сожравшие свою мать, панически боятся встречи со мной, потому что это чревато потерей хвоста, незнающие впадают в шок, а знающие, гады бессердечные, ржут долго и обидно.

Я был молод, неопытен и проходил практику в одном из рядовых интергалактических институтов ботаники, являлся по сути мальчиком на побегушках.

Частенько меня посылали на другие планеты, чтобы отвезти или забрать образцы флоры, так что попутешествовать привелось хоть и без роскоши, но вдоволь.

Вот во время одного из таких заданий я и познакомился с Неяшей.

Планета, куда закинула меня судьба, называлась Глюциус Максимус, в переводе с латыни ничто иное как задница.

Но не в смысле каких-то опасностей, просто вид одного из полушарий навевал соответствующие ассоциации.

Небольшой посёлок, состоящий из двух дюжин невысоких домиков, впрочем, тоже.

Встретил меня такой же зелёный практикант, каковым являлся в ту пору я сам.

— Семена триветки найдёшь в полутора днях ходьбы, — и махнул рукой в нужном направлении.

— Ходьбы? — приуныл я. — Может, дадут вездеход?

— Неа. Во-первых, сегодня четверг.

— Да, — растерянно подтвердил я.

— Ну и на чём начальству в пятницу на охоту ехать?

— Аргумент, — согласился я невесело.

— И, во-вторых, там, куда тебе надо, местами и вездеход не пройдёт. Так что... — практикант замаршировал на месте.

— Проводника-то дадут?

— Это да. Из местных. Не удивляйся, они странные... И не трогай за хвост!

— Яшка! — рявкнул кто-то невидимый из открытого окна ближайшего домика.

— Бегу! — отозвался практикант и поспешил в сторону зова.

— Эй, погоди! В каком смысле странные? И что там с хвостом?

Ответом мне стало что-то неразборчивое, из чего я слышал только три обнадеживающих слова:

— ...не парься... справишься...

Я оглянулся в поисках кого-нибудь, кто скажет, что мне делать дальше, и чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда обнаружил за спиной нечто смуглое и длинноволосое.

— Ты Неяша, — заявило создание, рассматривая меня своими огромными зелёными глазами. Продолговатые зрачки и остроконечные мохнатые уши напомнили мне земную рысь, но крохотный ротик хищным не казался. Ростом создание было чуть ниже меня, руки походили на человеческие, хотя, присмотревшись, я обнаружил на них всего по четыре пальца. Свитер-безрукавка, свободные штаны из серой валяной шерсти и пыльные мокасины выглядели уютно и тепло, очень подходяще — климат на Глюциус Максимусе хоть и не самый холодный, но противно-сырой.

— Я Женя, — поправил я аборигена.

— Ты не отреагировал на имя Яша, значит, ты Неяша. Это логично, — с серьёзным видом объяснило мне создание.

— Эм... Ну да. Я — не Яша, но у меня есть своё имя...

— Несущественно, — заметил абориген. — Одного имени вполне достаточно.

— Тогда и ты Неяша! — заявил я.

— Хорошо. Поскольку в поход мы идём вдвоём, путаницы не возникнет. Удобно и логично, — легко согласился абориген. Вот тогда-то я и начал понимать предупреждение практиканта о странностях местных.

— А если серьёзно, как тебя зовут?

— Теперь на некоторое время — Неяша.

Я решил сменить тему.

— А ты здорово говоришь на нашем языке.

— Ты тоже, — равнодушно ответил абориген и повернулся ко мне спиной, так что стал виден его пушистый хвост.

«Не трогать!» — напомнил я сам себе слова практиканта.

И тут же стало жутко интересно: а что произойдёт, если к нему прикоснуться? Но спрашивать, а тем более распускать руки показалось бестактным.

— Покажу, где заночуем, завтра выходим в поход, — объяснил Неяша, не оборачиваясь.

Остановившись перед одним из домиков, абориген повернулся ко мне лицом и неожиданно дружелюбно сказал:

— А ты хороший: сзади не нападаешь, шею не перекусываешь.

Такого комплимента я ещё не получал и растерялся.

Моё молчание было истолковано иначе.

— Обиделся из-за проверки? Но мне нужно было знать, мы три дня вместе в пути будем.

— Не обиделся, — поспешил заверить я, а мысленно добавил: «... но оторопел». — А если бы я не прошёл проверку?

— Должен был, в тебе метр семьдесят три, — спокойно объяснил Неяша.

— Какая связь?

Во взгляде аборигена мелькнула жалость.

— Пахда, с логикой у твоего вида проблемы, но это не твоя вина. — И зашёл в домик.

Хмыкнув, я последовал за проводником. Похоже, мне предстоит три весёлых денька.

На следующее утро мы двинулись в путь. Я тащил огромный рюкзак, Неяша — небольшую наплечную сумку из шерсти.

— Это всё? — удивлённо спросил я.

— Нет, это сумка, — ответил проводник не менее удивлённо.

Я решил не уточнять и сделал мысленную пометку по возможности не задавать вопросов, кроме самых необходимых, — во имя сохранения здравого рассудка.

До леса было рукой подать, и уже через полчаса мы шагали по узкой тропинке между стволов большей частью неизвестных мне деревьев.

Я постоянно останавливался, чтобы сфотографировать образцы местной флоры, но Неяша относился к этому с терпением.

Завидев на ветке странное существо, я обратился к проводнику:

— Кто это?

Вообще-то больше меня интересовало, опасно ли это нечто, но не хотелось показаться трусом.

— Нужа. Лиловая — значит, самка. Они не опасные.

— А самцы?

— Плюются ядом.

— А какого цвета они?

— Лилового.

Выражение моего лица, очевидно, говорило само за себя, потому что Неяша спохватился и объяснил:

— Пахда, забыл — на вашем языке эти цвета обозначают одним словом, потому что выглядят для ваших глаз одинаково.

— Хорошо, что у меня есть ты, — пробормотал я без иронии. — А что означает «пахда»? Я ещё вчера хотел спросить.

— Разве так не говорят, когда о чём-то вспоминают или внезапно что-то понимают?

— Ах да?

— Оно. Только я не могу начинать восклицание с гласной.

И снова я не нашёл слов для ответа, но Неяша понял.

— Мы разные, — сказал он и зашагал дальше.

Пушистый хвост закачался передо мной в такт шагов проводника.

Я вспомнил, как тягал в детстве за хвост нашего Мурзика, и настолько отвлёкся, что не заметил приближения опасности.

Что-то метнулось из чащи в моём направлении, но ещё быстрее обернулся Неяша, одним прыжком перехватил похожее на змею животное и откусил ему голову.

Тело напавшего ещё билось в конвульсиях, а проводник уже с аппетитом прожевал и проглотил откушенное.

Я, борясь с тошнотой, присел на землю и пробормотал слова благодарности.

— Совершенно не за что, — заверил Неяша, — эти длинные с полосками — самые вкусные. Особенно голова. Если хочешь, я отгрыгну часть?

Я поспешил вежливо отказаться, утверждая, что не голоден, и сомневаясь, смогу ли вообще когда-либо проглотить кусок чего-нибудь.

Остаток дня прошёл без приключений, что ужасно радовало. Но, когда мы остановились на ночлег, Неяша огоршил меня запретом разводить костёр.

— Хищников приманим. Прибежит такой, я тебя защищать брошусь, а хищник от испуга в костёр прыгнет. Горящие ветки полетят во все стороны, загорится лес. Погибнешь в огне и не доберёшься до триветки, чтобы принести своим сёмена.

— Э-эм... Ты видишь будущее? — осторожно поинтересовался я.

— Нет. Зачем? — недоумённо отозвался проводник. — Наш народ привык учиться на ошибках прошлого.

— Ладно, — сдался я. — Что ты предлагаешь? Холодно ведь. И в темноте хищникам даже проще подобраться. Или здешние твари не чувствуют запаха?

— Чувствуют, только — не обижайся — пахнешь ты невкусно. А ещё у меня есть это, — Неяша достал из своей сумки небольшой глиняный сосуд и открыл пробку. — Для тебя этот запах неощутим, а местных зверей он отпугнёт. А холода не бойся, я тёплый. Лягу рядом и согрею.

Я попытался вежливо отказаться от подобной услуги, но Неяша только отмахнулся.

— Не волнуйся, я к человеческому запаху немного привык, переживу.

После лёгкого ужина — Неяша мою еду есть отказался — я достал из рюкзака спальный мешок и расстелил его на земле.

Только забрался туда и, ворочаясь, застегнул молнию, как почувствовал прильнувшего ко мне со спины Неяшу.

Ощущение весьма неловкое, но, решив, что никому не расскажу про это маленькое происшествие, успокоился и уснул.

Во сне, наверное, как обычно, много ворочался. Когда проснулся, то обнаружил, что обнимаю Неяшу, кончик его уха щекотал мой нос.

Проводник не соврал — он действительно был очень тёплым, а ещё мягким. И приятно пах орехами.

— А у тебя мелодичный ритм сердцебиения, — заявил Неяша. — Но зачем ты рычишь, когда спишь?

— Рычу? А, храплю. Есть такое, — ответил я, выбираясь из спального мешка.

— Сразу понял, что ты хороший, — умозаключил Неяша и юркнул в чащу.

Я только хмыкнул, поражаясь логике аборигена. Вернулся проводник с набитым ртом, что-то энергично жуя.

Я не стал уточнять, опасаясь, что не смогу доесть собственный завтрак.

После небольшого марша мы вышли на край крутого обрыва.

Где-то внизу плескался ручей, узкий подвесной мостик вёл на другую сторону.

— Не бойся, я лёгкий, — сказал Неяша, заметив мою неуверенность.

— Думаешь, мост выдержит меня?

— Проверим, — беззаботно отозвался проводник и ступил на покачивающийся мостик.

Я сосредоточился на кончике хвоста Неяши, чтобы не смотреть вниз, и какую-то вечность спустя мы благополучно дошли до твёрдой земли.

Колени ещё предательски подрагивали, когда проводник бросился ко мне и крепко обнял.

— У тебя точно великолепная наследственность, — торжественно объявил он. И, не дав опомниться, добавил: — Если хочешь, можешь оторвать мне хвост.

Словно смутившись, он, к моему большому облегчению, разжал объятия и зашагал дальше.

— Э-эм. Спасибо. И нет, спасибо. Не хочу ничего отрывать... Но хвост у тебя очень красивый! — неуверенно выдавил я вслед.

Проводник не обернулся и не ответил. Вот только не хватало обидеть чудака.

До рощи триветок мы добрались быстро и в полной тишине. Доставая ёмкость для семян, я спросил Неяшу, не хочет ли он помочь.

— Эти семена лёгкие и гладкие, — отрицательно мотнул головой проводник.

— Понятно, — вежливо соврал я и принялся за сбор в одиночку. Много времени это не заняло, но Неяша непрерывно пристально наблюдал за мной. Знать бы, что у него на уме.

— Можем возвращаться, — объявил я.

Неяша молча развернулся и повёл меня назад. Точно обиделся. Ну и ладно, полдела сделано.

Путь назад лежал, конечно, снова через подвешенный мостик, и именно здесь что-то пошло не так. Мой проводник уверенно ступил на покачивающуюся конструкцию и сделал несколько шагов. Потом бегло обернулся, проверяя, следую ли я, и опять перед моим лицом оказался пушистый запретный хвост.

Неожиданно Неяша потерял равновесие и закачался, нелепо размахивая руками и чуть не переваливаясь за невысокие плетёные перила.

Я действовал совершенно инстинктивно: вцепился одной рукой крепче в плетёнку поручней, а другой схватил проводника за то, что первым под руку подвернулось.

Неяша тут же успокоился и продолжил переход как ни в чём не бывало, оставляя меня позади... с оторванным хвостом в руке.

Окрикнуть проводника я решился, только когда почувствовал под ногами твёрдую землю.

— Эй, Неяша! Извини. Я не специально.

Проводник обернулся. Выглядел он весьма довольным.

— Я же сказал — можешь оторвать. Но ты слишком нерешительный, поэтому я помог.

— Так ты это нарочно? На мосту? — догадался я.

Неяша улыбнулся и пошёл дальше.

Я не сразу сумел пошевелиться, настолько сосредоточился на попытке постигнуть наконец-то логику аборигена. Но понял только, что ничего, кроме головной боли, не достигну, и бросился вдогонку.

— Неяша! А с хвостом-то что делать?

— Сохрани на память, — отозвался проводник.

Бормоча проклятия, я затолкал пушистый хвост в карман рюкзака. Тот ещё сувенир. Очень захотелось покончить поскорее с этой миссией и вернуться к людям.

На ночлег мы устроились так же, как и в первый раз. Только ночью меня что-то разбудило, но, не обнаружив вокруг ничего опасного, я почесал голову и снова уснул.

Следующий день пролетел почти незаметно. Как всегда, знакомый теперь путь показался коро-

че, чем в первый раз. На границе леса, откуда уже был виден посёлок, Неяша остановился.

— Мы попросаемя здесь, мне нужно остаться в лесу, чтобы родить потомков.

— О, — только и смог выдать я.

Надо же, Неяша не мужчина, а женщина... или самка? Да ещё и беременная.

— Я не знал, что ты... женского пола.

— Мы ни то ни другое... или оба, если тебе так проще. Пока нам не оторвут хвост. Теперь во мне зреют твои детёныши.

— Э-э-э... — Во мне начала расти паника. — Но я же ничего...

— Ты оторвал мне хвост. И дал кусочек себя.

— Я ничего не давал!

— Ты очень нерешительный. Я вырвал пучок твоих волос ночью. Этого достаточно. Ты изда- лека, это очень хорошо для генпула. У нас будет красивое и здоровое потомство.

Кажется, я забыл дышать, а Неяша продолжала спокойно:

— Теперь улетай и никогда не возвращайся.

— Почему? — вырвалось у меня, хотя больше всего я хотел незамедлительно сделать именно это.

— Наши дети растут быстро, уже через несколько дней они сожрут меня.

— Ты умрёшь?

Час от часу не легче.

— Конечно. А отцам не полагается видеть своих детей. Напугаешь их до смерти. Лишишь потомства.

— Но я готов нести ответственность... — пролепетал я, не совсем понимая — за что.

— Нет. Иначе ты отгрызёшь им хвост.

— Как тебе?

— Отгрызенный — не оторванный! — отрезала Неяша.

— Но я не собираюсь...

— Отцовство меняет характер, — перебила Неяша тоном, не допускающим возражения. Потом порывисто обняла меня и скрылась в лесу.

В посёлке явно ожидали чего-то подобного, потому что встретили меня смешками и подмигиваниями.

Успокаивали, что я не первый попался, но всё в порядке — просто аборигены чудаки ещё те.

Просьбу Неяши я выполнил: улетел и не возвращался.

Но иногда думал о том, что на далёком Глюциусе Максимусе живут мои хвостатые детёныши.

Странное чувство, как и всё, связанное с Неяшей. Верно, мы разные.

А хвост её я действительно сохранил, сам не знаю — почему. Может, потому, что мне жалко чудаковатую, сожранную нашим потомством инопланетянку.

Кстати, из рассказов знакомых семейных я сделал вывод, что человеческие детки тоже далеко не ангелы и сводят родителей в гроб куда более медленными и изощрёнными средствами, по сравнению с которыми пожирание — гуманизм чистой воды.

И да, слушая про то, как очередной отпрыск разбил отцовский планер или как некая девица четырнадцати лет сделала родителей бабушкой и дедушкой гибрида-мутанта, думаю, что таким не то что хвост, а голову отгрыз бы...

В общем, когда заходит разговор о детях, я стараюсь быстро сменить тему. ☑